НЕУДЕРЖИМАЯ

МОЯ ЖИЗНЬ

МАРИЯ ШАРАПОВА

НЕУДЕРЖИМАЯ

МОЯ ЖИЗНЬ

МАРИЯ ШАРАПОВА

Мария Шарапова

НЕУДЕРЖИМАЯ

Моя жизнь

Maria Sharapova
UNSTOPPABLE: My Life So Far
Copyright © 2017 by SW19, Inc.
All rights reserved
Во внутреннем оформлении использованы фото: Алексей Куценко / РИА Новости
© А. Петухов, пер. на русский язык, 2017
© Издание, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2017
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Я знаю, как это бывает. Открываешь новую книгу. Посвящение. Мы всегда хотим пролистнуть эту страницу. Дальше!

Но эта книга написана для вас. Мы с вами могли никогда не встречаться, или встречались мельком. Вы могли никогда ничего не слышать обо мне.

Но если вы что-то обо мне уже знаете, то я благодарю вас за то, что захотели узнать больше.

Благодарю за то, что решились потратить на меня свое время. За ваше любопытство. Может быть, вас просто привлекла обложка. Благодарю вас за то, что решили взять книгу с полки.

И последнее – это касается всех тех из вас по всему миру, кто переживал вместе со мной мои победы и поражения как свои собственные. Простого спасибо недостаточно, чтобы выразить вам мою благодарность, но в моем сердце навсегда сохранится признательность вам.

Не судите обо мне по моим успехам, судите по тому, сколько раз я падал и поднимался снова.

Нельсон Мандела

Пролог

В какой-то момент, ближе к концу Открытого чемпионата Австралии 2016 года, медсестра попросила меня помочиться в контейнер. В этом не было ничего необычного – просто еще одна процедура, предписанная ITF (Международной федерацией тенниса) для проверки атлетов на допинг и сохранения чистоты спорта. Мне было двадцать восемь лет. Я делала это уже больше десяти лет и забыла об этом тесте сразу же, как только сдала его, быстро переключившись на другие насущные проблемы: следующий круг соревнований, следующая игра, которую мне необходимо выиграть, чтобы достичь того, к чему я стремилась. Я уже выиграла пять турниров Большого шлема, включая и открытый чемпионат Австралии, но желание быть самым счастливым из игроков в последний день больших соревнований никогда не исчезает. Более того, оно растет. Приближаясь к завершению карьеры – а в первые недели 2016-го я думала только об этом, – я стала лучше ощущать время. И шансов на выигрыш турнира Большого шлема у меня оставалось все меньше и меньше.

Серена Уильямс выиграла у меня в финале 2015 года. В двух сетах. На тай-брейке. Проигрывать никому не хочется, но я ушла с корта с твердостью и оптимизмом. Я ждала наступающий сезон, который станет для меня одним из последних. Более того, в те дни, перемещаясь по Азии с одного турнира на другой, я меньше думала об игре, чем о своем уходе. Я знала, что конец близок, и хотела уйти красиво. Я в последний раз объеду турниры Большого шлема – начиная с Открытого чемпионата Австралии, потом Открытый чемпионат Франции, а потом Уимблдон. Этакий круг почета. Получу удовольствие от зрителей, а они получат удовольствие от моей игры. Все закончится на Открытом чемпионате США, на корты которого я выйду как раз в тот момент, когда эта книга появится на прилавках магазинов. Может быть, я даже доберусь до финала. И может быть, Серена тоже в нем будет.

Серена Уильямс – это живое воплощение моих побед и моих неудач – наши истории навсегда переплетены. На каждый матч с ней я выхожу с уважением и трепетом. Именно Серену я победила в финале Уимблдона, чтобы в возрасте семнадцати лет выйти на международный уровень, и именно от нее мне доставалось больше всего впоследствии. Я выигрывала у всех, кто выигрывал у Серены, но никак не могла победить ее саму. В

этом есть свой секрет – она его знает и знает, что я тоже его знаю. Это наш с ней секрет, к которому я вернусь, когда наступит время.

А может быть, я найду способ победить ее и моя карьера завершится так же, как и началась, – и я буду стоять рядом с Сереной с кубком в руках под восторженные крики толпы.

Знаете, есть такая поговорка: «Человек предполагает, а Бог располагает».

Шла третья неделя сезона, когда я получила электронное письмо от ITF. Когда я стала его читать, меня охватила паника. Это о том тесте, который я сдала в Мельбурне? Я его не прошла. В моче был обнаружен мельдоний, а в январе 2016 года мельдоний был занесен Всемирным антидопинговым агентством в список запрещенных препаратов. Другими словами, я нарушила антидопинговые правила. Меня немедленно отстраняют от соревнований. Затем последуют слушания.

Мельдоний?

Я никогда о нем не слышала. Это какая-то ужасная ошибка. Все еще лежа в постели, я полезла в Интернет. У мельдония было еще одно название – милдронат, и о нем я что-то слышала. Это добавка, которую я принимаю вот уже десять лет. Она используется для лечения множества заболеваний, включая и сердечно-сосудистые. Милдронат порекомендовал мне домашний врач в 2006 году. В то время я была совершенно измучена, часто болела, и на ЭКГ у меня появилось несколько аномальных зубцов. Кроме того, некоторые из членов моей семьи болели диабетом. Я даже не задумывалась об этой таблетке, просто принимала ее. Принимала всякий раз перед интенсивной физической нагрузкой – так же, как люди употребляют детский аспирин для того, чтобы избежать сердечного приступа или удара. И я была не единственной, кто его принимал. В Восточной Европе и России милдронат распространен так же, как ибупрофен. Миллионы людей пьют его ежедневно, включая мою бабушку! Я никогда не вносила его в форму ITF – в нее заносятся препараты и пищевые добавки, которые вы принимали в последние семь дней, – потому что не употребляла его регулярно и не считала, что он чем-то отличается от таблеток адвила[1].

Как он улучшает мою игру?

На этот вопрос не может ответить даже ITF. Потому что он никак на нее не влияет. Создается впечатление, что официальные лица запретили его только потому, что его принимают в Восточной Европе. «Если они его принимают, значит, для этого есть причины» – что-то в этом роде. Я пропустила сообщение о запрете мельдония, потому что он прятался в

длинном списке других препаратов, до которого можно было добраться только перейдя по нескольким ссылкам, указанным в письме из ITF, и который я просмотрела невнимательно. В этом и была моя большая ошибка. Я повела себя неосмотрительно.

И вот сейчас этот момент невнимательности грозил разрушить все, чего я добилась. Меня могут отстранить от соревнований на четыре года! Четыре года? Для профессионального спортсмена это все равно, что вечность.

Передо мной распахнулась бездонная дыра, в которую я свалилась. Все, ради чего я трудилась с четырех лет, вся эта моя сумасшедшая борьба неожиданно получила новую жуткую и несправедливую окраску. За этим последовали дни сомнений и отчаяния.

– Черт побери! – воскликнула, наконец, я, встряхнувшись. – Я буду бороться с этой хренью!

Что лучше всего характеризует мою игру? Решительность и стойкость. Я никогда не сдаюсь. Вы можете сбить меня с ног десять раз подряд, и я поднимусь в одиннадцатый и запулю желтым мячиком прямо в вас.

– Это меня не убьет, – сказала я себе. – Последнее слово еще не сказано.

Чтобы понять эту мою решимость, вам надо знать, кто я такая, откуда я и что привело меня туда, где я нахожусь сейчас. Вам надо знать обо мне и моем отце и о том полете во мраке ночи из России, когда мне было шесть лет. Вам надо знать о Нике Б., Секу и Серене, а также о милой пожилой паре из Польши. Вам надо знать всю эту невероятную историю. Другими словами, вам надо знать все.

Глава первая

Я всегда любила бить. С того момента, как мне исполнилось четыре года. Удар может решить любую проблему. Бездарно проиграла Уимблдон, и все пошло наперекосяк? Бери ракетку и бей. Ее струны и мяч, и связанное с этим физическое напряжение все исправят. Удар возвращает тебя в реальный мир, где цветут цветы и поют птицы. Получила жуткие новости с другого конца света? Бабушка умерла, и теперь тебя ждет долгий перелет и похороны? Бери ракетку, бери мяч. И бей. Правила изменились, а ты об этом ничего не знала, и совершенно неожиданно таблетка, которую ты принимала многие годы, все погубила? Бери ракетку и бей!

Вот одно из первых моих воспоминаний. Мне четыре года. Мой отец, который занялся теннисом за пару лет до этого только потому, что брат подарил ему ракетку на день рождения, приводит меня на местные корты в Сочи. Небольшой парк с грунтовыми кортами, закусочная и колесо обозрения, с вершины которого можно смотреть на Черное море поверх домов. В тот день, может быть, потому что мне было скучно, я вытащила из его сумки ракетку и мячик и стала бить. Бить в изгородь, бить в стену. А потом я зашла за угол и стала бить там, где били все остальные игроки. Я была маленьким ребенком, поэтому не понимала, что делаю, но быстро впала в транс, видя, как мяч отскакивает от ракетки и возвращается ко мне, наподобие того, как йо-йо возвращается к вам в руку. Так я заставила своего отца, Юрия – а этот рассказ и о нем тоже – отвлечься от своих дел и обратить на меня внимание. Так началась моя жизнь.

Я не уверена, что действительно помню себя в то время, может быть, я просто вспоминаю старые выцветшие фотографии: крохотная девочка со светлыми волосами и шишковатыми коленками и ракеткой не по размеру. Иногда я задумываюсь, осталась ли я все той же девочкой, которая взяла тогда ракетку в руки. Очень скоро игра изменилась, и простое нанесение ударов уступило место сложностям с тренерами и тренировками, играм и турнирам, необходимости выигрывать, которая не столько связана с призами, сколько с желанием победить всех остальных девочек. Я могу долго и красиво об этом рассуждать, но в конечном счете, моя мотивация очень проста: *я хочу одолеть их всех*. И дело не в самой победе. Дело в том, что в этом случае ты остаешься непобежденной. Ленты и кубки стареют, но воспоминания о поражениях всегда с тобой. И я их ненавижу. Так что

многими из нас руководит страх поражения. Я говорю «многими из нас», потому что не верю, что я единственный человек на Земле, который думает подобным образом. Может быть, если бы я не стала писать эту книгу, это никогда бы не пришло мне в голову. Когда задумываешься, то начинаешь обращать внимание на то, как связаны между собой различные жизненные явления. Просто видишь вещи по-новому.

Я часто спрашиваю себя: для чего писать книгу?

С одной стороны, для того, чтобы рассказать свою историю, с другой – чтобы лучше ее понять. Во многих отношениях мое детство остается загадкой, даже для меня. Мне все время задают одни и те же вопросы: как я вышла на этот уровень? Как я этого добилась?

Что было сделано правильно, а в чем я ошиблась? Как я уже говорила, у меня есть одно хорошо известное всем свойство – упертость, способность продолжать, когда, казалось бы, все разваливается. Люди хотят знать, откуда у меня эта черта характера и – поскольку каждый надеется получить свой собственный шанс – как выработать ее в себе. Я сама не могу ответить на этот вопрос. Ответ относится к категории «кто его знает…». И может быть, если задуматься об этом слишком глубоко, то это свойство исчезнет. Но это моя жизнь, и я хочу рассказать о ней. Я говорю с журналистами, но никогда не рассказываю им всего. Может быть, сейчас наступило время для новых вопросов, для того, чтобы осмыслить мою жизнь и рассказать о ее начале прежде, чем я все забуду? Я надеюсь, что люди извлекают уроки из любого опыта – и хорошего, и плохого. Это история о жертвенности, о том, от чего приходится отказываться. Но это и история о девочке, о ее отце и о их невероятном приключении.

Глава вторая

С чего же начать?

Может быть, с Гомеля, города в Белоруссии, с его грязноватыми улочками и лесными тропинками, словно из сказки? Он расположен недалеко от границы с Россией и совсем рядом с украинским Чернобылем. Мой папа встретился с моей мамой в школе. Какими они были тогда? А какими были *ваши* родители до того, как вы родились? Это всегда загадка. Мой отец скажет вам, что он был гениален. И неотразим. У моей мамы Елены, на этот счет другое мнение. Он был способен вывести ее из себя. Папа относился к категории учеников, которые ничего не читали и прогуливали уроки, а потом появлялись и проскакивали на экзамене. Школа Юрию всегда была безразлична. Он считал, что рожден для того, чтобы перехитрить систему, но ни один из учителей не мог научить его, как.

Юрий быстро покончил со своим образованием. Он стал самостоятельным в возрасте двадцати лет и начал заниматься тем, чего я до сих пор не могу понять. Он руководил бригадами, которые ремонтировали заводские трубы. Знаете, из которых валит дым. Он много путешествовал, обслуживая заводы по всей стране. Все дни он проводил на лесах, на высоте в несколько сотен футов, ремонтируя все, что нуждалось в ремонте. Если бы Советский Союз не распался, он бы занимался этим до самой пенсии. Но Советский Союз распался. В принципе, он начал разваливаться уже тогда, когда я только училась ходить. Когда спрашиваю об этом у отца, он обычно говорит:

– Горбачеву не хватило духу.

Мой отец верит в то, что чтобы руководить чем угодно – домом, своей собственной карьерой или даже страной, – человек должен быть жестким. Он почти ничего не знал об Америке. У него она ассоциировалась с синими джинсами, рок-н-роллом и, пожалуй, все. То же самое касалось тенниса. Он ничего о нем не знал, и теннис его не волновал. В России теннис был игрой свергнутых аристократов. Юрий играл в хоккей с шайбой и любил альпинизм, что в какой-то степени, – объясняет его жизнь верхом на заводских трубах.

Моя мама, красивая миниатюрная женщина со светлыми волосами и искрящимися голубыми глазами. Она образованна лучше отца – с

отличием закончила среднюю школу и институт, а потом стала кандидатом наук. Мама обожает великих русских писателей (когда я была совсем маленькой, она мне их читала и заставляла заучивать наизусть отрывки, значение которых я тогда еще не понимала). В 1986 году они с отцом жили в доме на окраине города. Перед домом был двор, а за домом начинался лес. Бабушка с дедушкой жили неподалеку. А вот родители мамы жили далеко на севере, в Сибири, и это важно. Когда мои родители вспоминают те годы, кажется, что они говорят о жизни в раю. Дом, деревья, тень под ними, пара влюбленных друг в друга молодых людей. Они были бедны, но не подозревали об этом. Дом был маленький и продувался всеми ветрами, но и об этом они не задумывались.

А потом это случилось: мой дядя подарил папе теннисную ракетку на день рождения. Это была такая шутка. Ведь в теннис играли только богачи. Но в Гомеле недавно открылся теннисный клуб, и мой папа подумал: «А почему бы нет?»

Сам он начал слишком поздно, чтобы стать большим игроком, но он был спортивным человеком и скоро стал прилично играть. Папа влюбился в игру, стал читать книги и статьи о великих игроках и смотреть по телевизору турниры Большого шлема. Он готовил себя, хотя и не подозревал об этом. Он тренировался для того, чтобы стать необычным и странным существом, называемым теннисным родителем.

(По идее, здесь вы должны рассмеяться.)

* * *

Апрельским утром 1986 года мама, работая в саду, услышала вдали грохот, похожий на гром. На голове у нее был платок, она была босиком, и ее ноги были покрыты грязью. Она посмотрела в небо и продолжила свою работу. Вначале это выглядело именно так – просто что-то, что заставило вас поднять голову. Она должна была вот-вот забеременеть мной, своим единственным ребенком. В ту ночь по городу стали распространяться слухи, какие-то кошмарные рассказы. Чем был вызван этот грохот? На следующее утро небо заволокло дымом. И тогда слухи стали превращаться в догадки. Они касались ядерного реактора в Чернобыле. Люди говорили, что он взорвался, радиоактивные материалы выбросило в воздух, и скоро они выпадут на окрестности. Как будто на нас сбросили атомную бомбу. Но когда люди обратились за разъяснениями в правительственные учреждения, им сказали, что все в порядке. Тем не менее началась паника. Семьи собирали пожитки и уезжали. Моей маме позвонила ее мать, которая в Сибири знала о происшедшем гораздо больше, чем мои

родители, жившие в шестидесяти километрах от места взрыва.

– Мы позвонили твоей маме и велели ей собираться, – рассказывала мне бабушка Тамара. – Чернобыль был смертельно опасен. Он убивал все живое. Это была невидимая смерть. Мы знали об этом, потому что встретились с человеком, который участвовал в ликвидации последствий аварии. Он рассказал, что радиация зашкаливала. В начале официальные лица молчали. Людям даже не посоветовали закрыть окна! Все продолжали жить, как и раньше. Я помню, как этот человек говорил: «В лесу росли грибы со шляпками величиной с тарелку». Когда он пытался сделать фотографии, вся пленка оказалась засвеченной. Он умер в возрасте то ли сорока пяти, то ли пятидесяти лет. Как и все ликвидаторы.

Мои родители уехали на север. Другие люди остались. Осталась и папина мама. Через много лет мы приехали к ней на каникулы. И были потрясены величиной грибов в лесу. Все тогда говорили, что это из-за радиации, и это наводит меня на некоторые мысли. Мои родители люди среднего роста. Во мне метр восемьдесят восемь без каблуков. Я всегда возвышаюсь над ними. Откуда такой рост? Папа говорит, что я выросла, потому что рост был мне необходим для успешных выступлений. Он верит в силу духа человека. Но мама была накануне зачатия в тот момент, когда взорвался реактор – она пила воду и ела овощи, и продолжала пить и есть и после зачатия. Так что, кто его знает?

Когда я спросила папу об их побеге из Гомеля, он рассмеялся.

– Это было совершенно безумное время, – сказал он. – Мы поехали к твоим бабушке и дедушке, потому что они жили в Сибири, а это было дальше всего от Гомеля. Ехали мы на поезде. На старом поезде, забитом людьми. Тридцать шесть часов от Гомеля до Екатеринбурга – в то время он назывался Свердловск – а потом еще два часа на самолете до Нягани, города возле Северного полярного круга.

Отец называет Нягань «дерьмовым городишкой». В нем я и родилась 19 апреля 1987 года. В тот момент моего отца не было дома – он вернулся к работе, как только устроил маму. Он был в Гомеле, где праздновал Пасху со своими родителями, когда узнал, что стал отцом.

Через несколько недель Юрий прилетел ко мне. Именно в тот раз он смог подробнее рассмотреть Нягань, грубое индустриальное поселение, состоящее из заводов и многоквартирных жилых домов. Отец понял, что не сможет жить там, так же как не сможет возвратиться в Гомель. Тогда он решил воспользоваться ситуацией и уехать с нами в тот город, в котором всегда мечтал жить, – в Сочи, курорт на берегу Черного моря, прижатый к нему горами. Юрий влюбился в этот город, еще когда был там ребенком на

каникулах.

Сочи?

Мои дедушка и бабушка решили, что он сошел с ума, но дали ему немного денег. Папе удалось поменять наш дом в Гомеле на крохотную квартирку в Сочи. Мы приехали туда, когда мне было два года. Если бы этого не произошло, я бы никогда не стала играть в теннис. Сочи – это город-курорт, и теннис его неотъемлемая часть. Этим он отличался от всей остальной России, где этот вид спорта был практически неизвестен. Так что если вы хотите знать истинную причину, по которой я стала теннисисткой, то это взрыв на Чернобыльской АЭС.

Мы все еще владеем этой квартиркой. Она расположена на шестом этаже здания, стоящего на крутой боковой улочке, которая носит название Вишневая. Когда мы приходили домой, я с ключом в руке взлетала по лестнице, не дожидаясь родителей, которые тащились пятью этажами ниже. Я обожаю вспоминать то время, когда была еще ребенком: дни, которые я проводила в этой квартире, наши совместные обеды, веселые разговоры, гостей, которые приходили и уходили, бабушку, которая сидела на ступеньках и болтала все вечера напролет. Мои самые ранние воспоминания связаны с тем, как я смотрю из окна квартиры на мальчиков и девочек, играющих на детской площадке на холме. Мои родители очень сильно оберегали меня и не позволяли мне много гулять. Чаще всего я наблюдала из окна за тем, как играют другие дети.

С самого начала родители играли разные роли в моей жизни. Отец олицетворял собой внешний мир – тренировки, спорт и соперничество. Мама – это внутренний мир – школа, грамота, литература. Она заставляла меня копировать буквы русского алфавита снова и снова, выписывая каждую букву до тех пор, пока она не становилась идеальной. Она заставляла меня писать рассказы и учить русскую поэзию. Больше всего я любила те моменты, когда она просто читала мне. Моей любимой книгой была «Пеппи Длинныйчулок». Я мечтала о том мире, в котором жила эта девочка, дочь состоятельного моряка, у которой были карманные деньги и которая могла делать все, что захочется, как настоящая взрослая. У нее была лошадь. И у нее была обезьянка! Эта книга переносила меня в те места, где мне хотелось жить.

Иногда из Нягани приезжали мои бабушка с дедушкой. Я обожала проводить время с бабушкой Тамарой. Я общалась с ней, когда работала над этой книгой, – она помнит многое из того, что не помню я. Когда я попросила ее рассказать о том, как чуть не утонула, бабушка рассмеялась.

– У этого случая есть простое объяснение, которое теперь тебе, быть

может, будет теперь легче понять, – сказала она. – Когда ты родилась, мне было всего сорок лет. И мне совсем не хотелось, чтобы меня называли бабушкой. Когда тебе было то ли три, то ли четыре года, мы пошли на пляж. Я немного поплавала, а потом ты вошла в воду и стала в ней плескаться. Неожиданно я услышала твои крики: «Бабушка! Бабушка!! Бабушка!!!» А вокруг меня на пляже находилось много молодых мужчин, и я не хотела, чтобы они узнали, что ты зовешь меня. А потом я сидела возле тебя и шептала тебе на ухо: «Машенька, не называй меня бабушкой при других людях». Я хорошо помню, как вытерла тебя и переодела во все сухое, а потом стала выжимать твои плавки. И тут ты неожиданно выдала:

– А ты вовсе и не бабушка! Ты выжималка!

Как только я выросла достаточно, чтобы быть хоть немного самостоятельной, Юрий стал брать меня на прогулки. Куда бы он ни шел, я шла за ним. Вот почему в тот день я оказалась на корте, где впервые в жизни взяла в руки ракетку. Это произошло в парке «Ривьера». Не знаю почему, но у меня есть способность часами бить мячом в стенку. И люди обращали внимание не на мое искусство. Они смотрели на мою сосредоточенность, на то, что я могу делать это снова и снова и не уставать. Я работала как метроном. Тик-так. Тик-так. Люди стояли вокруг и наблюдали. Это продолжалось изо дня в день. И в какой-то момент Юрий понял, что ему необходимо вмешаться. Именно поэтому в возрасте четырех лет меня отвели на «клинику»[2]. Там я и встретила своего первого тренера, Юрия Юдкина, легенду корта, проспиртованного маэстро. Он побывал там, в мире большого тенниса, и кое-что в этом понимал. Своим великолепием он поражал провинциальный город Сочи. Теннисные родители вытянулись в линию, чтобы услышать его высказывания, а еще лучше уговорить его оценить и взять под свое крыло их чад. Несколько местных игроков, в том числе Евгений Кафельников, уже вышли на хороший уровень. Мой папа записал меня к Юдкину. В первый день тот ставил тебя на линию и смотрел, как ты бьешь. Если он замирал, то твое сердце уходило в пятки, и ты начинала бить сильнее. В самом начале он поговорил с моим отцом и сказал ему, что я уникальное и необычное явление. Это связано с тем, как я взглядом обнаруживаю мяч и сопровождаю его. А вот стану ли я большим игроком, будет зависеть от моей упертости.

– Есть ли она у Маши или нет? Вот это нам и предстоит выяснить.

Мария – это не мое настоящее имя. При рождении мне дали имя Маша. Но в английском языке не существует хорошего эквивалента этого имени, а вскоре после того, как я приехала в Америку, меня стали называть

Марша. Я возненавидела это имя из-за ассоциаций с «Семейкой Брэди»[3]. Мне пришлось положить этому конец и попросить называть меня Мария.

Под упертостью Юдкин имел в виду настойчивость, качество, которое заставляет тебя отбросить все в сторону, сконцентрироваться и бессчетное количество раз повторять одно и то же движение. Большинство детей, если их попросить сделать что-то, сделают это один или два раза, потом им это надоест, они отвлекутся и убегут. А Юдкин верил, что, чтобы чего-то достичь, неважно в чем, надо быть способным вытерпеть колоссальный объем скучнейшей работы. То есть надо быть упертым. Была ли я такой? Это должно было показать время.

Вскоре я уже брала частные уроки на второстепенных кортах. Юдкин гениально умел поставить удар, а это самое главное. Это основа основ. Если у вас неправильно поставлен удар, то в будущем вас ждут проблемы. Это все равно, что отправиться в далекое путешествие, сделав первый шаг в неверном направлении. В самом начале это все, что у вас есть: простой форхенд и простой бэкхенд[4]. И в конечном итоге это тоже все, что у вас есть. Юдкин протянул мне ракетку. «Что будешь делать?» Потом он протянул мне мяч. «А теперь?» И он уселся у корта, наблюдая за мной.

– Так. Так, – приговаривал он, – нет, нет, нет. Удар не должен быть таким плоским. Замах нужно делать петлей, под мяч.

– Когда ты так работаешь правой рукой, что делает в это время твоя левая? – спрашивал он.

Он давал мне простое задание и заставлял повторять его снова и снова. Снова и снова. И снова. Он ставил мне удар и одновременно развивал мою концентрацию.

– Упирайся, Маша.

Игрок, который продолжает тренироваться после того, как все остальные закончили, который доигрывает третий сет при порывах ветра и под проливным дождем, обязательно победит. И в этом был мой дар. Не в силе или скорости. В упорстве. Мне никогда не становилось скучно. Чтобы я ни делала, я готова была делать это до бесконечности. Мне это нравилось. Я концентрировалась на каждом упражнении и выполняла его до тех пор, пока не достигала совершенства. Не знаю, откуда это во мне. Может быть, мне хотелось услышать похвалу от Юдкина или от папы. Но мне кажется, что моя мотивация была гораздо проще. Уже тогда я знала, что эти упражнения, эта тягомотина помогут мне побеждать в будущем. Уже тогда я хотела одолеть их всех.

Мой отец сдружился с некоторыми другими сочинскими теннисными

родителями, особенно с отцом Евгения Кафельникова, который по тем временам был настоящим теннисным асом. Евгений был одной из первых звезд российского тенниса. Он стал номером один в мировой классификации и выиграл открытые чемпионаты Австралии и Франции. Высокий, светловолосый, симпатичный – для многих из нас он был героем. Однажды я шутки ради сыграла с его отцом. После этого он подарил мне одну из ракеток Евгения. Она была мне слишком велика. Ей укоротили ручку, но все равно она выглядела странновато, хотя я играла ею в течение многих лет. Иногда мне казалось, что с ней я играю лучше, иногда – что хуже. Впечатление было такое, как будто держишь в руках бейсбольную биту. Она заставляла меня принимать удачные позы и делала меня сильнее, но ее вес иногда заставлял бить из неудобных положений и из-за этого у меня появились не очень хорошие привычки. Но другой ракетки у меня не было, так что это был мой единственный выбор.

Лето 1993 года стало поворотным. Я работала с Юдкиным уже несколько месяцев. Я стала его проектом, но он знал, что скоро в Сочи мне нечего будет делать. Когда я спросила папу, помнит ли он то время, он рассмеялся.

– Помню ли я, Маша? Так, как будто это было вчера. Юдкин усадил меня возле корта и сказал, тщательно подбирая слова:

– Юрий, нам надо поговорить насчет твоей дочери. Это очень важно. Если говорить об этой игре, – продолжил он, – то Маша в ней похожа на Моцарта. Она может стать лучшей в мире. Это если тебе интересно и ты хочешь ее с кем-то сравнить. Но в этом-то и заключается ваша проблема.

– Проблема? – переспросил папа Юдкина.

– Да, проблема. Потому что мы не в Вене девятнадцатого века. Это Сочи, и век за окном двадцатый – так что если бы сейчас здесь родился Моцарт, то о нем никто бы не услышал. Это понятно?

– Не совсем.

– Тогда я скажу проще, – пояснил Юдкин. – Если ты хочешь развить талант своей дочери, то вам надо выбираться из России. Никто не знает, куда катится эта страна. Никто не знает, чем завтра будет зарабатывать себе на жизнь. И вот в центре всего этого находишься ты, с Машей на руках. Так что решать тебе. Можешь ли ты развить ее талант? Это занятие, требующее полной отдачи. Тебе придется посвятить этому всю жизнь.

– Но, в конце концов, самым главным является ответ на вопрос, насколько уперта твоя дочь? – продолжал Юдкин. – Она сильна. Это я уже знаю. Но что произойдет в перспективе? Ведь ей придется играть постоянно, изо дня в день, из года в год. Не возненавидит ли она все это?

Речь идет не о спринтерской дистанции, а о марафоне. Как она будет справляться со всем этим не в течение одного турнира, а в течение многих лет? Насколько ее хватит? На пять лет? На десять? Никто не может ответить на этот вопрос.

Папа говорит, что в тот же момент, без всяких размышлений, он принял решение. Полагаясь на нутро. Когда позволяешь рассудку взять верх над нутром, ты портишь себе жизнь. В это Юрий свято верит. Он мало что знал о теннисе и не питал иллюзий по поводу будущих сложностей, но быстро решил, что сможет научиться. Сможет узнать все, что ему будет нужно. Для него весь вопрос был в желании. Если ты решил что-то сделать, то ты можешь это сделать. И никаких гвоздей. В течение нескольких недель он отказался от всего. От своей работы, от своих планов, от своей пенсии. Он посвятил себя одной-единственной цели: сделать свою дочь лучшей теннисисткой мира. Если бы он хоть на минуту задумался об этом, то понял бы, что это абсолютная глупость. Поэтому он не стал думать, а взялся за дело. Он начал с того, что прочитал все, что смог найти о теннисе и работе тренера. В конце концов он решил, что не станет моим тренером, а будет контролировать работу других тренеров. Этакий тренер тренеров.

– У истоков всех великих достижений находится один советчик, один голос, – объяснял он. – Ты можешь нанять кого угодно, чтобы тебе дали то, что тебе необходимо, но контролировать процесс должен один человек. И это не тренер. Это человек, который тренеров нанимает и увольняет, но который всегда имеет у себя перед глазами полную картину происходящего. Это не обязательно должен быть один из родителей, хотя чаще всего так и происходит. Если ты посмотришь на историю этой игры, то увидишь, что такой человек есть почти у каждого. У сестер Уильямс это отец. У Агасси – отец и Ник Боллетьери. И так у каждого.

* * *

А как же моя мама? Что она думала по поводу этого нового радикального плана?

Отец скажет вам, что она с самого начала поддержала его, что она отнеслась к его идее бросить все и посвятить себя теннису как к чему-то потрясающему. Но если спросить об этом мою маму, то история окажется гораздо сложнее. Правда заключается в том, что она не верила в теннис, но полностью доверяла моему отцу. Уверена, что когда он делился с ней своим видением будущего, обосновывал свое решение, объяснял, что он собирается сделать, она смотрела на него как на сумасшедшего. Но она любила его, верила в него и смирилась.

– Он был так уверен, – рассказывала она мне позже, – что я поняла, что это сработает.

Началось все с того, что мой отец уволился с работы. Все дни мы проводили вместе, часами работая для достижения единой цели. Это было непросто – иногда с ним бывает трудно иметь дело, – но никогда я не сомневалась в том, что он меня любит. Мы двигались вперед путем проб и ошибок, нащупывая свои способы тренировки. Вскоре все свелось к ежедневной рутине. Я просыпалась на рассвете, завтракала, хватала ракетку и на автобусе, под лучами восходящего солнца, добиралась до «Ривьеры». Считалось, что корты там покрыты красным грунтом, но из-за того, что за ними никто не следил, они были темно-серого, почти черного цвета. Частички грязи быстро покрывали теннисные туфли и носки. Если накануне проходил дождь или была высокая влажность, мяч становился тяжелым и его скорость значительно падала. Но в хорошую погоду мяч быстро мелькал в воздухе. Я полюбила разносившийся в утреннем воздухе звук мяча, отскакивающего от ракетки, когда на кортах не было никого, кроме нас. Мне не надо было разговаривать с папой, чтобы знать, о чем он думает. Конечно, отношения между родителями и их детьми-спортсменами значат очень много, но очень важным было также находиться на корте друг напротив друга, думая об одном и том же – то есть ни о чем. Бóльшая близость, наверное, недостижима. В каком-то смысле вся моя карьера – это те самые моменты. Можно говорить о деньгах, призах и славе, но в конечном счете, все это сводится к девочке, тренирующейся ранним утром со своим папой. Какое-то время мы тренировали удары, потом я делала упражнения на растяжку и наблюдала за другими игроками. После этого мы работали над каким-то конкретным элементом игры. Над бэкхендом, подачей, работой ног, у сетки – хотя я до сих пор ненавижу выходить к сетке. Как будто меня ждет там акула. Вначале моей целью было обыграть отца или одного из его друзей-спецов. И с каждым днем я приближалась к этой цели.

Глава третья

Юрий Юдкин рассказал отцу о «клинике» в Москве, презентации для российской молодежи, устроенной под эгидой какой-то местной теннисной организации. Суть вы знаете: мы ждем ваших чад, и амбициозных, и не очень, и чемпионов. Мой отец поставил перед собой задачу пропихнуть меня туда. Я не знаю точно, каким образом ему удалось заплатить за билеты на самолет, но у него есть почти волшебная способность воплощать задуманное. Все происходило в громадном здании, похожем на ангар, с кортами, тренерами и непрекращающейся какофонией ударов мячей об ракетки. Там находилось несколько сотен детей, а значит, и несколько сотен теннисных родителей. Обстановка ошеломляла. До того, как попасть туда, я была уверена, что игроки в Сочи – это все, что существовало на свете, а мы с папой выделялись среди них. А теперь я поняла, что в мире существуют многие десятки похожих на меня девочек, и у каждой был папа, который считал свою дочь предназначенной для того, чтобы стать лучшей в мире.

Я стояла и следила за их ударами. Это завораживало, подавляло и в то же время вселяло надежду. Я уже видела, что лучше большинства из них, что по мячу мы бьем по-разному. На просмотре присутствовала масса околотеннисной публики, включая тренеров и игроков, которые бродили по помещению, наблюдали за нами и давали советы. Среди них была Мартина Навратилова. От этого я занервничала – величайшая теннисистка мира, и прямо передо мной. Я думала, что нам придется играть один на один с профессионалами, но мне было всего шесть лет, так что я не знала точно, как это будет происходить. Больше всего это походило на сборочный конвейер. Ты ждал в очереди, потом бил по мячу два-три раза и вновь возвращался в очередь. На моей третьей или четвертой попытке Навратилова обратила на меня внимание. Мои руки и ноги были слишком большими для моего роста, а коленки стучали одна о другую. И в руках у меня была громадная ракетка. Одним словом, я выглядела смешно, и это, скорее всего, привлекло ее внимание. А потом она увидела, что я могу играть. Я была маленькой, но с уже хорошим ударом и очень сконцентрированной. Когда я закончила, Навратилова отвела моего отца в сторону, чтобы поговорить. Пришлось пригласить переводчика, потому что папа не говорил по-английски. Я не знаю точно, о чем они говорили, но

основная мысль была такой: ваша дочь может играть; вы должны вывезти ее туда, где она сможет развиваться как игрок. В Америку.

Папа стал планировать отъезд, как только мы вернулись в Сочи. Он твердо решил вывезти меня в США, потому что считал эту страну единственным местом, где я смогу развиваться. Он зациклился на Флориде. Почему? Я могла бы дать сложное объяснение, сравнивая различные районы Америки, теннисные академии, но правда заключается в том, что Юрий человек суеверный и следует тайным знакам судьбы, а ему был знак, который указывал на Флориду. Знак явился ему в виде двух журнальных статей. Одна была о сестрах Уильямс и о том, как они тренируются в теннисной академии Рика Маччи в Бока-Ратон. Вторая была о Курниковой и ее тренировках в академии Ника Боллетьери в Брейдентоне.

Папа верил, что эти статьи попали к нему в руки именно в тот момент не случайно. Высший голос говорил ему, куда ехать.

В наши дни поездка в США обычно не вызывает никаких проблем. Получаешь туристическую визу, покупаешь билет на самолет и летишь. Но в начале 90-х все было не так. Советский Союз разваливался. Работу найти было практически невозможно, а значит, невозможно было зарабатывать на жизнь и обеспечивать семью. Нечем было заняться. Даже если у тебя были деньги, ты не мог просто так сесть на рейс в Америку. Невозможно было получить визу – их давали только тем, кто путешествовал по государственным делам. Зная, что ему может понадобиться какая-то официальная поддержка, мой отец написал тренеру национальной детской команды Российской теннисной федерации. О том, чтобы я играла в этой команде, речи не шло – все дети были в возрасте двенадцати лет и старше, а мне было всего шесть. Но отец надеялся, что федерация окажет мне спонсорскую помощь с прицелом на будущее. В письме он объяснил ситуацию и описал мой талант, упомянув фамилии Юдкина и Навратиловой. И это сработало. По крайней мере так нам тогда казалось. Оказалось, что команда тренируется во Флориде, где готовится к турне по Соединенным Штатам. Тренер ответил нам письмом, в котором приглашал приехать и поработать с командой.

Отец отправился в Москву за визами. Ему было двадцать восемь лет, и он был одет в свой единственный костюм, который он надевал на свадьбу. Он был готов положиться на судьбу и удачу. (Знаки говорят тебе, что надо делать, если ты умеешь их читать.) У него было письмо тренера, и он тщательно подготовил свою речь. После часов ожиданий он, наконец, оказался перед официальным представителем посольства. Это человек внимательно осмотрел Юрия, потом изучил письмо и другие документы:

фотографии и страницы с рельефными печатями. Все это время мой отец говорил, не переставая, произнося фамилии Юдкина, Моцарта, Навратиловой и говоря об одаренности.

– У меня тоже есть дочь, – сказал, наконец, чиновник. – И она тоже играет в теннис. Ей восемь лет. Но мне кажется, что об одаренности нет и речи. Вашей дочери шесть. Почему вы считаете, что она лучше, чем моя дочь? Может быть, вы просто смотрите на нее глазами любящего отца?

– Вашу дочь я не знаю, – ответил Юрий, – но хорошо знаю свою. Все, что я вам рассказал – правда.

– И вы хотите вывезти шестилетку в США, чтобы она там тренировалась?

– Да.

– И у вас нет никаких сомнений?

– Никаких.

Мужчина посмотрел отцу в глаза.

– Вы уверены?

– Да.

– И вы знаете, куда ехать и что делать?

– Да.

Этот мужчина выдал нам трехгодичные визы – отцу потом придется вернуться в Россию, чтобы продлить их – но вот он у нас, бесценный и очень редкий дар. Золотой билет. Право на свободный приезд и отъезд. Американцу и даже россиянину в наши дни сложно представить себе, каким чудом это было. Документ, который удалось получить Юрию, было практически невозможно достать. Этот мужчина, этот чиновник, кем бы он ни был и где бы сейчас ни находился, позволил нашим планам превратиться в реальность. Кто знает, что бы произошло без него? Почему он это сделал? Вопрос, который Юрий до сих пор задает сам себе. Конечно дело было не во мне. Дело было в Юрии. Он что-то понял о моем отце, о его решимости. А может быть, ему просто захотелось быть щедрым. Или, может быть, лучи солнца в тот день особым образом падали на дорогу. И неважно, какова была причина, но нам повезло. Очень повезло. И в то же время не повезло. Эта виза, хоть и была по тем временам исключительной, имела ограничения: она была выдана только на двух человек – на меня и моего отца. И если мы ею воспользуемся, то это значит, что нам придется оставить маму на Бог знает какой срок. Юрий продумал, что надо сказать ей, чтобы уговорить ее согласиться. Ведь он собирался забрать меня из школы, из семьи, оторвать от мамы, а мне было всего шесть лет.

Когда я сейчас спрашиваю маму о том, что происходило тогда, она

пожимает плечами.

– Твой отец знал, что делает, – говорит она.

Бабушка Тамара в этом смысле более откровенна.

– Думаю, твоя мать согласилась, потому что твой отец может уболтать кого угодно, – рассказывает она. – Он может быть очень убедительным, а твоя мама – человек, настроенный позитивно. И вот комбинация этих двух вещей, позволила осуществиться вашим планам. Может быть, твоя мама и не хотела этого в действительности, но она верила, что это делается ради тебя. Твой отец думал не только о тебе, но и о себе, и о семье. Россия разваливалась. Теннис мог дать что-то не только тебе, но и стать выходом для твоей семьи. Если бы он смог устроить твою жизнь, вся семья могла бы жить за счет дочери. И ему это удалось. Все сработало. В этом смысле он был очень толковым. А вот твоя мама в то время об этом не думала, хотя в глубине души она, может быть, и понимала, что происходит в действительности. Или… кто его знает? Может быть, твой отец все это обсуждал с ней. А вот для меня и твоего дедушки все это было просто ужасно. Юрий внезапно сообщает, что увозит нашу внучку в Америку? В те времена о людях, которые уезжали в Америку, никто никогда больше ничего не слышал.

Папа собрал все деньги, которые у нас были, потом немного занял – получилось что-то около семисот долларов – свернул их в трубочку и положил в передний карман так, чтобы каждый раз, когда он нервничал, он мог убедиться, что деньги на месте. Он купил билеты на дневной рейс из Москвы в Майами, где нас должен был встретить представитель команды. Все происходило как в тумане. Я не помню, во что я была одета, и не могу вспомнить свои ощущения. Наверное, мне было грустно прощаться с мамой, но, скорее всего, я не понимала, что происходит и что я не увижу ее до тех пор, пока мне не исполнится девять лет.

Летели мы «Аэрофлотом» на одном из тех древних самолетов, в которых в ряд располагается пятнадцать кресел. Рядом с нами сидела русская пара. Отец весь полет проговорил с ними. До меня доносились обрывки разговоров, когда я ненадолго просыпалась, а потом вновь погружалась в сон. Он рассказывал им обо мне, теннисе и наших планах, о детской команде, о ее тренере и об академиях. Я не могла понять, почему он так разговорился. Обычно он довольно сдержан. Дозаправка самолета происходила в Шенноне, Ирландия. Я не знала куда себя деть – так много времени мне пришлось провести неподвижно, сидя на одном месте. Это был первый долгий перелет в моей жизни. Помню, как смотрела из окна на людей и машины. А потом мы оказались в Америке. В два или три часа

утра. Мы прошли таможню и вышли на тротуар. Помню, каким был воздух в тот первый раз: похожим на влажную руку, полным запахов, тропическим, таким не похожим на воздух Сочи. Помню пальмы. И помню, что было очень темно. И как мы ждали. Все уже разъехались, а мы все стояли и ждали машину, которую за нами должен был прислать тренер. Наверное, мой отец был в панике. Он не говорил по-английски, никого не знал в этой стране и в одиночестве стоял в ночной темноте вместе со своей шестилетней дочерью. Но он старался казаться спокойным и, нежно положив мне руку на плечо, приговаривал:

– Не волнуйся, Маша. Не волнуйся.

Но я уверена, что его другая рука была в кармане и ее пальцы сжимали деньги. Что делать? Нанять машину? Сесть на автобус? Если бы он даже нашел кого-то, кто согласился бы нам помочь, этот человек не говорил бы по-русски. Наконец мимо нас прошли мужчина и женщина. Это была пара из самолета. Отец объяснил им ситуацию.

– Если бы я мог позвонить тренеру…

Мужчина объяснил ему, что среди ночи сделать ничего невозможно.

– У вас на руках маленькая девочка, которой нужно выспаться.

У них был номер в гостинице в Майами-Бич. Он предложил взять нас с собой.

– Поспите на полу, – сказал мужчина. – А завтра будете звонить.

Утром, еще не открыв глаза, я почувствовала, что нахожусь в незнакомом месте. Я слышала, как мой отец быстро и негромко говорит по телефону. В его голосе слышалось разочарование. Он не спал уже много часов. Может быть, этой ночью он вообще не ложился. Увидев, что я проснулась, он расслабился, сел рядом и попытался объяснить мне, что будет дальше. А я была счастлива просто быть с ним во время этого приключения, так далеко от дома. В той ситуации весь мир, казалось, ополчился против нас. Он не смог дозвониться ни до тренера команды, ни до наших в России. Линии были то заняты, то не работали, то еще что-то в этом роде. А те несколько человек, до которых ему удалось дозвониться, не захотели помочь. Но у нас был наш распорядок, которого мы должны были придерживаться. Я надела свой теннисный костюм. Кроссовки. Юбку. Я всегда тренировалась в юбке, чтобы чувствовать себя в обстановке матча (хотелось тренироваться в точности так, будто уже играешь). Завязала хвостик на затылке и вышла вслед за папой из номера. Однако в нашем распорядке произошло одно изменение – в нем не было места маме и ее объятиям, которыми она всегда награждала меня перед выходом. Отец нес две ракетки, свою и мою, и контейнер с мячами. Мужчина с самолета

пошел вместе с нами, желая, видимо, посмотреть, что будет дальше.

– Что вы делаете? – спросил он.

– Нам надо тренироваться, – ответил Юрий.

Мы были в Майами-Бич, скорее всего на Коллинз-авеню. Я тоже не была уверена, что понимаю, чего хочет мой отец. Скорее всего он решил, что мы сможем найти корт. В конце концов, мы были во Флориде, месте, где тренировались сестры Уильямс и Анна Курникова, в раю для теннисистов. И вот мы шли все дальше и дальше, проходя квартал за кварталом, и оглядывались в поисках корта. Время от времени Юрий замечал корт – сквозь живую изгородь, через решетку – хватал меня за руку и бросался к нему. И каждый раз его останавливал русский с самолета.

– Нет, Юрий. Нельзя. Это частный корт.

Папа все еще жил советскими понятиями, что все вокруг общее.

– Нет, Юрий. Не в Америке.

Мы продолжали идти и, наконец, заметили несколько кортов возле плавательного бассейна. Они принадлежали отелю, и рядом с ними люди нежились в шезлонгах. Отец поговорил с человеком, который отвечал за бассейн и за корты. Наш попутчик переводил. Папа объяснил всю ситуацию, рассказал, как он с дочерью, потенциальным членом российской детской команды по теннису, только что прилетел из Москвы и сказал, что мне необходимо тренироваться. Мужчина осмотрел меня с ног до головы. Я была прелестное дитя. Мужчина сказал ОК. Мы устроились на корте и проделали весь наш обычный комплекс: побегали, растянулись, подготовились и начали отрабатывать удары. Сначала неторопливо, и мяч летал по корту по ленивой параболе. Потом мы стали ускоряться и перебрасываться мячом с задней линии. Было ранее утро, я была совсем крохой, но я реально владела мячом. Каждый форхенд я заканчивала небольшим закручиванием мяча так, как учил меня Юдкин. Стонала ли я в то время во время удара? Возможно. Это происходит бессознательно и всегда было частью моей игры. Было необычно видеть такую малышку, которая настойчиво наносит сильные удары по мячу. Это вызывало любопытство. Люди, сидевшие у бассейна, подходили ближе, чтобы получше видеть происходящее. Потом их стало больше. Прошло совсем немного времени, и вокруг нас стояла целая толпа из нескольких десятков туристов, которые провожали взглядами каждый мяч.

Таким было мое первое утро в Америке.

Мы поработали около часа, а потом уселись в тени зонта, чтобы немного охладиться. Люди стояли вокруг нас и задавали вопросы. В толпе

оказалась пара пожилых поляков. Они представились, но сейчас я не помню их имен. И папа тоже. Смешно, что мы не запомнили ни имен, ни примет людей, которые оказались для нас так важны в эти первые несколько часов в Америке. Без них, если бы нам не повезло их встретить, кто его знает, как развивались бы дальнейшие события. Я хотела бы рассказать вам, как они выглядели и как мило они себя вели, но, честно говоря, в голове у меня осталась всего одна деталь, правда самая главная. Они говорили по-русски. Юрий был счастлив встретить людей, с которыми мог общаться. Они рассказали ему, что являются поклонниками тенниса, любят и следят за этим видом спорта. Сказали, что видели Монику Селеш и Андре Агасси в моем возрасте и что я ничуть не хуже их. Мой отец рассказал им нашу историю – о том, как мы ранним утром прилетели из Москвы, о тренере детской команды, который так и не появился, о сне на полу в гостиничном номере, о телефонных звонках.

– И что же вы собираетесь делать?

Отец сказал, что мы каким-то образом доберемся до теннисной академии Рика Маччи в Бока-Ратон.

– Там тренировались сестры Уильямс, – объяснил он. – Когда они увидят Машу, все будет в порядке. Единственная проблема в том, что я не знаю, где находится Бока – Ратон и как туда добраться.

– Не волнуйтесь, – сказала полячка, – мы отвезем вас туда.

В жизни приходится слышать много негативного об окружающем нас мире и людях, которые в нем живут. В детстве нам велят не говорить с незнакомцами. Когда мы вырастаем, нас предупреждают о преступниках. Но факт остается фактом – в те первые дни нас постоянно выручали именно незнакомые люди. Это не было частью нашего плана, но мы были готовы отдать себя в руки счастливого случая.

Мы забрали багаж из гостиницы, попрощались с нашими попутчиками и вышли на улицу, где польская пара ждала нас в большой, мускулистой американской машине с кондиционером. Было воскресное утро. Мой отец общался с поляками, а я смотрела в окно. Мы пересекли дамбу и поехали по побережью. Вокруг все было новым и красивым.

Позже люди спрашивали меня, о чем я думала в те первые часы? Была ли я напугана? Скучала ли по своей маме, своему дому, своей кровати? Если честно – нет. Для меня в тот момент и еще долго после этого все выглядело как приключение, как волшебная сказка. И я просто ждала, что же будет дальше.

Мой отец до сих пор вспоминает о том, насколько он был разочарован в теннисной академии Рика Маччи, и о том, как нас там встретили. Но стоит

задуматься о том, насколько странно мы должны были выглядеть в глазах людей в приемной. Воскресным утром, совершенно неожиданно, на пороге вдруг появляется мужчина, говорящий только по-русски, со своей шестилетней дочерью, которая тащит ракетку больше ее самой. За ними следует польская пара, которая предлагает свои услуги в качестве переводчиков. Отец потребовал самого Рика. Ему объяснили, что в данный момент мистера Маччи нет на месте. Позже оказалось, что женщина, с которой он разговаривал и которая подозрительно осматривала нас из-за стойки, была женой Маччи. Она взглядом оценила нас и отвернулась. Папа спросил, нельзя ли нам пройти на корт, чтобы продемонстрировать мои удары. Он просто хотел, чтобы кто-то посмотрел, как я играю.

– Если вы хотите пройти на один из наших кортов, – сказала женщина, – вам надо подписаться на нашу программу, а это стоит денег.

– Сколько?

– Тысяча долларов и деньги вперед.

В то время весь наш капитал состоял из семисот долларов – это были для нас все деньги мира, – скатанных в трубочку и лежащих в кармане моего папы. Юрий через переводчика стал спорить. Он сказал даме, сидевшей за столом, что я особенный ребенок, что они должны посмотреть, как я играю и что если они от нас откажутся, то пожалеют об этом впоследствии. В это время мимо проходила одна из инструкторов. Она прекратила все споры, сказав:

– Давайте я с ней поиграю – просто посмотрим, что получится.

Мы играли, а папа ждал. Когда мы вернулись, инструкторша переговорила с женщиной за столом. Что она ей говорила – неизвестно, но отношение женщины к нам изменилось. До появления Рика никто не собирался принимать окончательных решений, но нам было предложено место для ночевки на те несколько дней, пока все разрешится. Правда, без всяких обязательств. Проблема, как я выяснила позже, была в том, что в рассказ Юрия трудно было поверить. Трудно было поверить в то, что он самостоятельно приехал из России со своей дочерью, в то, что он просто так вошел в дверь с ребенком, играющим на мировом уровне. Им было трудно это переварить. Они хотели знать, кем был Юрий на самом деле? И в какую игру он играл? И какова его настоящая история? И где находится мама ребенка? И как обстоят дела со школой? С этими вопросами мы сталкивались снова и снова. Никто не верил в наш рассказ.

К этому моменту моему отцу все это надоело. Ему не понравилось, как нас встретили, не понравились все эти вопросы и атмосфера подозрительности.

– Нет, – сказал он, когда нам предложили приют на две ночи. – Мы уезжаем.

Если бы надо было назвать какую-то одну характерную особенность отца, то это, конечно, его готовность говорить «нет». Он делал это все время. Он говорил «нет» очевидно выгодным предложениям, потому что верил, что впереди нас ждет еще лучшее предложение. Это было глупо, и в то же время это было связано с его непоколебимой верой. Он верил в мои способности и в свою сообразительность. И эта вера влияла на происходящее так же, как и все остальное. Резкое «нет» позволяло ему позже сказать «да».

Польская пара была ошарашена. Нам предложили жилье и возможность встречи с Маччи. Кто его знает, к чему бы это привело, но мой отец просто ушел. Поляки спросили, что мы теперь собираемся делать и куда направимся. В голове Юрия оставался только один адрес: теннисная академия Боллетьери в Брейдентоне, на восточном побережье Флориды, рядом с Саратогой и Тампа-Бэй, о которой он читал дома. Там тренировалась Курникова, так что они должны понимать русских. Поляки сказали, что так далеко отвезти нас они не смогут, подбросили нас до автобусной станции и купили нам билеты. Они выяснили телефон и адрес академии и записали их на листке бумаги, а потом протянули его Юрию.

– Позвоните по этому номеру и отправляйтесь по этому адресу, когда приедете, – сказали они и попрощались. Больше мы их никогда не видели.

* * *

Поездка в Брейдентон осталась в памяти мрачной и туманной, как будто сошедшей с картин Ван Гога. Прибыли мы в районе 9 вечера. Отец позвонил в академию и, несмотря на свой русский, смог так точно описать нашу ситуацию, что за нами на станцию прислали транспорт. До академии мы добрались уже в полной темноте. Помню эти похожие на глыбы здания и темные корты с качающимися на ветру пальмами. Человек на воротах выслушал нас и записал все, что мы ему сказали – он передаст все, кому надо, – и прогнал нас. Сейчас воскресный вечер, объяснил он. Никого нет, а те, кто есть, уже легли спать. Он вызвал такси, которое довезло нас до ближайшей гостиницы – Холидей Инн Экспресс. Это был наш первый урок: хуже слова «инн»[5] в названии отеля может быть только добавленное слово «экспресс».

Отец был очень осторожен и подозрителен. Он трижды повернул ключ в замке, затем запер дверь на защелку и цепочку. Когда мы легли, он вытащил деньги из кармана и положил их под подушку. Папа был уверен,

что ночью к нам заберутся и вынесут все подчистую.

– Так, – пояснил он, – чтобы достать деньги, грабителю придется разбудить меня, и это будет его последняя ошибка.

Мы лежали в темноте и разговаривали. Я не боялась, а просто нервничала. Вот я здесь, в этой незнакомой гостиничной комнате, в этом незнакомом городе, лежу и жду только момента, когда смогу выйти на корт и показать свои удары. А когда я ударю, то расслаблюсь. И когда другие люди увидят мой удар, все станет хорошо. Я четко знала, что должна сделать. Моя роль была понятна, поэтому я расслабилась, предоставив другим решать остальные проблемы.

Утром Юрий здорово торопился. Мы упаковали чемоданы, собрали инвентарь. Вызвали такси и выписались из гостиницы. Мы были уже в такси, которое направлялось в академию, когда Юрий чуть не сошел с ума. В отеле он так расслабился, так глубоко уснул, что совершенно забыл про деньги. Отец начал ругаться по-русски. Водитель никак не мог понять, что происходит. Юрий заставил его развернуться и рвануть в сторону гостиницы. Мы подъехали прямо ко входу, и Юрий выскочил из машины еще до того, как она остановилась. Дверь в номер была открыта и рядом стояла тележка с принадлежностями для уборки комнат. Юрий влетел в дверь. Горничная была в ванной, а кровать еще оставалась неубранной. Отец перевернул подушку и, слава Богу, деньги лежали на месте. Он засунул их в карман, и скоро мы уже вновь ехали по шоссе № 41.

Когда я спросила Юрия, помнит ли он этот случай, он сначала рассмеялся, а потом вздохнул.

– Маша, Маша, Маша, – сказал он, – если только подумать о том, как нам невероятно везло, как в хорошем, так и в плохом смысле этого слова… Но больше все-таки в хорошем. Мы с тобой походили на людей, которые переходят реку, думая, что идут по бревнам, а уже на том берегу выясняют, что это были крокодилы.

Охранник передал все, кому надо. В академии нас уже ждали. Был даже переводчик с русского на английский.

План встречи тоже был готов. Меня направят на корт с группой девочек приблизительно моего возраста. Я выполню упражнения, сделаю несколько ударов по мячу, а потом мои действия оценят. Среди американских девочек я чувствовала себя полной дурой. Прежде всего, все они были старше меня по крайней мере на два года. И потом, все они стояли в кружок, смеялись и переговаривались друг с другом, а я абсолютно ничего не понимала.

В подобных ситуациях начинаешь думать, что все, что говорится,

говорится только о тебе. И говорится не по-доброму. Это все были девочки из богатых семей, родители которых по разным причинам решили, что у них есть талант, достойный академии. И были готовы платить. Большие деньги. Год у Боллетьери стоит, наверное, дороже, чем год обучения в колледже. Если только у вас нет стипендии, вы приходите на платной основе, с самыми лучшими ракетками, лучшими теннисными туфлями и лучшими шмотками. И здесь же была я с единственной сменой одежды, со слишком большой видавшей виды ракеткой и туфлями производства Минской обувной фабрики. Выглядела я действительно странно. И девочки меня обсмеяли. И продолжали смеяться ровно до того момента, когда настала моя очередь бить. Прежде всего я расслабилась. Успокоилась и вспомнила, для чего я здесь. А потом инструктор практически сразу все понял.

– Эта девочка не похожа на остальных.

Много позже я говорила об этом с инструктором.

– Знаешь, – сказал он мне, – я тогда был еще непроснувшимся. На дворе было раннее утро, а мне уже приходилось делать упражнения, хотя думал я только о перерыве на ланч. И тут появляешься ты. Меньше всех остальных и попросту взрываешь мне мозг.

В то утро он отвел меня на свободный корт, где мы смогли в одиночестве поиграть в течение пяти-десяти минут. Потом он подошел к телефону рядом с кортом и набрал номер. (Телефон рядом с кортом? Я такого в жизни не видела). Инструктор звонил Нику Боллетьери.

– Босс, – сказал он, – у меня здесь есть кое-кто, на кого вам стоит посмотреть прямо сейчас.

Он провел меня на центральный корт, святая святых академии. Дальше я должна была идти без Юрия. Это непреложное правило: никаких родителей на центральном корте. Насколько я помню, это был первый раз, когда я рассталась с папой с того момента, как мы вылетели из Сочи. И мне это не понравилось. Я испугалась. Кто все эти люди, куда меня ведут, смогу ли я вернуться назад?

Теперь мне сложно отделить мое самое первое впечатление о Нике от всего того, что я узнала о нем позже. Он не был ни высоким, ни маленьким, и первым, что бросалось вам в глаза, были растрепанные седые волосы и зубы, такие сверкающие, что их было видно метров за сто. У него были тонкие, но мускулистые руки, а кожа так загорела на солнце, что задубела и стала багрового цвета. Был ясно, что мужчина проводит массу времени на свежем воздухе. Ник вырос в Бронксе, районе Нью-Йорка и был младшим сыном в большой семье. Теннис не пользовался там

популярностью: Нью-Йорк – это баскетбол. После колледжа Ник поступил на военную службу, а потом переехал во Флориду. Он хотел стать юристом, но проучился в Университете Майами меньше года. Но главное – это то, что там он начал играть в теннис. Сначала он играл, потом стал учить друзей и понял, что инструктор из него гораздо лучше, чем игрок. Он стал давать уроки, а потом какое-то время работал в гостиницах, как профессиональный инструктор по теннису. Он копил деньги, придал своей деятельности достойный вид, собрал инвесторов и открыл свою школу.

К тому моменту, как я к нему попала, на кампусе академии располагались невысокие административные здания и общежития, корты с твердым покрытием, грунтовые корты и центральный корт, купающийся в свете прожекторов. Академия уже была известна как место, где выросли Андре Агасси, Джим Курье, Анна Курникова, Моника Селеш и Мари Пирс. Ник стал легендой. Практически превратился в карикатурного теннисного гуру. У него было, по-моему, семь жен и множество учеников. Что ему было до маленькой девочки из России? Возможно, когда я подошла к нему, он как раз подписывал очередные бумаги на развод. В душе он просто хороший бизнесмен. Который создал солидное предприятие. Когда вы думаете о теннисных академиях в Америке, первой в голову приходит академия Боллетьери. Ничего подобного ей в мире не существует. Я никогда не думала о нем, как о тренере. Скорее, как об учителе или даже о наставнике.

В тот день я не играла с Ником. Я играла с инструктором, а он стоял в тени и наблюдал. Он потрясающе наблюдает, замечая тенденции и привычки и всякие другие вещи, как маленькие, так и большие. И в этом его талант. В умении видеть. Он видит конец в тот момент, когда все только начинается. Работая над этой книгой, я встречалась с людьми, которые сыграли важную роль в моей жизни. И говорила с Ником в его офисе в академии. Он постарел, выглядит немного хрупким, но все равно это Ник на все 100 %.

– Вы помните ее? – спросила я его о нашей первой встрече.

– Конечно, помню, – сказал он, рассмеявшись. – Я уже слышал о тебе. Кто-то позвонил мне и рассказал: Есть одна маленькая девочка из Росси, но *как* она играет! Честно говоря, такие звонки раздаются у меня почти каждый день, так что я редко обращаю на них внимание. Но потом приехала ты, и мне позвонил мой инструктор.

– Ник, ты должен это увидеть.

Это было необычно. И я понял все и сразу, как только увидел твои первые удары. Тебе было всего шесть, но ты просто вколачивала мячи. И

дело было не только в силе удара – дело было в том, как работали твои ноги, как ты держала ракетку. Идеально, все было просто идеально. Конечно, тебя надо было многому научить. Но самым потрясающим была твоя концентрация. Ты никогда ее не теряла и повторяла движения снова и снова. Сначала ты не знала всех движений, не обладала достаточной силой, но мыслила ты как игрок. А всему остальному можно было научить.

Ник попросил привести моего отца. Вместе с ним пришел переводчик. Нам сделали предложение. Я была еще слишком мала, чтобы жить в академии – это возможно, когда тебе исполняется десять лет – но я могла в ней тренироваться. Целыми днями и каждый день. Бесплатно. Это было вроде стипендии. Еду, кроме завтрака, я могла получать в общем зале. Так же как и Юрий. Нам даже нашли место для жилья. В тот момент казалось, что наше будущее гарантировано.

Глава четвертая

Мы стали жить в пяти минутах езды от академии, в квартире русской женщины средних лет. Жилье нам организовал переводчик. За право пользования кухней и ванной мы платили 250 $ в месяц. Сюда же входила гостиная, что давало нам доступ к телевизору, что было очень важно. Именно так я и училась говорить по-английски – перед телевизором. От динозавра Барни[6] я узнала гораздо больше, чем в школе. Наша жизнь была тесно связана с жизнью нашей хозяйки, которая, как мне кажется, неровно ко мне дышала. То она дарила мне книжки-раскраски и подарки, а то вдруг грозилась поменять нас на более состоятельных квартиросъемщиков. Будучи нашим консультантом и переводчиком, она одновременно плела против нас интриги. Отношения напоминали американские горки. С тех пор я поняла, что можно одновременно любить человека, ненавидеть его и быть к нему совершенно равнодушным.

Квартира напоминала те, которые показывали в фильмах 80-х годов о семьях в тяжелый период их жизни, одиноких матерях и беглых преступниках. И когда я сейчас о ней думаю, то не уверена, имею ли я в виду этот небольшой жилой комплекс в Брейдентоне или квартиру, в которой жил вместе со своей матерью Даниель, герой фильма «Парень-каратист», одного из моих самых любимых, который тоже внес лепту в мое обучение английскому языку. Дом был двухэтажным, напоминающим мотель, с задним двором и дверями, выходившими на внешнюю галерею. Внутри дом был маленьким и темноватым, окна выходили на дорогу, обсаженную пальмами. Мы с папой спали на диване в гостиной, который раскладывался в двуспальную кровать с продавленной серединой. Так что даже во сне приходилось думать о равновесии. Возможно, именно с этой кроватью связаны проблемы со спиной, которые с тех пор преследуют Юрия. Ощущала ли я дискомфорт от того, что приходилось делить кровать с отцом и спать рядом с ним так, как спят старые женатые пары? Нет. Это была моя жизнь, и она мне нравилась. И несмотря на то, как трудно иногда бывало, я всегда знала, что он рядом, бьется за меня днями и ночами. Мы жили по режиму – ни одного дня мы не проводили в безделье. Утром мы просыпались еще до того, как всходило солнце, и крадучись передвигались по квартире, стараясь не разбудить нашу хозяйку. Папе не нужен был будильник. Он просто устанавливал свои внутренние часы на магический

час. На пять часов утра. Он вылезал из постели, обувал обувь и был готов к новому дню. В темноте мы съедали завтрак, обсуждая наши задачи на новый день. Над каким элементом игры мне надо сегодня поработать? О чем я думаю? Потом мы отправлялись в академию. Юрий провожал меня всю четверть мили, или около того, до ворот. Это занимало минут двадцать пять. Пока мы шли, всходило солнце.

Позже мы купили велосипед. Юрий крутил педали, а я сидела на багажнике. Однажды нас остановил полицейский, потому что я ехала без шлема. Моему отцу, человеку, который жил всего в ста милях от Чернобыля, где взорвался реактор, это показалось смешным.

В 6.30 утра я уже была на корте и отрабатывала удары. Потом мы разбивались на группы для упражнений и занятий. Надо было все время чем-то заниматься. Это была философия Ника. Если не бьешь по мячу, то подаешь мячи, если не бьешь и не подаешь, то стоишь в очереди, разминая ноги и дожидаясь, когда выйдешь на заднюю линию корта. Вначале меня определили в группу, в которой было, шесть-восемь девочек. Мы вместе работали все утро и как по мне, так это было здорово. Я получила шанс действительно лучше узнать их. В большинстве случаев это были те девочки, с которыми я потом сталкивалась на протяжении всей моей карьеры – я до сих пор играю с ними, хотя мы стали старше, по крайней мере по теннисным стандартам. Они приехали со всех концов света. Некоторые были хороши. Некоторые – очень хороши. Некоторые просто великолепны. Но большинство ни на что не годилось. И вот эти-то ученицы, которые приносили академии основной доход, находились здесь потому, что их родители никак не хотели мириться с реальностью. Даже те, кто играл хорошо, были недостаточно хороши – даже мне это было видно. В нашем мире хороших игроков от великих отделяет пропасть шириной с Большой Каньон.

В большинстве своем эти девочки были здорово избалованы. Было видно, что они не хотят быть здесь. А через пару минут становилось понятным, что они и играть не могут. Никакой координации. Не отличают левую ногу от правой руки. Ни на чем не способны сосредоточиться. Может быть, именно поэтому они все время пребывали в дурном настроении и раздражались без всякой на то причины. Так вело себя множество детей, учившихся у Боллетьери, и это вызывало у меня отвращение. Помню, как я рассматривала фотографии, сделанные после окончания большого детского турнира. На них победители стояли рядом с проигравшими. Даже не видя кубков, можно было сразу же отделить везунчиков от неудачников. И вот тогда я решила для себя, что по моему

виду никогда нельзя будет сказать, выиграла я или проиграла.

В 12.30 наступал перерыв на ланч. И почему все кафетерии должны быть такими противными? Я впервые увидела еду, которую подавали на ленте конвейера. Закрыв глаза, я съела ее. Потому что знала, что наш банковский счет зависит от того, сколько я смогу съесть в академии.

После еды мы возвращались на корты и играли спарринги. Начиналось все в 1.30 и продолжалось часов до 5 или около того. Ник переходил от корта к корту, наблюдая за нами. Если он задерживался возле вас дольше, чем на одну-две подачи, то вы чувствовали себя именинником. Все жаждали такого одобрения. У Ника были фавориты – лучшие игроки в академии, мальчики и девочки, которые работали в элитной группе. Вели они себя как рок-звезды. Вместе играли, вместе веселились, вместе ели и свысока смотрели на всех остальных. Дети в этой группе были разного возраста, но всех их объединяло это ощущение себя элитой. В этой группе был Тодд Рейд[7], Елена Янкович[8] и Хория Текэу[9], отлично игравший в паре. Позже я тоже присоединилась к этой группе, хотя так никогда и не чувствовала себя ее частью.

Анна Курникова выделялась среди учеников академии, и меня с самого начала сравнивали именно с ней – мы обе были из России и обе блондинки. В те ранние годы, я точно не знаю почему, когда я задумывалась о новой одежде, то очень часто оказывалась в поношенных вещах Анны Курниковой, которые… знаете, обтягивающие вещи с принтами животных, это не мой гардероб. Со временем эти сравнения становились только сильнее, так же, как и мое отрицательное отношение к ним. *Что за хрень!* Трудно было найти двух девочек, которые так бы отличались друг от друга, как мы. Мы не были похожи, вели себя по-разному, и игрой очень отличались друг от друга. Но публика обращала внимание только на цвет волос и на название страны, в которой мы родились. Хотя в какой-то степени наши отношения были для меня полезны, и не только с точки зрения поношенной одежды, но и как некий рубеж. Я знала, что мне надо превзойти Курникову. Когда я это сделаю, то стану независимой индивидуальностью. У отца тоже были проблемы с Курниковыми, особенно с матерью Анны. Мне кажется, что она была не в восторге от того, что мы появились в академии. До этого момента Анна была прелестной русской звездочкой. И неожиданно у нее появился конкурент.

Глава пятая

Между тем мы пытались жить как иммигранты и новые жители Брейдентона. За мои уроки платила академия, она же организовывала мои выступления и обеспечивала двухразовое питание. Во всем остальном мы были предоставлены сами себе. Оплата жилья, расходы, еда и все остальное – за все это мы должны были платить. Юрий, которого нужда заставила быстро выучить язык, брался за любую работу, которая приносила деньги. Он был строителем, убирал дворы и подстригал газоны. Наверное, тогда он чувствовал себя одиноким, но у него была долгосрочная цель, и именно его воля давала нам силы. Он зарабатывал деньги, управлял моей карьерой и учился или пытался понять, что это за игра такая – теннис.

Однажды вечером, заглянув с гостиную, я увидела его в очках для чтения, окруженного горой книг по стратегии игры и различных инструкций. Когда я впервые увидела название фильма «Мистер Мама», я была уверена, что это про моего отца. В те дни Юрий делал абсолютно все. Изо дня в день, из года в год, нас было только двое – он и я. Мы спали в одной скрипучей раскладной кровати и разделяли одни и те же цели и планы. Иногда я не могла отличить его мечты от моих собственных. Или, может быть, его мечты становились моими. Каждое утро он будил меня еще до того, как появлялся первый луч солнца. Как я уже говорила, будильник ему был не нужен. Ровно в пять он открывал глаза. Он готовил завтрак и помогал мне одеться. Рассказывал о том, что мы должны будем сделать в течение дня и на что я должна обратить внимание. Если у тебя удачный день, то это просто удачный день. А вот если у тебя цепь удачных дней, то это уже удачная карьера.

В это он свято верил.

Пока я играла, Юрий работал. Что бы он ни делал, ему необходим был гибкий график, потому что он должен был вернуться в квартиру до того, как в нее войду я. Домой меня подвозил инструктор или кто-нибудь из родителей других детей. Потом мы с Юрием садились и проговаривали каждое мгновение прошедшего дня и готовились ко дню грядущему. Он занимался моей одеждой и инвентарем. Долгие годы я ходила в обносках – юбках, шортах и обуви – той же Анны Курниковой. Первое, что сделала моя мама, когда она, наконец, приехала в Америку, так это провела

ревизию моего гардероба и выбросила весь этот хлам в мусорное ведро. Но что мог Юрий знать об одежде? Он кормил меня, одевал и подстригал. Помню, как я сижу на крышке унитаза в ванной, а он причесывает и подравнивает мои пряди прямо поперек, как у мультяшного героя.

Было ли мне одиноко? Грустила ли я? Я жила этой жизнью, и мне не с чем было ее сравнивать. Раз в неделю я говорила с мамой по телефону. Разговоры были короткими из-за дороговизны. Она спрашивала меня о том, чем я занимаюсь, и говорила, что любит меня. Он все еще пыталась заниматься моим образованием, даже на таком расстоянии. Самым главным для нее было, чтобы я не забыла о своих русских корнях, чтобы я могла читать и писать по-русски и чтобы я знала русских писателей и их главные книги. Она говорила, что я не должна забывать, кто я и откуда приехала.

– Если ты не знаешь, откуда ты, то ты не знаешь, кто ты, – повторяла она.

Я плохо помню наши разговоры, но хорошо помню письма. Я писала ей каждый день. И в конце листа подписывала своими каракулями: Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя!

Однажды русский мальчик, с которым я дружила – у него был брат, и он был из богатой семьи, – схватил мое письмо и убежал, читая его вслух. Он стал смеяться надо мной.

– Почему ты так часто пишешь «люблю тебя»? – интересовался он.

– Но это же моя мам, – защищалась я.

– Ну и что? – не понял он. – Сплошные сопли.

Помню, как я посмотрела на него и спросила:

– А разве ты не говоришь маме, что любишь ее?

– Ну, говорю, но не так часто, как ты, – услышала я в ответ.

– Может быть, потому, что твоя мама рядом, а моя нет.

Когда я говорила это, в моих глазах стояли слезы, так что, может быть, я грустила больше, чем готова в этом признаться.

Когда я немного подросла, то стала ходить в общеобразовательную школу рядом с академией. Хотя в самом начале, когда я еще не знала английского, моей единственной учительницей была старая русская дама, которая приходила к нам домой несколько раз в неделю. Она учила меня основам – математике, истории, английскому, хотя его я учила по телевизору. Эти ранние дни закалили меня. Сейчас я думаю, что они объясняют мой характер, стиль моей игры, мое поведение на корте и почему меня трудно победить. Если у вас нет мамы, на груди которой можно поплакать, то вы не плачете. Вы просто живете, зная, что рано или

поздно все изменится – боль пройдет, а фортуна повернется к вам лицом. И такой подход больше чем что-либо характеризует мою карьеру. Я никогда не брюзжу. Не бросаю ракетку. Не угрожаю линейным судьям. Но я и не отступаю. Если вы хотите меня победить, то вам придется отрабатывать каждый мяч в каждом гейме. Я вам ни в чем не помогу. Некоторые люди, особенно те, кто вырос в загородных клубах, на подстриженных полянах не привыкли к девочкам, которые ведут себя как ванька-встанька.

Конечно это именно то, о чем говорил Юдкин – не имеющая названия черта, упертость, которая свойственна только русским. Мой отец любит рассказывать о нескольких ключевых моментах, когда он понял, насколько я упертая. Один из них произошел, когда мне было шесть лет, еще до отъезда в Америку. Когда я проснулась, на глазу у меня было уплотнение, вроде припухлости на роговице. Сначала никто не обратил на это внимания. Но уплотнение стало расти. И в один прекрасный день я проснулась от боли, которая буквально убивала меня. Юрий отвез меня в больницу. Там вызвали специального доктора, глазного хирурга, женщину.

Она осмотрела меня.

– Нам придется удалить уплотнение, немедленно, прямо сейчас, – сказала она.

– ОК, – сказал Юрий, – удаляйте.

– Но оно расположено рядом с глазным яблоком, так что анестезию дать невозможно, – объяснила врач. – Я не смогу обезболить глаз. Ваша дочь будет чувствовать каждый надрез.

– ОК. ОК. Делайте.

Женщина увела меня в операционную, и я каким-то образом смогла это все пережить. Через двадцать минут мы вернулись к Юрию. Доктор была белая, как бумага, и не могла говорить. Юрий испугался.

– Боже! – воскликнул он. – Что случилось?

– Не волнуйтесь, – ответила доктор. – Все прошло хорошо. Я постаралась. Так что проблем нет. Но меня вот что беспокоит – Маша совсем не плакала. Это ненормально. И плохо. Надо плакать.

– И что же нам делать? – спросил Юрий.

– Не знаю, но это ненормально, – ответила хирург. – Она должна плакать.

– ОК, – сказал Юрий. – ее уже не изменишь. Если захочет плакать, то поплачет. Если не хочет, то ее не заставишь.

На автобусе мы вернулись домой, и я молчала всю дорогу. И только когда мы вошли в квартиру, и моя мама обняла меня, я заплакала. Боже, как же я рыдала!

Или вот еще. Мы бежали к автобусу, опаздывая на тренировку. И я упала. Сильно. Очень сильно. Ноготь на моем мизинчике оторвался. Напрочь. Все было залито кровью.

– Боже мой! – воскликнул Юрий. – Надо возвращаться домой.

– Все ОК, па, – ответила я. – Нам надо на тренировку.

Между тем я играла все лучше. Все это было результатом постоянных усилий, бесконечных ударов по мячу. Я повторяла все это снова и снова. Набиралась сил. Мои удары становились быстрее и тверже. С самого начала игра для меня заключалась в том, чтобы ударить мяч и послать его по низкой и плоской траектории. Чтобы сразу проставить других девочек на место. Я стала участвовать в соревнованиях и быстро стала пятым номером во Флориде в возрастной группе до десяти лет. И я вырабатывала характер, который станет неотъемлемой частью моей игры. Я стала стонать при ударе по мячу. Но уже тогда я старалась держаться особняком. Ни эмоций. Ни страха. Ледышка. Я не дружила с другими девочками, потому что это сделало бы меня мягче и меня было бы легче победить. Они могли быть лучшими девочками в мире, но я не хотела ничего об этом знать. Это был мой выбор. Я считала, что подружиться мы сможем позже, когда уйду я и уйдут они, когда мы состаримся и пресытимся игрой. Но не теперь и не сейчас. Этот мой характер – это мое самое большое преимущество. Почему я должна сдаваться? Еще перед тем, как я выхожу на корт, некоторые мои соперницы уже пугаются. Я это чувствую. Они знают, что я сильный игрок. Меня не интересует дружба на поле битвы. Если мы друзья, то я складываю оружие. Мой бывший тренер, Томас Хогстедт, рассказывал мне, как он напутствовал игроков, выходящих против меня:

– Не смотри Марии в глаза ни до, ни во время, ни после игры.

Однажды я спросила Ника о тех первых днях.

– Что ж, сначала ты выбрала теннис, а потом теннис выбрал тебя. Есть вещь, которую люди не понимают. Для того, чтобы побеждать, совсем не надо быть лучшим игроком в мире. В нужный день надо просто быть лучше человека, стоящего на корте против тебя. И ты поняла это с самого начала.

– Другие девочки боялись тебя до потери пульса, – продолжил он. – Особенно Елена и Татьяна. Ты их просто пугала. Не знаю, делала ли ты это намеренно, но все в тебе говорило: это бизнес, а вы стоите у меня на пути.

* * *

А потом, словно по щелчку, меня вышвырнули из академии. Для Юрия это было все равно, что изгнание из рая, или пробуждение в самом

интересном месте прекрасного сна. Я проучилась всего несколько месяцев, но моя игра уже улучшилась, и я поднималась все выше и выше в рейтинге. Почему же они дали мне пинка? Как это все можно было объяснить?

Прямо об этом так и не сказали, но намекали на мой возраст. Я была слишком мала, чтобы играть со всеми этими девочками. И то, что я обыгрывала соперниц на четыре-пять лет старше себя делало их несчастными. А их родители, которые платили по полной, не хотели слышать о том, что кто-то играет лучше их «чудо-детей». Хотя мой отец чувствовал, что за всем этим скрывается нечто большее. Ведь они знали о моем возрасте, когда делали нам предложение. Но Юрий не винил Ника. Он винил мать Анны Курниковой, Аллу.

Теннисных родителей отличает особая агрессивность. До моего появления Анна была единственной русской в академии, очаровательным светловолосым чудо-ребенком. Потом появилась я, с такими же светлыми волосами, с таким же ударом, и даже моложе. И с каждым днем я прогрессировала. Юрий решил, что у Аллы, должно быть, появились некоторые мысли, касающиеся в основном того, что в нашей истории не все было чисто. *Этот отец со своей дочкой появились ниоткуда посреди ночи? И вы в это верите?* Кажется, она решила, что Юрий меня похитил, что он увез меня насильно. *А школа? Эта девочка вообще ходит в школу? И что за мать разрешила увезти от себя малышку? Что-то здесь не так.* Другими словами, Ник увидел в нас мину замедленного действия и, хоть и хотел оставить меня в академии, решил не рисковать.

Нам предложили убираться. Всего хорошего и прощайте. Вы думаете мой отец запаниковал или решил вернуться в Сочи? Если да, то я этого не заметила. В этот период он оставался непоколебимым, как скала. Плохих новостей не существует. Во всем есть положительная сторона. Всегда есть возможность посмотреть на вещи под другим углом зрения. Всегда есть план Б, потому что все это наша судьба. И нам надо просто найти свой путь и держаться его.

– Маша, ты только посмотри, чего мы смогли достичь! Зачем же нам отступать?

Юрий встретился с Ником и обсудил с ним вариант мягкого расставания, который удовлетворил обе стороны.

– Послушайте, Ник, как можно выбрасывать маленькую девочку на улицу?

И Ник разрешил нам пробыть в академии еще несколько месяцев, использовать корты и пользоваться столовой, пока дети не вернутся с летних каникул. Все это время Юрий осматривался и обдумывал новый

план. Наконец он остановился на Секу Бангоре, профессиональном теннисисте африканского происхождения, который долгие годы работал у Боллетьери. В начале девяностых Секу открыл свою собственную академию «Эль-Конкистадор», которая располагалась на нескольких кортах с твердым покрытием недалеко от академии Боллетьери.

Это была одна из бесчисленных флоридских теннисных фабрик, во главе которых обычно стоял гуру, широко забрасывающий свою сеть в надежде подцепить звезду, которая прославила бы его имя. Секу пытался создать империю и следовать в кильватере Ника. Мне он не нравился. Луженая глотка, всегда готовая забиться в истерике. У него была коварная улыбка, которую я не переносила. Я ему не верила. Но Юрий был уверен, что Секу – это решение наших проблем. Может быть, у него просто не было лучшего варианта. И денег. Все началось с того, что однажды утром мы сыграли с Секу. Он был среднего роста и атлетического телосложения – бывший профессионал, который так и не смог выйти на серьезный уровень. Ему было лет тридцать пять-сорок. После игры он отвел отца в сторону.

– Вижу, вижу, что она может играть, – сказал Секу.

– А у вас есть местечко для нее в вашей академии? – поинтересовался Юрий.

– Есть, – сообщил Секу, – но ей придется платить. Деньги. Немного. Самую мелочь.

– В этом-то все и дело, – пояснил Юрий. – Платить мы не можем. Она должна получить стипендию.

– В этом случае, – сказал Секу, подумав мгновение, – я должен посмотреть, как она будет играть в соревновании.

– Потому что есть тренировки, – пояснил он свою мысль, – а есть соревнования, которые гораздо важнее. Трудно реально оценить игрока, пока не увидишь его в процессе соревнования. Некоторые, которые блестяще выглядят на тренировках, мгновенно тушуются, когда что-то идет не так.

В ближайший уик-энд на севере должен был состояться турнир. До него надо было ехать несколько часов на машине. Секу хотел взять туда меня и несколько других учеников, поместить меня в боевые условия и посмотреть, что из этого выйдет. В чем была уловка? В том, что Юрий не мог поехать вместе с нами. Без родителей. Это невероятно обеспокоило моего отца. Он очень долго думал, советовался с нашей русской домовладелицей и моей русской учительницей, прежде чем дать свое согласие. Хотя какой у него был выбор? Да и другие дети тоже едут.

Я уже не помню подробности. С тех пор прошло столько соревнований.

Они все перемешались. Но я помню выражение лица папы, когда тем вечером Секу высадил меня около дома. Мы опоздали на несколько часов. Мой отец мерил шагами коридор, следил за огнями фар и смотрел на часы. Он поручил свою дочь человеку, которого плохо знал и которому не очень доверял. Но у нас была хорошая причина для опоздания. Я выиграла! И не только матч, но и весь турнир. Получила приз. Меня сфотографировали, и на этом все закончилось. Секу выглядел довольным. Он пригласил моего отца зайти утром в «Эль-Конкистадор».

Они встретились в крохотном душном офисе, расположенном в трейлере, крыша которого потрескивала на жаре.

– ОК, – сказал Секу, – с ней все в порядке. Мы что-нибудь придумаем. Скажи, сколько ты готов платить?

Юрий объяснил все еще раз.

– Мы ничего не можем заплатить.

Секу вздохнул так, как будто устал от жизни, осмотрел отца, как всегда снизу доверху, а потом спросил:

– А ты в теннис хотя бы играешь?

– Да.

– И действительно можешь бить по мячику?

– Ну конечно. Кто, по вашему мнению, отрабатывает удары с Марией?

– ОК, – сказал Секу. – Вот мое предложение: ты будешь работать на меня. Будешь отрабатывать удары с учениками перед тем, как они перейдут к упражнениям и к игре. Тебе придется делать все, что я скажу – все, что я велю. За это Мария будет учиться у нас по стипендии. Согласен?

– Да.

Секу заставил отца заполнить какие-то формы. Пока он этим занимался, Секу попросил у него наши документы. Насколько я помню, Секу взял их и не отдавал, что делало моего отца совершенно беспомощным, как будто он не контролировал свою собственную жизнь. Паспорта и визы. Секу сам был иммигрантом из Африки, так что хорошо знал, насколько важны были эти документы. Они давали право на пребывание в стране, давали возможность идти за своей мечтой. Они были для нас всем. Секу сказал отцу, что сделает с них копию и вернет, но не вернул. Или очень долго тянул с этим. Вечно он «как раз собирался» это сделать, но не мог найти ключа от сейфа, или что-нибудь в этом роде. Документы были слишком важны. До тех пор, пока они были у Секу, он контролировал моего отца. А до тех пор, пока он контролировал моего отца, он контролировал меня.

Глава шестая

Каждое утро мы с Юрием направлялись в «Эль-Конкистадор». Нас подвозил сам Секу или один из его инструкторов. У ворот мы расставались. Юрий шел на дальние корты, где он часами тренировал детей, или отправлялся выполнять какие-то поручение Секу. Время от времени Секу просил его сделать нечто абсолютно бессмысленное, по мнению отца. Но если Юрий высказывал свои сомнения, Секу взрывался. И мог оскорбить. Он говорил, что как хозяин ждет от людей повиновения – абсолютного повиновения. Для Юрия это было унизительно, чего, кажется, и добивался Секу. Здесь все вертелось вокруг вопроса влияния. Секу хотел, чтобы Юрий сорвался, но тот держался. И молча мирился со всем. Ради светлого будущего. Мой отец свято верит в преодоление. Времена были плохими, но он знал, что ему надо не высовываться и забыть о своей гордости.

А я в это время тренировалась на ближнем корте. Тренировки, упражнения и игры. Мяч за мячом летели в разные углы корта. В такие моменты практически невозможно думать о теннисе как об игре, как о времяпрепровождении, как о чем-то, чем в мире занимаются для собственного удовольствия. Теннис – это не игра. Теннис – это спорт, головоломка, испытание на выносливость. Для победы идешь на все. Он был моим другом и врагом, ночным кошмаром и исцелением от этого кошмара, моей раной и бальзамом для этой раны. Спросите любого, кто сделал эту игру своей жизнью, кто встал на грунт еще до того, как был в состоянии понять, что принесет ему его непонятный ранний талант. Я знаю, что вы хотите, чтобы мы любили эту игру – потому что тогда за нами интереснее наблюдать. Но мы ее не любим. Но и не ненавидим. Она просто есть и была всегда.

Кое-что в «Эль-Конкистадоре» мне нравилось. Нравилась сдержанная атмосфера заведения. Это было не похоже на академию Боллетьери. На тебя не так давили, и игроки были послабее и не такие зацикленные на игре. Мне нравилась рутина, невысокие требования к игре, то, как вода после дождя лилась на дальние корты, что давало игрокам редкий шанс передохнуть и пять минут бездумно смотреть на солнце. Но больше всего мне нравилось, что папа был рядом, даже когда я его не видела. Он разогревал меня перед послеполуденными играми – мы обменивались

ударами и одновременно разговаривали. Мы могли говорить о доме, или о теннисе, или о маме и о том, как будет здорово, когда она приедет к нам во Флориду. Если у меня появлялась проблема или не шла игра, если меня обижали или несправедливо поступали со мной, я могла побежать к нему, и он обязательно помогал.

Хотя в основном «Эль-Конкистадор» я ненавидела. Он казался мне второсортным и пообтрепавшимся. И мой отец был всегда рядом, а это значило, что я не могу побыть наедине с самой собой. Но самой большой моей проблемой был Секу. Мне казалось, что он использует меня для того, чтобы поставить на ноги свою еще не оперившуюся школу и ненавидит меня за это. Я работала как собака – днями напролет, каждый день, отбивая мяч и бегая по корту, и за все за это на меня орали. А потом, Секу был жадным. Если мы останавливались перекусить после турнира, он обязательно выставлял отцу счет за куриные наггетсы и спрайт.

Но я становилась все лучше и лучше, и у меня начала появляться уверенность на корте. Я узнавала новые стратегии, новые приемы и никогда не забывала, что каждое новое оружие нужно мне не для того, чтобы выиграть турнир, или попасть в первую сотню рейтинга, или заработать деньги. Все это нужно было для того, чтобы одолеть их всех.

Именно тогда я стала работать над подачей со своим отцом. Мне кажется, что за свою карьеру я подавала мяч двумя непохожими способами. Их можно и использовать для хронологии – подача № 1 и подача № 2. Почти для любого спортсмена это значит «до» и «после» травмы, которая все в нем изменила, из-за которой движения, бывшие инстинктивными, врожденными и естественными превратились во взрослые, сложные и благоприобретенные.

Моя подача похожа на удар хлыста. Прежде чем ударить, я завожу руку очень далеко назад, почти касаюсь ею спины. Никто никогда не видел такое подвижное и раскрепощенное плечо. Люди говорят, что у меня два плечевых сустава. Это превращает мое плечо в рогатку и сообщает ему дополнительную силу, но при этом давление на плечо усиливается – оно начинает напоминать давление на плечо питчера[10].

В те годы для меня большой проблемой был рост. Я была очень маленькой, иногда на целый фут ниже девочек, с которыми мне приходилось играть. И так продолжалось очень долго. Иногда люди спрашивали:

– А что это за светловолосая малявка носится по корту с ракеткой, которую она, наверное, стащила у своего папаши?

Мой рост сильно влиял на мою игру. Другие девочки вырастали, и мне

становилось все сложнее и сложнее не отставать от них или собираться с силами, чтобы нанести победный удар. Это первый серьезный вызов для любого спортсмена: что будет, когда твое оружие, такое, как, например, скорость, будет нейтрализовано более крупным или быстрым соперником? Именно в этой ситуации многие люди бросают спорт, потому что их оружие больше не работает и то, что раньше было легко, теперь становится тяжело. Хотя это скорее новая возможность, еще один шанс победить. А пока приходилось просто ждать и надеяться, что скоро вырастешь.

Каждый вечер, пока отец читал книги по теннису, я висела на руках на металлической палке для вешалок в гардеробе. Висела столько, сколько могла выдержать. Потом я ходила по кругу, встряхивая руками и бормоча что-то в ожидании момента, когда восстановится кровообращение. Восстановившись, я глубоко вздыхала, хваталась за палку и вновь висла на ней. Я пыталась растянуть свое тело, стать немного выше. В нашей семье великанов не было. Я уже говорила, что мои мама и папа не низкие, но и не высокие. В папе пять футов одиннадцать дюймов[11], но это когда он стоит на толстой ортопедической стельке. В маме пять футов и семь дюймов[12]. А я горжусь тем, что во мне шесть футов и два дюйма[13]. Ведь для моей игры важны рост и физическая сила. Юрий считает, что я должна гордиться своим ростом, потому что это полностью моя заслуга. И добилась я этого, вися на палке в гардеробе. Он верит, что я заставила себя вырасти волевым усилием, что я росла, потому что это было необходимо для игры. А может быть, просто повезло или сыграл роль какой-нибудь рецессивный ген. Но вся штука в том, что перед тем как вырасти, я готовила себя к карьере невысокого игрока, приобретая и оттачивая некоторые навыки, которые оказались совершенно незаменимыми, когда я превратилась в одну из самых высоких спортсменок.

Секу использовал меня в качестве выставочного пони, живой рекламы того, что он может продемонстрировать на турнирах. Если я выигрывала, то это происходило благодаря школе Секу, а это значит, что я ни на минуту не прекращала играть – всю неделю в академии и каждый уик-энд на турнире. Сначала мы ездили по Флориде, потом по всему югу Америки – Секу, я и еще несколько игроков в грязном фургоне белого цвета. И вот здесь я завела себе несколько друзей. Я проводила время с детьми, а Юрий с родителями. Особенно он сблизился с мужчиной по имени Боб Кейн, который держал Юрия за профессионала, потому что его сын Стивен брал уроки в «Эль-Конкистадоре». На соревнованиях они всегда сидели вместе. Некоторые люди отца не любят. Они считают его слишком зацикленным и

жестким. Однако другим он нравится. Он быстро находил общий язык с людьми. Человек он благожелательный, и не как теннисный родитель, а как просто человек. Это у него чисто русская черта, которая восходит к героям Толстого. Если вы ему понравились, он начинает принимать происходящее с вами близко к сердцу, и вы это чувствуете, поэтому отвечаете ему взаимностью. Именно это и произошло с Бобом Кейном.

На турнирах ты видишь в основном одни и те же лица. Человек сто имеют общую мечту. Кажется, что мир тенниса велик, но в действительности он крохотный. Всего несколько человек встречаются между собой снова и снова.

– А страшно было становиться профессионалом? – спрашивают иногда люди. Это просто смешно. Что же в действительно происходит, когда человек становится профессиональным теннисистом? Сейчас расскажу. Ты надеваешь форму выходишь на корт и играешь с теми же самыми девочками, с которыми играла раньше, только теперь вы профессионалы. Зрителей может быть чуть больше, судейские ставки могут быть чуть выше, на баннерах размещается реклама, но девочки те же самые, с которыми ты играешь с десятилетнего возраста. У Боллитьери я играла с Татьяной Головин[14], когда мне было восемь, а через одиннадцать лет я играла с ней в Открытом чемпионате США.

Я продолжала побеждать в турнирах. Сначала я была семилеткой, которая играет в возрастной группе «до 9 лет». Потом я была восьмилеткой, играющей в группе «до 10 лет». Я была маленькой и не очень быстрой, но у меня был сильный и очень точный удар, так что мой рейтинг постоянно рос. Когда мне исполнилось девять лет, я была одной из лучших в США в возрастной группе «до 12». И Боллетьери вновь обратил на меня внимание. По непонятной причине он выгнал нас, но как он мог забыть меня?

Я продолжала побеждать его лучших игроков.

Осенью 1995 года наши дела шли хорошо. Очень хорошо. Я освоилась в «Эль Конкистадоре», Юрий зарабатывал деньги, – мама все ближе приближалась к моменту получения визы, а я выигрывала.

И это означало, что что-то должно произойти – что-то нехорошее.

Однажды днем Секу пригласил моего отца в трейлер.

– Мне очень жаль, друг, но ты не можешь здесь больше работать.

Секу увольнял отца, но за что?

Секу объяснил, что присутствие отца в «Эль-Конкистадоре» мешало нормальной работе школы. Ведь помимо того, что он был моим отцом, Юрий должен был работать в качестве инструктора, и другие девочки мне

завидовали. Он проводил больше времени со мной и, не скрывая, демонстрировал свою заинтересованность. Девочки пожаловались своим родителям, а родители пожаловались Секу. По крайней мере это то, что Секу объяснил моемо отцу.

А еще он выдвинул вторую причину для увольнения, которая, на мой взгляд, была ближе к истине. Секу было трудно контролировать меня, когда Юрий находился неподалеку. Правда, он употребил слово *тренировать*. Присутствие моего отца постоянно подрывало авторитет самого Секу. Когда Секу наезжал на меня, я обращалась к Юрию. И даже если у меня и не было желания принижать его авторитет, говорил Секу, то это все равно происходило. Даже если я ничего не говорила, это было видно по моим глазам. Пока Юрий был рядом, я принадлежала больше ему, чем Секу.

Глядя на все это с высоты моего сегодняшнего опыта, я понимаю, что все тогда вертелось вокруг вопроса влияния на меня. Я уже продемонстрировала свою ценность в качестве игрока. Я выигрывала турниры. Я взбиралась все выше в рейтингах. Любому, кто провел хоть немного времени на детских соревнованиях, было ясно, что очень скоро я перейду в профессионалы.

А после этого я начну зарабатывать деньги. Поэтому Секу необходимо было надежно привязать меня к себе именно сейчас, на этой ранней стадии, если в будущем он хотел быть членом моей команды и если он хотел получать свой процент с больших призовых. Для человека в его положении это значило втиснуться между игроком и его родителем. Секу сказал, что если я хочу остаться в «Эль-Конкистадоре», то отцу надо искать новое место работы.

И так как в школе отец больше работать не будет, Секу заявил, что нам надо будет платить, как и всем остальным. Каждое утро меня будут забирать и привозить в «Эль-Конкистадор», а вечером будут возвращать домой. Это же касалось и соревнований. Раз в месяц Юрию будут представлять счет, сумма которого будет определяться, исходя из того, сколько времени Секу и его сотрудники со мной работали. Это не лезло ни в какие ворота. Не зная, сколько нам придется заплатить, мы не могли ничего планировать и не знали, к чему готовиться. А хуже всего было то, что паспорт Юрия и его виза все еще были у Секу. Он постоянно находил все новые и новые причины, чтобы не возвращать эти документы. А пока они были у него, мы были в ловушке. Естественно, я не могу знать, о чем думал Секу в то время, но мне кажется, он пытался создать вокруг нас атмосферу неуверенности, в которой нам не на что было бы опереться. Как

будто он ждал, когда Юрий окончательно созреет, чтобы приступить к сбору урожая.

Другими словами, Юрию надо было вновь искать работу. И чем скорее, тем лучше. Он потыкался в разные места, прежде чем обсудить проблему с нашей домовладелицей, русской женщиной, которая сдавала нам свою гостиную и часть кухни. Она напрямую была заинтересована в финансовой стабильности отца – первого числа каждого месяца мы платили ей 250 долларов США. В то время она встречалась с человеком, который был кем-то вроде строителя – здоровый мужик, владевший компанией по благоустройству территорий. Разъезжал он на лязгающем белом пикапе, забирая и развозя по домам своих работников, людей, которые удаляли сорняки, сажали траву и подстригали ее. Кроме этого они подкармливали удобрениями цветы на клумбах в парках загородных клубов. Моему отцу уже приходилось этим заниматься. Мужчина предложил отцу место в своей команде. Отец за него ухватился. Ему нужны были деньги, чтобы покупать мне обувь и теннисные ракетки и для того, чтобы обеспечить нам жилье и питание.

Начинать работу пришлось без всякой раскачки. Думаю, что отцу в то время было очень тяжело. Каждый день он вставал в 4 часа утра, одевался в темноте, готовил мне завтрак и оставлял на столе записку – всего несколько слов, вроде инструкции на день. В те же дни, когда ему приходилось уходить еще раньше, он вставал, готовил мне рис и ставил его под свою подушку, чтобы он не остыл – этот рис я ела, когда просыпалась. Другие члены команды, так же, как и Юрий, были иммигрантами, которые еле говорили по-английски. Только они были не из России, а из Мексики, Гондураса и Гватемалы, так что родным языком для них был испанский. Кроме того, они были гораздо моложе Юрия. Лет на десять или около того. Они были в лучшем физическом состоянии, и их колени и суставы не болели. Но встретили они моего отца дружелюбно и тепло, и даже полюбили его, так что он стал ждать утра, когда ему придется ехать с ними в прохладном утреннем воздухе Флориды. Он смеялся над их историями, рассказанными на ломаном английском, и рассказывал им свои собственные. Он научился ругаться по-испански и полюбил эту небольшую группу. Среди них он был единственным таинственным русским.

Большинство своего времени они работали на поле для гольфа в большом загородном клубе – этаком выпендрежном месте. Приезжая туда, они расходились в разные стороны. Юрий ходил по дорожкам и гринам[15], укрепляя дерн, заменяя его где надо, удаляя сорняки и все такое – я не

большой специалист во всем этом – и делал все это еще до того, как всходило солнце. Все это должно было быть закончено до того, как первые игроки выходили на поле в районе 6 часов утра. Потом он продолжал работать весь оставшийся день, иногда с другими членами команды, иногда в одиночестве. Домой он возвращался в 5 часов вечера, как раз к тому времени, когда надо было готовить мне обед.

Этот период нашей жизни, который продолжался много месяцев, был очень странным. Папа каждое утро уходил из дома до того, как я просыпалась, возвращался каждый вечер чтобы накормить меня, а потом ложился на раскладную кушетку, где он проводил многие часы, читая книги о теннисе и делая выписки.

У него всегда были проблемы со спиной. Началось все еще в России, когда он работал на этих трубах. Иногда он забывал о ней на месяцы или даже годы, а потом, как гром среди ясного неба, боль возвращалась. Работа в команде, занимающейся ландшафтами, была, наверное, не самым лучшим вариантом для человека в его состоянии. Однажды, еще очень рано утром, когда он работал на грине в загородном клубе, у него выскочил позвоночник диск. Конечно, об этом легко написать: у него выскочил диск. Но я не могу понять, что он почувствовал в действительности. Он говорит, что это было мучительно – такой боли он не испытывал никогда в жизни. Казалось, что удары молний выжигали ему спину. Можно сказать, что боль сбила его на землю. И все, что он мог, это лежать на спине, гримасничая и негромко ругаясь. А вокруг стояла темнота, и он мок от росы и воды из спринклеров, которые не давали траве полностью высохнуть. Он не может сказать, сколько пролежал там. То теряя сознание, то вновь приходя в себя. Небо постепенно становилось все светлее. Потом он увидел деревья. Потом листья на этих деревьях. А потом небо стало голубым и началась жара. Наконец, его обнаружил один из игроков – он наткнулся на длинную фигуру, лежавшую поперек грина и стонавшую. Игрок подъехал к отцу на гольфмобиле. Он попытался заговорить с Юрием и поднять его, но отец только бормотал что-то по-русски и не мог пошевельнуться. Сначала игрок решил, что папа пьян. Вы только посмотрите, что там, на пятнадцатой лунке! Пьяный русский. Наверное, один из олигархов! Но наконец, он понял, что Юрий не пьян – просто ему очень больно и он просит о помощи. Мужчина позвал других людей из команды Юрия. Они встали вокруг него, пытаясь помочь.

Наконец, они подняли его с земли, положили в гольфмобиль и привезли в здание клуба, где он продолжил стонать, лежа на спине.

Один из его коллег позвонил боссу. Он сказал ему, что Юрий в очень

плохом состоянии и ему необходимо в больницу. Мужчина хотел вызвать скорую, но босс сказал «нет» – скорая удовольствие дорогое. Он сказал, что сам приедет и отвезет Юрия в больницу. В результате он появился только в конце дня. Юрий лежал в этой задней комнате и стонал в течение многих часов.

Из больницы его выписали всего через несколько часов. Там ему дали флакон с болеутоляющими таблетками, порекомендовали упражнения по восстановлению и велели как можно больше лежать. Обо всем этом я узнала позже, когда Юрий позвонил из больницы. Наверное, было около 7 часов вечера. Один из работников рассказал мне потом, что все это время Юрий повторял только: Маша, Маша, мне надо домой, чтобы приготовить еду для Маши.

Две недели отец провел в постели. Состояние его было ужасным. Мы скрывали все это от мамы. Когда она звонила, мы притворялись, что все хорошо, прекрасно, отлично. А пока мне приходилось изо всех сил ухаживать за ним. Я покупала продукты, готовила еду, кормила его. Завтрак я готовила до того, как утром уехать в «Эль-Конкистадор», а сразу же после вечерней игры возвращалась домой. Мне казалось, что ему необходим бассейн. Что лучшего места для того, чтобы потренироваться, растянуться и выздороветь, ему не найти. И я стала ходить по улице, стучаться в двери домов и выяснять у тех, кто заговаривал со мной, нет ли у них бассейна и не можем ли мы им воспользоваться. Стратегия прямо скажем сумасшедшая, но в конце концов, мне удалось найти милую старую леди, которая согласилась пускать нас в свой бассейн несколько раз в неделю. Именно тогда Юрий стал, наконец, выздоравливать. После трех недель восстановления в этом бассейне он уже мог стоять, ходить, делать покупки в магазине и так далее, но я не верила, что он снова сможет заниматься физическим трудом.

А между тем деньги кончались. Можно было бы подумать, что хозяин команды, который, между прочим, встречался с нашей домовладелицей, оплатит Юрию вынужденный отпуск или возьмет на себя несколько счетов из больницы. В конце концов, отец получил травму, работая на этого человека. Но нет. Ничего. Ни за что. Мой отец даже думает, что в тот день, когда он получил травму, хозяин заплатил ему только за те два часа, когда он выдергивал сорняки, а не за те шесть часов, во время которых он лежал на земле и стонал. Очень скоро мы прекратили платить по счетам. Именно тогда домовладелица стала смотреть на нас новым, недружелюбным взглядом. Мы перестали быть арендаторами и превратились в проблему. Однажды она привела незнакомца, которому показала наше жилье, правда

молча. Спустя несколько дней она напомнила Юрию об арендной плате.

– Если вы не в состоянии платить, вам с Марией придется съехать, – сказала она. – У меня есть другой арендатор, который готов въехать на ваше место.

– И вы что, выбросите восьмилетнюю девочку на улицу? – спросил Юрий.

– Это ваша проблема, а не моя, – ответила домовладелица.

Естественно, именно в этот момент и Секу решил вручить нам свой счет. Наверное, он знал, что мы не сможем его оплатить. Он вообще следил за тем, что с нами происходит. Таким образом он мог увеличить давление и усилить наше чувство неуверенности в завтрашнем дне. Другими словами, наступило время сбора урожая.

Юрий взял себя в руки и отправился на встречу с Секу, который держал в руках наш счет.

– Секу, ты же знаешь, что я не могу заплатить прямо сейчас, – сказал отец. – Может быть, ты можешь дать отсрочку…

– Нет, – ответил Секу. – Отсрочки не будет. Или вы заплатите то, что должны, или Марии придется уйти из «Эль-Конкистадора».

И, пока Юрий стоял перед ним весь кипя от гнева, он заметил:

– Впрочем… Если…

– Если что?

– Может быть, мы сможем договориться по-другому.

Секу выдвинул ящик стола и протянул Юрию контракт.

– Если ты подпишешь вот это, – сказал он. – Мария может остаться, и я лично займусь ее развитием.

– А что это?

– Самое стандартное соглашение.

– Могу взять его домой и прочитать?

– Конечно, почему бы и нет. Только не затягивай. Мне, в общем-то все равно, что ты решишь. Я веду себя с тобой очень благородно. Может быть, даже слишком. Просто я полюбил Машу. Но предложение долго ждать не будет.

Возвращаясь домой, отец просмотрел контракт. Он читал статьи и отдельные фразы, но понять ничего не мог. Он вообще плохо читал по-английски, но даже если бы он читал хорошо, контракт был написан таким запутанным языком, что для того, чтобы разобраться в нем, нужна была помощь юриста.

Вернувшись домой, отец показал контракт нашей домовладелице.

– Вы можете здесь что-нибудь понять? – спросил он.

В тот момент наши отношения были далеки от идеальных – на минуточку, женщина угрожала выкинуть нас на улицу, – но она была одной из немногих к кому мы могли обратиться. Более того, если в контракте говорится что-то о моей стипендии или о работе для папы, то, может быть, она согласится подождать с платой. Она прочитала документ, сидя за кухонным столом и внимательно вчитываясь в каждую фразу. Было видно, как двигались ее губы, когда она натыкалась на особенно сложную фразу: вместо будущих доходов, в зависимости от роста издержек…

Закончив, женщина сняла очки для чтения.

– Этого нельзя подписывать, – сказала она, возвращая документ.

– Почему? О чем там говорится?

– Начнем с того, что, как мне кажется, в нем написано, что за стипендию в «Эль-Конкистадоре» Марии придется очень долго, все то время, пока она будет играть в теннис, платить Секу процент, и довольно большой, со всех своих доходов. Если ты подпишешь этот контракт, то твоя дочь будет принадлежать Секу.

– Наверное, вы ошибаетесь, – Юрий был в шоке. – У меня есть проблемы с Секу, но так бы он никогда не поступил.

– Я поняла это именно так, – ответила домовладелица. – И могу сказать только одно: будь осторожен.

Сидя в кресле и глядя в окно, Юрий долго обдумывал все это, перелистывал страницы, сверялся с русско-английским словарем.

Сколько мне тогда было? Восемь или девять? Я хорошо играла, и это привлекло ко мне внимание стервятника. Мой отец оказался на развилке. Если домовладелица права, он не может подписать контракт. Но если он не подпишет контракт, то меня вышвырнут из школы и мы останемся без кортов и тренеров, а это значит, что я скоро потеряю форму. Вот такой вот парадокс. Для того, чтобы быть в форме, надо было продать душу дьяволу. А если я продам душу, то нет смысла поддерживать форму. А если я душу не продам, то об успехе можно забыть.

Юрий хотел услышать еще одно мнение, хотел, чтобы контракт прочитал еще кто-то, кто действительно знал язык и юриспруденцию – для домовладелицы английский не был родным чтобы оценить документ. Но денег на юриста у него не было. А потом он вспомнил о Бобе Кейне, которого встречал на нескольких соревнованиях, о своем приятеле по боковой линии корта, сын которого играл в «Эль-Конкистадоре». Боб был онкологом и, наверное, хорошим онкологом, потому что выглядел он очень состоятельным. Он жил в доме на берегу в Венисе, штат Флорида, что само по себе было недешево, и ездил на прекрасной спортивной машине.

Выяснив его телефон, Юрий позвонил ему и объяснил ситуацию.

– Я сейчас приеду, – предложил Боб, – и мы найдем кого-то, кто посмотрит контракт.

Он заехал за нами чуть позже и отвез нас к своему другу, который занимался подобными вопросами. Мужчине потребовалось всего две секунды, чтобы забраковать соглашение, предложенное Секу.

Читая документ страницу за страницей, он писал на полях красной ручкой: нет, нет, нет.

– Этого нельзя подписывать, – сказал он наконец. – Речь идет об узаконенном рабстве.

Это был ключевой момент. Если мы подписываем, то у нас будет хоть какое-то место для жилья и тренировок. Если нет, то у нас нет места ни для тренировок, ни для жилья.

Я восхищаюсь своим отцом: он ни на минуту не потерял свою веру, не сдался, не стал искать легких путей. Что нас тогда спасло? Что сделало возможной мою карьеру? Этот момент был не из тех, когда он принимал вызов и говорил: «ДА». Люди вообще слишком много внимания уделяют тому, как и когда говорится: «ДА». Но главную роль в моей судьбе сыграли его «НЕТ». Для него обычно до определенного момента было – да, а после него – нет. В этом заключались его бунт, его мятеж. Он просто не мог позволить мне стать частью плана чужого человека. Были только я и он, и так это и будет до тех пор, пока он не найдет человека, которому будет доверять. А в момент искушения – под этим я понимаю появление возможности пойти легким путем – он всегда говорил: «НЕТ». И никогда потом не приходил в отчаяние. Потому что у него была цель, в которую он верил. Он верил в то, что все его мечты о моем будущем станут реальностью. Он сам видел это, и об этом же говорил ему Юдкин. А от него требовалось только не сходить с пути и двигаться по нему шаг за шагом, и тогда все получится. Надо было просто говорить: «НЕТ», когда гораздо проще было сказать «ДА». В конце концов, у него был глобальный план, в котором не было места сделке с Секу.

Мы отправились к нему, в маленький трейлер на краю кортов «Эль-Конкистадора». На лице Секу было издевательское выражение. Он знал, что, благодаря ему Юрий находится под тяжелым прессом – ведь отец все еще не мог работать из-за травмы. На Секу была белая теннисная форма, глаза сверкали, а улыбка была широкой и фальшивой.

Он немедленно взял быка за рога.

– Ты подписал контракт? – был его первый вопрос.

– Нет, – ответил Юрий.

– Контракт надо подписать, – заметил Секу. – Как только ты его подпишешь, мы сможем вернуться к нашим делам.

– Не думаю, – услышал он в ответ.

Юрий вернул ему документ без подписи. Секу возмутился. Не обращая на это внимания, отец рассказал ему, с кем мы встречались, и что нам сказали по поводу контракта, и что я стану собственностью Секу, если он подпишет контракт. На это Секу возразил, что люди, с которыми мы встречались, были или глупцами, или ничего в этом не понимали, или врали. Контракт честный и не только честный, но и щедрый. Даже слишком щедрый. Юрий сказал, что он рад это слышать и предложил сесть вместе с юристом, с которым мы встречались до этого…

– Я, ты и тот мужчина, – сказал Юрий. – И вместе пройдемся по контракту с тем, чтобы убедиться, что все мы всё понимаем одинаково.

– Если он где-то ошибается, давай покажем ему, где именно, – настаивал Юрий.

В глазах Секу вспыхнул огонь, а потом они погасли и стали пустыми.

– Ты будешь подписывать или нет? – спросил он.

– Нет, – ответил отец, – я ничего не собираюсь подписывать.

– Что ж, хорошо. – Голос Секу прозвучал холодно. – До конца дня можете пользоваться нашими удобствами. И чтобы вас здесь не было через двадцать четыре часа. Твоя дочь не сможет тренироваться здесь без оплаты. Стоить это будет пять сотен в неделю.

Когда мы вернулись, отец переговорил с домовладелицей. Он рассказал ей, как все прошло и что это значит для нас. И попросил отложить оплату на несколько недель – мы ее уже задерживали – пока он не найдет работу, не заработает денег и не придумает новый план. Женщина сказала: «НЕТ». Или мы можем заплатить, или не можем. Если не можем, то должны съехать. Она, правда, не сказала, когда именно, но у отца создалось впечатление, что сделать это надо *немедленно*.

Он позвонил Бобу Кейну в Венис. И рассказал ему все, что с нами произошло.

– Теперь я даже не знаю, что нам делать, – закончил Юрий свой рассказ.

– Упакуйте вещи и ждите меня перед домом, – велел Боб. – Я вас заберу.

Он прислал за нами машину, которая отвезла нас к нему домой. У него оказался красивый дом в нескольких милях от побережья с большой лужайкой, плавательным бассейном и собственным кортом. Я впервые попала в дом, который можно было назвать жилищем богатого человека.

Там я чуть не расхохоталась. Ничего не могла понять. Зачем людям собственный корт? А эти все лишние комнаты – с ними что делать? Ведь в каждый конкретный момент можно находиться только в одном помещении, правильно? Я прожила в Америке вот уже много месяцев, но ничего еще не поняла.

Мы расположились в гостевой спальне. Боб сказал, что мы можем жить у него столько, сколько понадобится. Можем брать на кухне все, что захотим, и есть вместе с семьей. А еще он дал Юрию немного наличных: «пока ты опять не встанешь на ноги».

– Как я смогу расплатиться с тобой? – спросил Юрий.

– Знаешь, если тебе захочется и у тебя будет на это время, можешь поиграть в теннис с моим сыном, – ответил Боб. – Но не стоит об этом волноваться. Это совсем не обязательно.

– А почему ты это делаешь? – поинтересовался Юрий.

– Потому что, если я попаду в похожую ситуацию, – ответил Боб, – мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь поступил со мной точно так же.

Вот такой была наша жизнь в те годы. Полосатая как зебра, когда неудача сменялась удачей. Время от времени из-за чьей-то жадности мы оказывались в трудной ситуации. И когда это происходило, а происходило это довольно часто, всегда находился человек, который, без всяких на то причин, просто потому, что ему так хотелось, нас выручал – подвозил, покупал билет или давал крышу над головой.

* * *

В доме Кейна мы прожили почти год. Мы обедали вместе со всей семьей, я играла в теннис со Стивеном, когда была свободна от упражнений и тренировок с отцом, который вновь стал моим тренером. Это напоминало нам жизнь в оазисе, царстве прохлады на долгом и трудном пути. Как будто мы стали частью нормальной американской семьи. Но я ни на день не прекращала работать, не прекращала тренироваться. Более того, я играла во всех соревнованиях, на которые могла квалифицироваться и до которых могла добраться. Я росла и становилась сильнее, а моя игра улучшалась, но это не было связано с тренировками. Я начинала чувствовать этот спорт, смотреть на него под разными углами, ко мне приходило понимание игры. Я начала понимать, как один удар влияет на следующий, как можно их предугадывать и готовить конец сопернику. Во многом это напоминает шахматы. Каждый удар к чему-то ведет. Если не хочешь проиграть, надо оказаться в нужном месте и сконцентрироваться на конкретном ударе, но если хочешь

победить, надо думать о том, что должно произойти через двадцать секунд.

Моя игра становилась зрелой – еще не совсем, но в лучшие дни это было хорошо видно. Обычно я играю на задней линии и встречаю мяч на подъеме, с криком отправляя его назад. У меня практически одинаковые удары как слева, так и справа, хотя я считаю, что мой форхенд слабоват. Я умею превращать любое движение своего тела в кинетическую энергию. Даже когда я была крохой, которую не пускали на американские горки, моя игра уже отличалась силой и глубиной. Над моей подачей надо было работать и работать, но она *действительно* улучшалась. Когда я выходила к сетке, то отбивала мяч с лета. У меня была не слишком высокая скорость, но я хорошо предвидела, куда полетит мяч, поэтому смотрелась быстрее, чем была на самом деле. Другими словами, я умела запутать противника. Но главным в моей игре, тем, из-за чего меня было сложно победить, было связано с психологией. Это были моя концентрация и готовность биться до конца. Я не отставала от своего противника удар за ударом, гейм за геймом, никогда не ослабляя напора и не теряя надежды, даже если проигрывала. И если оставался розыгрыш хоть одного очка, даже если я отставала на два брейка и играла против противника вдвое больше меня, я вела розыгрыш так, как будто подавала в гейме, в котором мне оставалось нанести победный удар. Я не знаю, откуда у меня это – то ли от мамы, то ли от папы, то ли это результат моего ненормального детства? А может быть, я просто была недостаточно умна. Может быть, в спорте надо быть достаточно тупым, чтобы верить, что шанс есть всегда. И память тоже должна быть плохой. Надо уметь забывать. *Сделала невынужденную ошибку? Промазала по легкому мячу?* Не зацикливайся. И мысленно не возвращайся к этому. Забудь, как будто этого никогда не было. Если ты попыталась что-то сделать и это не сработало, надо быть достаточно тупым, чтобы повторить это еще раз, когда представится шанс. И на этот раз это обязательно сработает! Надо быть достаточно тупым, чтобы не бояться. Каждый раз, выходя на корт, я верю в свою победу, независимо от того, с кем я играю и каковы мои шансы. Именно поэтому меня так трудно победить.

Эта игра, этот спорт, эта жизнь с переездами с турнира на турнир, напоминают ярморочную карусель – всегда одни и те же лошади и единороги, одна и та же скамья проигравших, и одни и те же лица девочек и тренеров, которые постоянно окружают тебя. Вспоминаю ли я свои ранние игры или турниры? Честно говоря, большинство из них уже давно скрылось в дымке прошлого, но время от времени какие-то лучики воспоминаний пробиваются сквозь нее. Идеальное очко, выигранное в

идеальное утро, запах океана, заходящее солнце, приз в моих руках, его тяжесть, то, как я поднимаю его над головой – только длится все это какие-то мгновения, а потом дальше – к следующей тренировке, к следующему соревнованию. Я выигрывала, и это было самым главным. И дело было не только в том, что я выигрывала, но и в том, у кого я выигрывала: это были лучшие игроки в мире в моей возрастной группе, включая чудо-ребятишек Ника Боллетьери. Он выставлял их против меня, я разбиралась с ними и возвращала их ему. И скорее всего, это стало беспокоить Ника. Я хочу сказать, что хоть он и вышвырнул меня из академии, но не мог забыть меня или не мог идти дальше, потому что я никуда не делась и разрушала все его планы.

В конце концов, лучшим для Ника решением было вернуть меня в академию. Тогда каждая моя победа на турнире будет победа Боллетьери. Кроме того, он хорошо знал мою ситуацию – в мире сплетен, из которых соткан мир тенниса, все всё про всех знают. Он знал, что у меня нет тренера, что мне негде тренироваться, что мне негде жить. Для него ситуация тоже изменилась. Когда я впервые оказалась у его ворот, я была слишком юной, чтобы поступить в академию, и слишком маленькой, чтобы жить там. Теперь я повзрослела. Не знаю, действительно ли Ник верил, что в нашем появлении откуда ни возьмись было что-то нечисто, но это тоже изменилось. Теперь мы были святее папы римского. Просто банка с вареньем. И Ник предложил мне стипендию. Мои расходы академия брала на себя, я получала комнату, питание и все остальное. Но нам в любом случае нужны были деньги, и это значило, что Юрию необходимо найти работу. И это ему удалось. Более того, он вернулся в ту же команду по благоустройству но теперь был внимательнее к тому, что поднимает и как напрягается. Человек с поврежденной спиной смотрит на мир оценивающими глазами – ну, и каковы мои шансы?

Я переехала в общежитие, которое ненавидела. Но об этом я расскажу позже. Сейчас достаточно только сказать, что мои подозрения оправдались – я была «белой вороной», не похожей на других девочек, человеком из другой реальности. А пока Юрий продолжал жить у Кейна в Венисе, работал как собака и зарабатывал деньги. Раз в неделю я разговаривала с мамой по телефону и часто писала ей. Она все еще пыталась собрать документы, чтобы получить визу и присоединиться к нам во Флориде. Все это происходило мучительно долго. В те времена было почти невозможно собрать все необходимые документы. Жуткие очереди и коррупция, так что приходилось платить громадные деньги, а если не заплатишь нужную сумму правильному человеку, то можешь серьезно отодвинуться в очереди.

И все-таки у нее стало что-то получаться. Когда у Юрия появлялась возможность, обычно это случалось в уик-энд, он приезжал и наблюдал за моей игрой. Из Вениса он добирался на автобусе. Когда он уезжал и я оставалась в комнате одна, мне становилось грустно. Он скучал по мне, я скучала по нему, а отсутствие мамы с каждым днем становилось все труднее и труднее переносить. Ведь я все еще была ребенком. И мне нужна была семья.

Лучшее всегда случается со мной на корте. Именно на корте я смогла привлечь необходимую мне помощь, которая позволила мне подняться на новый уровень. Я играла в турнире на побережье Мексиканского залива во Флориде. Там были все элитные игроки и тренеры. Вероятно, я была самой юной участницей турнира – мне было одиннадцать лет и я играла против девочек на два-три года старше меня. Большинство из них было выше и сильнее меня. Для своего возраста я была невысокой и худой, с вывернутыми внутрь коленями. Мои ноги были слишком большими для моего роста, непропорциональными. Я легко выиграла первые этапы соревнования. Каждый раз, когда я выигрывала очко, раздавались одобрительные восклицания. Аплодисменты на корте были тогда для меня в новинку. Я сидела на стуле во время смены сторон и смотрела на папу возле боковой линии корта. У него всегда было что сказать мне, какая-то информация для меня. Иногда он просто подносил к губам бутылку с водой и это значило: Пей, Маша, пей! Очень часто в пылу матча я забывала о воде и вспоминала об этом уже поздно днем, завязнув в третьем сете, когда тошнота подступает к губам, а все вокруг начинает крутиться. *Уффф*... Все места на открытых трибунах вокруг небольшого центрального корта были заняты. Это было обычное сборище родителей и родственников, разбавленное кое-где неизвестными теннисными болельщиками.

Среди них, совершенно мне неведомая, находилась женщина, которая изменит мою жизнь. Звали ее Бетси Нагельсен[16]. Тогда ей было между тридцатью и сорока, и она была симпатичной женщиной с короткими вьющимися каштановыми волосами, которая ушла из профессионального тенниса незадолго до этого. В 70—80-е годы она наладилась в верхней части рейтинга, дойдя до двадцать третьей строчки, и выиграла целую кучу призов в одиночном разряде и еще больше в парном. Мой стиль игры был похож на игру Нагельсен – она тоже предпочитала силовую игру на задней линии. Ее мама, которая жила в Венисе, увидела, как я играю там на местном корте, позвонила дочери и сказала:

– Ты должна увидеть эту русскую малышку. Она играет так же, как ты

в ее годы. Как будто возвращаешься в прошлое.

Нагельсен работала комментатором в одной из крупнейших телевизионных компаний, поэтому видела больше игроков, игр и «талантов-которые-невозможно-пропустить», чем могла запомнить. Но тем не менее она приехала. Всю вторую половину дня она просидела на корте, наблюдая, как я разбираюсь с одним противником за другим.

Позже я узнала, что больше всего на нее произвела впечатление не схожесть нашей манеры игры, а моя настойчивость, то, с какой злостью я играла, как я боролась за каждый мяч, гоняя противниц по углам корта. В нескольких ключевых моментах моей жизни меня замечали и брали под свое крыло влиятельные женщины, которые играли до меня. И делали они это не из-за возможной выгоды. Более того, часто они делали это анонимно, и весь их интерес был в помощи девочке, которая может играть. Они делали это ради игры. Благодаря Навратиловой мы оказались в Америке. Благодаря Нагельсен в нашей жизни наступила стабильность.

Бетси Нагельсен была замужем за Марком Маккормаком, основателем и владельцем IMG[17]. IMG не только представляет интересы лучших мировых игроков в теннис, но и принимает активное участие в организации крупнейших теннисных турниров, включая Уимблдон. Постепенно IMG выпустила академию Боллетьери и другие академии и школы разных спортивных направлений, включая футбол и бейсбол. В наши дни IMG нет равных, и она представляет лучших спортсменов в мире.

Маккормак, который был на тридцать лет старше своей жены – когда я появилась на сцене ему было около семидесяти, – создал свое агентство с нуля. Оно выросло из дружбы двух великих людей. В шестидесятые годы Маккормак дружил с Арнольдом Палмером, игроком в гольф. В то время он был одним из величайших спортсменов, находился на пике своей формы, но, по ощущениям Маккормака, ему сильно недоплачивали. Маккормак, который сам был юристом и финансистом, помимо того, что он был повернут на спорте, обсудил это с Палмером. Он был уверен, что, используя известность последнего как некий рычаг, он сможет добиться для него настоящих денег. И вот эта простая мысль легла в основу IMG в первые годы ее существования. А Палмер, который здорово обогатился с помощью IMG, будет для нее лучшей рекламой. Увидев, что Маккормак смог сделать для Палмера, другие спортсмены стали обращаться к нему за подобной же помощью. И он подписывал с ними соглашения. Так IMG росла и росла, пока не превратилась в то, чем является сейчас. Штаб-квартира компании находилась в Кливленде, там же, где и основной офис

Маккормака. И не важно, насколько велико стало его агентство, не важно, сколько у него было клиентов – основная, базовая идея оставалась все той же. Надо вкладываться в спортсменов, когда они молоды, ставить их твердо на ноги и позволять им расцвести. По мере того, как они будут достигать успеха, IMG будет процветать. Если один из десяти детей, которых они разыщут и с которыми подпишут контракт, добьется успеха, этого будет достаточно.

Нагельсен не стала встречаться со мной или говорить с Юрием после турнира. Вместо этого она вернулась домой и позвонила мужу.

– Во Флориде есть девочка, – сказала она, – крохотная русская – ты должен послать кого-нибудь, чтобы на нее посмотрели. Она будет звездой.

Маккормак связался в Гэвином Форбсом, теннисным гуру IMG, который был хорошим игроком и был известен своей способностью находить таланты. Он легко отличал больших игроков от тех, кто только казался таковыми, и мог сразу сказать у кого была та самая, не имеющая названия, черта, а у кого ее не было.

Я спрашивала Гэвина, помнит ли он первый телефонный разговор обо мне.

– Не только помню, – рассмеялся он. – У меня есть даже запись в дневнике.

Однажды мне неожиданно позвонила жена Марка Маккормака Бетси Нагельсен и сказала:

– Гэвин, во Флориде есть русская девочка, которая играет в теннис – она выигрывает практически у всех. Ты должен послать кого-нибудь, чтобы на нее посмотрели, прежде чем о ней заговорят. Она феноменальна. Будет выигрывать турниры Большого шлема.

– Бетси была игроком мирового уровня и знала о теннисе все, поэтому я очень серьезно отнесся к этому звонку, – продолжил свой рассказ Гэвин. – Честно говоря, я получаю десяток подобных звонков каждую неделю. Кто-то где-то вечно натыкается на еще одного великого игрока, который может это и обязательно сделает вот это. И мне приходится ехать и смотреть на них, потому что никогда не знаешь наверняка, но 98 % времени ты видишь просто милых детей и хороших игроков в теннис, может быть, даже очень хороших, но между очень хорошим и выдающимся – дистанция огромного размера.

Когда я попросил Бетси сообщить побольше информации, может быть, какие-нибудь детали, ее ответ меня удивил. Ситуация отличалась от той, которая была привычна для молодых девочек-теннисисток. Карьерой большинства из них занимались матери – теннисные мамочки. Но Бетси

сказала, что с тобой работал твой отец, которого звали Юрий, и что вы вдвоем приехали из России, когда ты была совсем крошкой.

– А где мать? – спросил тогда Гэвин.

– Она все еще в России, – ответила Бетси. – Приезжай и посмотри девочку, – добавила она. – Не пожалеешь.

– Я устроил для тебя просмотр в академии Боллетьери, – объяснил Гэвин. – Сначала ты должна была обмениваться ударами с кем-то из инструкторов, а потом сыграть с другой девочкой, которую мы выбрали и которая была старше тебя. Первое, что я помню – это твой отец, который шел по тропинке на задворках академии. Я представился, и мы заговорили. Юрий все время называл меня «мистер Гэвин». А я все время поправлял его и говорил, что меня зовут «Гэвин». Просто «Гэвин».

– Юрий, – спросил я его, – как вы оказались здесь, так далеко от дома?

– Знаете, мистер Гэвин, – ответил он, – я вам расскажу. Когда моя дочь была очень маленькой – ей было может быть четыре-пять-шесть лет, я понял, что у нее есть дар и страсть, которые я не имею права игнорировать. Поэтому я бросил все и поехал вместе с ней за ее мечтой. Я переехал в Соединенные Штаты, и я хочу, чтобы она стала игроком в теннис. И не просто игроком, а самым великим игроком в мире.

Вот так все и началось.

– ОК, отлично, – сказал я, – а теперь пойдемте посмотрим, как играет ваша дочь.

Я стоял в тени возле решетки. На солнце было настоящее пекло. На корте уже стоял хиттер[18], и вот появилась маленькая девочка с длинными светлыми волосами и зелеными глазами. У тебя коленки были больше ног. Именно такой ты и была. Небольшие шишковатые коленки и тоненькие ноги. Но глаза! В них светился ум, и взгляд был очень острым. Ты была абсолютно готова. И это действительно бросалось в глаза. Ты вышла на корт и практически не пропустила ни одной подачи, ни одного мяча за первые пять-шесть минут. Ничего подобного я еще не видел. Пять-шесть минут? В теннисе это целая вечность. А ты все еще разыгрывала ту же подачу. И твои удары были абсолютно одинаковыми. Равными и сильными. Я стоял, смотрел на тебя и думал: Боже, это совершенно невероятно. Я следил за твоей игрой минут тридцать-сорок и был совершенно потрясен. И не тем, как ты отбивала мяч, а твоим пониманием игры, пониманием того, что происходит на корте. Ты думала на пять-шесть ударов вперед, готовя своего противника, двигая его по корту, который использовала как шахматную доску, и я не думаю, что подобному видению и подходу к игре можно научить. Ты или смотришь на игру именно так, или нет. Как я уже сказал – все было видно у тебя по глазам. Ты понимала все, что происходило на корте, все нюансы, все мелочи.

Потом мы ушли с корта и сели поговорить. И тогда я впервые полностью представился. Ты была очень вежливой, но немного смущалась. Но не слишком – ты меня понимаешь.

– Мария, – спросил я тебя, – что *тебе* хочется делать в жизни?

И ты посмотрела мне прямо в глаза.

– Я хочу быть лучшим игроком в теннис в мире, – ответила ты.

Гэвин Форбс вернулся в свой офис в Кливленде и провел совещание со своими коллегами по IMG. Он рассказал им обо мне, о том, что он собирается подписать со мной контракт, и о том, что им всем придется поддерживать меня. Некоторое время спустя IMG взяла на работу молодого спортивного агента и отправила его в Брейдентон для работы с группой элитных игроков. Звали его Макс Айзенбад. Он играл в теннис в первом студенческом дивизионе в Пурдье. Будучи не настолько хорош, чтобы перейти в профессионалы, он решил заняться теннисом с точки зрения бизнеса.

Макс Айзенбад станет одним из самых важных людей в моей жизни, той ее постоянной составляющей, на которую всегда можно положиться. А еще он один из ближайших поверенных Юрия, тот единственный человек – помимо членов семьи, – который был рядом, когда все было хорошо, и становился еще ближе, когда что-то не ладилось. Каждый хочет быть

рядом, когда ты выигрываешь турниры Большого шлема, но кто согласится остаться рядом, когда, кажется, весь мир ополчился против тебя? Вот в чем вопрос.

Я помню, как впервые ощутила присутствие Макса. Он стоял за кортом. Просто стоял и наблюдал, как я играю. Моя игра произвела на него такое впечатление, какое, пожалуй, могла произвести только на теннисиста. Он мог отбросить все мелочи, мой пол и рост, цвет волос и возраст, и сосредоточиться на главном – на том, что двигало мной, на самой сути моей игры.

– Все дело было в концентрации, – говорил мне Макс. – В том, как ты фиксировала свое внимание на мяче, и оставалась сконцентрированной на главной задаче. Для тебя не существовало ничего, кроме этого мяча, этого удара и этой игры. Остальной мир исчезал. Даже во время смены сторон ты ни на что не отвлекалась. Ты садилась, чтобы отдохнуть, а твои ноги продолжали двигаться, и ты смотрела прямо перед собой. Если ты обладаешь талантом и таким уровнем концентрации, будучи еще ребенком… Агент может увидеть на корте подобного ребенка в твоем возрасте только раз в жизни, и то, если повезет.

Гэвин Форбс говорил о том же.

– Это то, что сразу бросалось в глаза, – рассказывал он. – Когда ты выходила на корт, ты была сконцентрирована на все 100 % и оставалось такой, пока не покидала его. Такая сосредоточенность в ребенке твоего возраста? Сколько тебе тогда было? Десять? Одиннадцать? Твоя концентрация была просто нереальна.

Макс сел и побеседовал со мной и отцом. И все сразу же встало на свои места. Юрий позвонил Гэвину в тот же вечер и сказал ему, что Макс – наш человек. Через несколько дней Макс посовещался со своими коллегами в IMG, и они приготовили свое предложение и план. А тем временем пошли слухи: IMG пытается подписать контракт с этой русской девочкой. И я мгновенно превратилась в лакомый кусочек. Агенты, которые ничего обо мне не знали, были готовы подписать со мной контракт. Даже если они сами не видели, как я играю, это видела IMG, и этого было достаточно. Так вращается живет мир. Мой отец, которого несколько месяцев назад вышвырнули из «Эль-Конкистадора» и послали куда подальше, теперь отвечал на телефонные звонки агентов и менеджеров со всех концов света.

Юрий слетал в Нью-Йорк, чтобы переговорить с известным агентом, которого звали Пол Теофанус. Он ничего с ним не подписал, но Теофанус был очень мил и дал моему отцу совет, благодаря которому мы смогли пережить наступающий бурный период нашей жизни. Его слова были

вроде напутствия для Юрия на тот период, когда наши с ним отношения стали меняться.

– До сего дня были просто вы и Мария, – сказал Теофанус отцу. – Но сейчас это изменится. Если ваша дочь станет действительно большим игроком, вы не сможете делать все в одиночку. Вы не сможете дать ей всего, что ей будет нужно. Одному человеку невозможно, каким бы хорошим он ни был, обеспечить все необходимое. Вам придется отступить на шаг, немого ослабить вожжи и позволить другим помочь вам. На ваши отношения с дочерью это никак не повлияет. Это я вам обещаю. Они станут только крепче.

В конце концов, выслушав множество предложений, мы решили согласиться на предложение IMG, потому что они первыми обратили на нас внимание и потому что на тот момент их предложение было для нас лучшим. Как я уже говорила, агентство было основано Марком Маккормаком и Арнольдом Палмером, и атмосфера близкого партнерства, того, что можно охарактеризовать словами «мы делаем это вместе» никуда не делась. Детали в один из дней обсудили Гэвин Форбс и мой отец. Кажется, это произошло по телефону.

– Юрий, скажи мне, что тебе нужно? – спросил Гавин.

– Деньги, – ответил Юрий, – мне нужны деньги. Могу представить смету.

– А о какой сумме ты говоришь? – поинтересовался Гэвин. – Только подумай хорошенько. Ты должен реально смотреть на вещи и в то же время быть уверен, что сможешь прожить на эти деньги. Мне ведь надо будет идти к боссам, и я собираюсь рекомендовать им полностью поддержать Марию. Хотелось бы утрясти все с первого раза.

Юрий сказал, что ему надо будет около пятидесяти тысяч долларов. Он хотел купить машину, чтобы мы могли переезжать с турнира на турнир, хотел снять квартиру недалеко от академии.

– Я уже присмотрел местечко, – рассказал Юрий. – Мне кажется, что цена вполне адекватная.

Гэвин сказал, что денег ему понадобится больше. Придется платить за тренеров и инвентарь, за корты и переезды, за инструкторов и специалистов и так далее. В общем, сумма составила что-то около ста тысяч в год – эти деньги IMG должна была вернуть, когда я перейду в профессионалы.

* * *

Вскоре после того, как мы подписали контракт с IMG, меня вместе с

несколькими другими игроками из академии пригласили в дом Марка Маккормака. Усадьба располагалась в Орландо. Работал он из Кливленда, но Флорида – это столица тенниса, поэтому его второй дом находился именно здесь. У Боба Кейн я впервые побывала в доме состоятельного человека. Что ж, теперь я впервые попала в дом *действительно* богатого человека. Я была потрясена, и у меня кружилась голова. Я все время смеялась. Размер комнат, гараж с множеством дверей, все эти громадные окна, собственная дорога через лес, да еще и дом для гостей? Это неслыханно. Еще один дом, рядом с главным, который сам по себе так велик, что это, по-хорошему, никому не нужно. Как будто один дом родил другой, а новорожденный решил откосить от колледжа и просто жить рядом с родителем.

Но самым главным, что случилось после того, как мы подписали контракт с IMG, было следующее: Гэвин устроил выставочный матч для Риккардо Коломбини и Криса Вермеерена, которые в то время были топ-менеджерами теннисного отделения компании «Найк». Матч состоялся на задних кортах гостиницы Ритц-Карлтон в Майами. Спустя несколько недель – а мне тогда было всего одиннадцать – я подписала свой первый контракт с фирмой «Найк» на сумму в пятьдесят тысяч долларов США плюс бонусы. В то время еще не понимала, насколько необычно это было – «Найк» инвестировал в одиннадцатилетнюю девочку. Но как Гэвин и Макс в IMG, так и «Найк» верили в мой талант. Они делали на меня ставку, хотя я была еще ребенком.

Контракт с IMG изменил всю нашу жизнь. Впервые в жизни нам не надо было беспокоиться о еде и крыше над головой. Если что-то происходило, мы могли обратиться к доктору. У нас было свое транспортное средство, чтобы добираться до турниров, так что я могла полностью сосредоточиться на теннисе. Эти деньги, которые стали поступать на наш счет – они кое-чему меня научили. Ощущение было таким, как будто проснувшись, я неожиданно поняла всю правду жизни. Впервые в жизни я вроде бы во всем разобралась. Теннис – это спорт, но не просто спорт. Это страсть, но не просто страсть. Это бизнес. Это деньги. Это стабильность для моей семьи. Теперь я это понимала. Вы можете подумать, что это меня расстроило или лишило иллюзий. Но произошло прямо противоположное. Я, наконец, поняла, для чего я делаю то, что я делаю. Я, наконец, поняла, что стоит на кону. И все, наконец, встало на свои места. С того момента моя задача предельно упростилась – просто иди и побеждай.

Это был конец целой эры. Мы с отцом жили будто во сне. Я и он

против всего мира. Это по-особому сближало нас. Мы были людьми, у которых больше никого не было. Никого, кому мы могли бы доверять, никого, кого мы могли бы понять. Поэтому мы полагались только друг на друга. Это изменилось, когда в нашей жизни появились Макс и IMG. Теперь мы были не одиноки. Завершался первый важный период моей карьеры – её часть под названием «я-иЮрий-и-больше-никого» заканчивалась. Я была счастлива, но мне было и немного грустно. У нас случались тяжелые времена, но, оглядываясь назад, я видела, что некоторые из этих трудных периодов были лучшими в моей жизни. Они сформировали краеугольный камень, основу всего того, что придет позже. В первый период моей жизни я была одинока, но это меня закалило. И когда начали поступать деньги, этот период закончился. То, что казалось запутанным, стало понятным. То, что казалось кривым – выпрямилось. Юрий прекратил работать – больше не было необходимости подстригать лужайки или носить вазоны с цветами. Теперь его жизнь посвящена только теннису. Он начал учиться и действительно читает книги о теннисе. Он снял ту квартиру, о которой говорил Гэвину. Она расположена в том же комплексе, в котором мы жили у русской леди, но эта квартира принадлежит только нам. В ней две спальни, и она достаточно велика для всех нас – для меня, моего папы и моей мамы, которая, наконец-то, решила все свои проблемы с визой.

Глава седьмая

Я все еще жила в академии. И ненавидела эту жизнь. Может быть, мы и заключили отличную сделку, но моя жизнь от этого не изменилась. Я хотела бы назвать общежитие просто тюрьмой, но мне кажется, что это именно теннисная тюрьма. Все школы построены по одному образцу – невысокие здания, расположенные как в тюрьме, аккуратные дорожки, подстриженные деревья и лужайки, очереди за едой, хвастовство и споры, девочки на одной стороне – мальчики на другой. Теннисные корты и залы для тренировок всегда рядом – ждут тебя как гробы, выставленные в ряд. Просыпаешься – и они перед тобой. Ложишься спать – а они все еще перед тобой. Даже когда не видишь их.

В общежитии я жила в многокомнатном номере. Он состоял из ванной комнаты, гостиной и двух спален, в каждой из которых находились по две двухъярусные кровати. По четыре девочки в спальне – всего восемь девочек в номере. Соседки по номеру появляются и исчезают с завидным постоянством – неплохо показала себя, первые сложности, сломалась, отправилась домой. Наутро кровать перестилают и готовят для новой девочки.

Мне было одиноко. Я едва виделась с папой, у которого были свои сложности. Время от времени я посещала уроки в соседней общеобразовательной школе. Наверное, это было чье-то требование. Нас толпой высаживали из минивэнов, а позже забирали назад. Мы сидели среди местных ребят как какие-то инопланетяне, но мне это нравилось. Я всегда любила учиться – это была возможность отключиться от игры, это было что-то новенькое. В жизни в общаге не было ничего хорошего. Я была младше других девочек – какое-то время я была самой младшей в академии – и они наказывали меня за это. В постель я ложилась раньше других, потому что я была меньше, тренировалась больше и спать мне было необходимо дольше. А они приходили поздно, шуршали конфетными обертками, разговаривали и смеялись, причем специально громко, будили меня и издевались надо мной. Но меня отличал от них не только возраст – я была человеком из другого мира. И в академии находилась с особой миссией, которая обрекала меня на совсем другую жизнь в теннисе. В большинстве своем девочки были детьми из богатых семей, избалованными и отправленными в академию для того, чтобы выполнить

мечты их родителей. А я была игроком – одним из немногих, у кого была стипендия, – которая привлекала внимание этих самых родителей и заставляла их платить деньги за обучение. Это была наша работа, и таким образом мы расплачивались с Боллетьери. Мы были рекламой. Мы притягивали введенных в заблуждение и ждущих слишком многого теннисных родителей.

Эти девочки, они обыскивали мои вещи, когда я была на кортах. Я замечала это, когда возвращалась – все было перевернуто и измято. Но шутка не удавалась – у меня не было ничего, что можно было бы посмотреть или украсть. *Да и кто я была такая?* Бедная русская девочка, которая любила бить по теннисному мячику. Когда они не доставали меня, девочки занимались тем, что делали коллажи на плакатном картоне. В те времена это было очень модно. Клей, вырезанные из журналов изображения Дэвида Хассельхофа[19] (я даже не знала, кто это такой) и Дженнет Джэксон и написанные голубыми, желтыми или розовыми дутыми буквами слова ЛЮБОВЬ и ДРУЖБА. Если все это означает иметь счастливое детство и быть настоящей американской девочкой, то я пас. В номере у меня была только одна хорошая подружка. Ее звали Присцилла. Она была немного круглолицей, и у нее была самая яркая американская улыбка из всех, что мне доводилось видеть. Думаю, что понравилась ей потому, что мы обе были немного неуклюжими. Она не ощущала себя частью группы, а я знала, что не принадлежу к ней. Мы с ней были отверженными.

Распорядок дня никогда не менялся:

5.30 подъем
5.45 завтрак
6.15 тренировка на корте Ника
7.30 открытый урок
12.30 ланч
13.30 тренировка
16.00 фитнес
17.00 обед
19.00 школьные занятия
21.00 отбой

В академии Боллетьери никогда всерьез не работали над моей техникой. Когда я спросила об этом Ника, он пожал плечами и сказал что-то типа «Не чини, коль не поломано[20]». Он пояснил, что во второй раз я появилась у них уже полностью сформировавшейся как игрок.

– Да, можно было бы поработать с твоей подачей, с тем, куда ты ее направляешь на корте, но в тебе уже была та страсть, которая делает хороших игроков чемпионами. И мы не хотели ставить ее под угрозу. Это напоминает костер. Ты пытаешься его зажечь. Но если он уже горит, то твоя задача не мешать ему и дать гореть дальше, может быть изредка подкидывая дров, но, ради всего святого, ни в коем случае не погасить.

Не уверена, что я согласна с этой философией.

Постепенно я вошла в элиту Ника, состоящую из мальчиков и девочек разных возрастов, лучших игроков в академии. В каждый конкретный момент наше число варьировалось от шести до восьми человек. Тодд Рейд, Елена Янкович, Хория Текэу и Татьяна Головин были теми детьми, которых Ник специально готовил в профессионалы, которых он выделил из общей массы. Мы играли друг с другом и друг против друга, ели за одним столом, разогревали друг друга перед играми и переезжали с турнира на турнир в одном автофургоне. Ник хотел сделать из нас команду, привить нам некий кастовый дух и поэтому дал нам прозвище: Тигры, по-моему. Или, может быть, пумы? То, что я этого не помню, говорит о том, насколько мало значила для меня эта команда. Он мог называть нас командой, но глубоко в душе все мы знали, что члены нашей команды – это наши соперники, а не друзья. Если ты хотела быть первым номером, то фактически это были те девочки, которых тебе необходимо было победить, а если они твои подруги, то тебе будет сложнее это сделать. Мне было легче мысленно считать их своими врагами. И мне кажется, что то же самое думает любой серьезный игрок в теннис, потому что только так можно добиться победы. Просто, может быть, другие девочки умеют это лучше скрывать. Люди говорят, что я плохая, потому что у меня нет друзей среди профессиональных теннисисток. Что ж, я действительно не люблю болтать в раздевалке. Эти разговоры кажутся мне надуманными. Фальшивыми. Очень часто приходится видеть в раздевалке двух игроков, двух девочек, которые общаются как лучшие друзья: о личной жизни, о молодых людях, о том, что «я поеду отдыхать туда-то», «а я купила себе вот это платье», «Боже, сколько же это стоило?». Послушать их, так они ближайшие подруги. А через несколько часов одна из них играет на корте, а другая в раздевалке следит за ее игрой на экране и радуется, когда ее подруга проигрывает подачу. Вот, что на самом деле происходит.

Так что же можно сказать о других девочках из нашей «элитной» команды?

Мы не проводили много времени друг с другом вне кортов. Я была

слишком заряжена на соперничество, чтобы сблизиться с ними. Все они были отличными теннисистками. Елена Янкович дошла до финала турнира Большого шлема. Она была первым номером в мировой классификации. Помню, когда нам было по одиннадцать лет, мы с ней вместе придумывали себе первые электронные адреса. Паролем к моему было слово «Loveandpeace». Интересно, помнит ли она об этом? Татьяна Головин, которой было почти столько же лет, сколько и мне, была родом из Франции. Татьяна, Елена и я в академии были соперницами, при этом Татьяна была всеобщей любимицей. Ее любили все. У нее всегда были правильная причесана и тщательно заплетенные косы; она носила изящную одежду с идеально подобранными рубашками. Она выгуливала собак дочки Ника, и на туфлях у нее были помпоны. Елена больше походила на мальчишку. Я была где-то посередине. Этакая ледышка. Я мало думала о своей одежде и совсем не интересовалась своей прической. Конский хвост, и все. Одежда? Обычно это была юбка для тенниса. Что-то мы делали вместе, то, что требовалось в академии. Иногда ходили в ресторан вместе с тренером. Это было весело, но я никогда не возвращалась домой с мыслью: «ну, теперь мы друзья». Я никогда не забывала о том, что однажды мы окажемся друг против друга на корте, поставив все на кон.

Сотрудники Ника не слишком тратили время на то, что называется наставничеством. Бесконечные повторения на корте, час за часом, те же самые удары снова и снова – это все, чем я занималась в академии. Если же мне надо было поработать над каким-то элементом игры, то Юрий звонил Гэвину Форбсу и просил его порекомендовать тренера или поделиться идеями. Мой отец вечно находился в поиске, он учился и постоянно анализировал прочитанное. Многие из своих идей он почерпнул из статей или разговоров с другими родителями.

– Юрий знал, что ему необходимо собрать вокруг себя лучших специалистов, – рассказал мне позже Гэвин. – Поэтому он искал лучшего по форхенду, или лучшего по подаче, или лучшего по физподготовке. Он был достаточно умен, чтобы понимать, что, хотя он и руководитель всего проекта, ему необходимы лучшие специалисты, чтобы проект действительно заработал. Помню, как однажды Юрию по каким-то причинам пришла в голову идея, что ты, первое – должна играть на грунте и, второе – должна тренироваться больше, чем было рекомендовано для ребенка твоего возраста. Вот он и попросил меня достать ему побольше мячей, что я и сделал. Помню, я собирался встретиться с ним на автостраде № 41 прямо в Брейдентоне. Он отыскал грунтовый корт где-то у магазина пончиков. У него была целая тележка со старыми мячами, и какой-то

парень из Южной Африки в дырявой обуви обменивался с тобой ударами. Было видно, что у парня поставленный удар. Вы встречались с ним каждое утро в 6 и тренировались по часу. Помню, я еще сказал Юрию:

– Надо купить этому парнишке новую обувь.

Юрий нашел его на улице, или что-то в этом роде. Но какой же удар был у этого парня! И в этом был весь Юрий – всегда в работе, всегда в поиске.

* * *

Я никогда не задумывалась, какая я теннисистка – хорошая или плохая. Я просто не мыслила такими категориями. Мне еще предстояло понять свою игру с такой точки зрения. А пока я находилась в счастливом неведении о том, как тебя могут оценивать – хорошо или плохо. Я все еще жила в блаженном состоянии, то есть просто играла, потому что я делала это всегда и потому что мне это нравилось. Был ли какой-то конкретный момент, когда это невежественное состояние закончилось и шар лопнул? Момент, когда я поняла, что я очень хорошая теннисистка, и это имеет ценность для окружающих меня людей?

Да, такой момент был.

Это случилось в академии однажды вечером после обеда.

Я была уже в постели – читала, делала домашнюю работу и просто смотрела в потолок. Один из сотрудников Ника вызвал меня на центральный корт. Это было необычно. Часы, когда мы занимали корт, и время, которое мы на нем проводили, жестко контролировались – именно поэтому мы с папой старались ухватить лишний часок за магазином пончиков. А тогда было уже действительно поздно – настало время сверчков, цикад и тишины. И тем не менее центральный корт был освещен не хуже палубы авианосца, прожектора сверкали, а места возле корта были заняты бизнесменами в костюмах. Ник велел мне размяться и выходить на корт. Там со мной должен был играть один из преподавателей. Так я и сделала – вышла в, как мне казалось, глухую ночь и стала гоняться за мячами и парировать удары, в то время как бизнесмены наблюдали, а комары роились вокруг них. Это была выставочная игра. Я поняла это позже. Это были инвесторы, которые рассматривали вариант вложения денег в академию. И они хотели увидеть товар лицом. Другими словами, Ник был владельцем, а я была этим самым товаром. Или товаром была победа, а я тем механизмом, который должен был ее добыть.

Я вернулась в комнату, забралась в кровать, но никак не могла забыть происшедшего. Это шоу изменило мое будущее. Я понимала, как много

было поставлено на карту, и это заставило меня по-новому посмотреть на других девочек. С того момента я постоянно высматривала соперниц, тех девочек, которые могли бы занять мое место под прожекторами. Потому что я знала, что мне там нравится. Потом я посмеялась над этим и забыла обо всем, но мне было приятно, что Ник выбрал именно меня, когда дело шло о больших деньгах. Так вот, я стала оглядываться вокруг, пытаясь рассмотреть тех, кто мог составить мне конкуренцию. Тех, с которыми мне придется соперничать. Янкович. Курникова. Головин. Мне придется разобраться с ними со всеми, побеждать их снова и снова. И становясь старше, и приближаясь к тем играм, которые действительно были важны, я слышала вокруг себя одни и те же имена. В то время еще играла Штеффи Граф. Линдсей Дэвенпорт, Моника Селеш. Все они были старше меня и готовились заканчивать выступления. Среди нового поколения звучали только два имени: Серена и Винус, сестры Уильямс. Конечно, я слышала о них раньше. В какой-то степени статья о сестрах и о том, как они тренируются в теннисной академии Рика Маччи, убедила моего отца, что прежде всего мы должны переехать в Америку. Но после этого я о них и не думала. Я жила своей собственной жизнью. И вот теперь, неожиданно, они были везде. Еще тинейджеры – с разницей в возрасте в один год – они уже были лучшими в мире. Они выигрывали турниры, и их короновали по всему свету. Сестры были крупными девочками и обладали невероятной силы ударом. Так мне рассказывали. Они доминировали в этой игре вот уже много лет. И чем больше я о них слышала, тем непреклонней становилась в своем желании не дать им взять надо мной верх, не покориться им. Именно тогда я испытала то, что называют чувством соперничества. И не на теннисном корте или на банкете, а в своей собственной голове, еще до того, как я увидела сестер Уильямс вживую.

Мне было двенадцать или тринадцать – я была на пять лет моложе Серены. Она была уже взрослой женщиной, а я все еще висела на турнике по вечерам, умоляя Бога прибавить мне роста и веса.

А потом, в один прекрасный момент, мы узнали, что сестры Уильямс приезжают в академию Боллетьери на тренировки. Это новость, начавшаяся как сплетня, распространилась как пожар в джунглях. Ощущение было такое, что к нам должен приехать астронавт или кинозвезда. Утреннее расписание было отменено. Все хотели посмотреть, как тренируются сестры Уильямс, приблизиться к этому волшебству. Юрий велел мне наблюдать «холодными глазами. Смотри, что они будут делать. Пойми, что можешь сделать ты. Тебе придется их побеждать».

– Нет.

– Что значит – «нет»?

– Я не буду наблюдать за ними, – заявила я. – И не позволю им увидеть себя на их тренировке. Даже если там будет сто человек, и они не имеют ни малейшего представления о том, кто я такая. Я не доставлю им такого удовольствия.

По правде говоря, я хотела посмотреть тренировку, но к теннису это не имело отношения. Меня всегда привлекают великие люди – Как они ходят? Как они выглядят на корте? – но я никогда не обожествляю их, не смотрю на них снизу вверх, не становлюсь их фанаткой. Мы с отцом долго спорили по этому поводу. Он сказал, что я позволила гордыне встать у меня на пути.

– Тебе необходимо понаблюдать за ними, – настаивал он.

Наконец он предложил решение. Сестры играли на втором корте, у которого был деревянный сарай, на котором была установлена камера, чтобы снимать играющих. После тренировки полагалось зайти в этот сарай и проанализировать свою игру, записанную на пленку. *Посмотри, как работают твои ноги! Посмотри, как ты завалила плечо!* Но никто этого никогда не делал. Сарай существовал для того, чтобы Ник мог написать в проспекте: в академии имеется записывающая аппаратура и помещение для просмотров. Он был влажным и сырым, забитым старым инвентарем. Юрий достал ключ от него и засунул меня туда за десять минут до того, как сестрички вышли на корт. Камеру он отодвинул в сторону, так чтобы я могла смотреть в отверстие, похожее на дырку от выпавшего сучка – я была одна в темноте и наблюдала за следующими двадцатью годами своей жизни.

Образ сестер Уильямс постепенно становится иконой – это стало происходить уже тогда. Они олицетворяют собой силу. Высокие девушки в белой теннисной форме, с широкими улыбками и проницательными, сосредоточенными взглядами. Они начали обмениваться ударами, сначала не спеша, а потом с невероятной скоростью. Их отец – теннисный папаша, ненормальный родитель, чья воля стояла за всем проектом, который не сильно отличался в этом от моего собственного папы – стоял, опираясь на решетку, и выкрикивал инструкции и приказы. Все места на открытых трибунах были заняты – там находились все ученики академии. Они, затаив дыхание, провожали глазами каждую подачу, восхищались каждым ударом с лета как религиозные фанатики, как болельщики, как овцы.

Сестры передвигались по корту с ленивой грацией, особенно Серена. Она была моложе, но выделялась именно она. Она легко взмахивала ракеткой, и мяч как будто испарялся с нее. Время от времени, когда обмен

ударами затягивался, она закачивала его победным диагональным ударом. И все-таки, несмотря на всю интенсивность их тренировки, несмотря на всю их силу, в голове у меня была только одна мысль: я хочу выиграть у обоих.

Весной 1996 года случилось нечто значительное. Более значительное, чем новый удар, улучшенная подача или подписание контракта с IMG. После долгих лет ожидания моя мама наконец-то получила визу и приехала к нам во Флориду. Она поселилась в квартире в Брейдентоне. Спустя несколько недель я ушла из общаги и разместилась во второй спальне. Мы ели за одним столом! Вместе смотрели телевизор и разговаривали! Я не видела маму почти два года, но впечатление было такое, как будто мы расстались только вчера. Возможно, это было самое счастливое время в моей жизни. Трудно понять, насколько ты скучал по человеку, пока не встретишься с ним вновь.

Мама немедленно занялась устройством нашей жизни. Она выбросила обноски Курниковой, причесала меня и отобрала у Юрия его ножницы. Никогда больше он не будет стричь мои локоны. Она уволила мою учительницу. Теперь мы вместе проводили вечера, работая над задачами по математике и читая русскую литературу. Мама, самый образованный член нашей семьи, очень серьезно относилась к моему образованию и была изумительной учительницей. Основное внимание она уделяла классике – великим русским писателям и поэтам, – потому что она это знала и любила. Теперь она заботилась о еде, квартире, обо всем остальном, и о даривала нас своей любовью. И через несколько месяцев я превратилась из ребенка, ведущего странный образ жизни, в спортсменку, живущую в теплой атмосфере обычной стабильной семьи.

Может быть, именно в это время мой отец вроде как поплыл мозгами, потому что теперь ему не надо было думать ни о чем, кроме тенниса. Помню, как-то вечером я засунула голову в его комнату. Он лежал, его колени освещала лампа, и он покрывал лист за листом бесконечными заметками. Я хотела скрыться незамеченной, но он увидел меня.

– Готовься, – сказал он.

– К чему?

– Мы едем в Лос-Анджелес.

Я ему не поверила, но на всякий случай поинтересовалась зачем.

– Затем, что там живет Роберт Лансдорп.

– И кто такой этот Роберт Лансдорп?

– Человек, который сделает тебя первой теннисисткой мира.

Глава восьмая

Роберт Лансдорп был известен своей работой с Трейси Остин[21] и Питом Сампрасом, но не только этим. Он действительно заслуживает того, чтобы о нем написали книгу. Он был абсолютно седым, со скрипучим голосом, угрюмым, жестким и противным и в то же время сентиментальным, щедрым и добрым. И потрясающим теннисным тренером. Он не верил в то, что человека надо хвалить в любой ситуации. Если он делал комплимент, то это был заслуженный комплимент. Если он говорил, что вы хорошо играете, значит вы играли хорошо. А что у него была за биография! Он вырос на Дальнем Востоке, в голландском поселении, которое во время Второй мировой войны было захвачено японцами. Его отец, голландский бизнесмен, был арестован и помещен в концентрационный лагерь. Роберт вместе с семьей вернулся в Голландию и именно там научился играть в теннис. Когда его отца освободили, его семья жила то тут, то там, прежде чем осесть в США в 1960 году. В то время Роберту было двадцать два года. Он купил в Нью-Йорке машину, на которой добрался до Лос-Анджелеса, где воссоединился со своей семьей. К этому моменту он успел влюбиться в Америку. Так, по крайней мере, он говорит. Он опять занялся теннисом и стал играть на местных кортах. Будучи прирожденным спортсменом, он играл необычайно здорово для человека, который никогда специально не тренировался. На него обратил внимание тренер из университета в Пеппердине – потому что Роберт постоянно выигрывал у его лучших учеников. Роберту предоставили стипендию, он поступил в колледж и стал играть в теннис. Он стал всеамериканским любимчиком. После этого он какое-то время крутился среди профессиональных игроков, но денег это не приносило, поэтому ему пришлось согласиться на работу на одном из курортов в Мексике. С этого началась его беспутная жизнь в качестве профессионального инструктора по теннису. Он менял одно место за другим, переезжал с одного курорта на другой, утром давал уроки и пил с героями светской хроники во второй половине дня. Постепенно он вернулся в Лос-Анджелес, где быстро превратился в востребованного тренера. И не потому, что он был просто хорошим учителем, а потому что у него была своя философия, свой собственный взгляд на игру. Он с подозрением относился к новомодным тенденциям надеяться на искусную обводку и закрутку мяча. И верил в

необходимость кормить противника низкими, жесткими, плоскими ударами с отскока, которые чуть ли не облизывали сетку – такими ударами, для нанесения которых необходимы крепкие нервы, потому что если ошибешься хоть на полдюйма, то тебе конец.

К тому моменту как Юрий узнал о Лансдорпе, последний был неизменным посетителем клуба «Ривьера», модного заведения в Беверли-Хиллз. Час занятий с ним стоил невероятных денег, и он зарабатывал в основном тем, что учил деток кинопродюсеров и богачей из мира кино. Все они знали его послужной список и имена тех элитных игроков, которых он тренировал – самой известной в этом списке была Трейси Остин. Они с Лансдорпом составляли некое подобие команды. Вместе путешествовали и превратились почти в семью. Она была его самой большой гордостью – самая молодая теннисистка, которой удавалось выиграть Открытый чемпионат США.

Лансдорп тренировал многих великих, но он никогда не переставал говорить о Трейси Остин.

Юрий прочитал о Роберте в одном из теннисных журналов. Лансдорп тогда работал с Линдсей Дэвенпорт, и в журнале было их фото, когда они уходят с корта. Фото произвело на папу впечатление, потому что он находился под впечатлением от игры Линдсей. Он видел, как она играет в турнирах, и был убежден, что моя игра должна быть похожа на ее. Она была не очень быстрой и не выглядела слишком мощной, но у нее была невероятная сила удара. Эти жесткие, плоские, незакрученные мячи! Если верить статье, эти удары и этот стиль появились у нее во многом благодаря усилиям Роберта Лансдорпа.

Юрий сумел найти его номер – скорее всего это была одна из телефонных линий «Ривьеры» – и однажды позвонил ему. Трубку сняли на пятнадцатом звонке. Лансдорп был неприветлив.

– Кто говорит?

– Юрий Шарапов.

– Кто дал вам мой номер?

– IMG.

– С какой стати? Сукины дети. Что вам нужно?

– Я хочу привезти к вам свою дочь.

– И что я должен буду делать с вашей дочерью?

– Тренировать ее.

– Как зовут вашу дочь?

– Мария Шарапова.

– Никогда о такой не слыхал.

– Поспрашивайте. Она нечто особенное.

– А вы знаете мои ставки? Вы не можете позволить себе мои услуги. Я стою очень дорого.

– Деньги нас не волнуют.

– А где она тренируется сейчас?

– У Ника Боллетьери.

– Кто такой этот Ник Боллетьери?

* * *

Впечатление было такое, что мы вылетели первым же после звонка самолетом – так мне показалось. Без малейшего труда мы оказались в Лос-Анджелесе. Отец заставил меня позвонить Лансдорпу из телефона-автомата в аэропорту. Нам надо было узнать, как добраться до клуба, и отец решил, что я договорюсь с Лансдорпом быстрее. Трудно оставаться неприветливым и саркастическим, когда говоришь с ребенком. Лансдорп снял трубку. В ней послышались стоны и ворчание.

– Чего надо?

– Привет. Я Мария Шарапова.

– И какого черта тебе нужно?

– С вами договаривались о том, что мы встретимся сегодня во второй половине дня.

– Да? Ну и что? Сейчас что, уже вторая половина дня? Чего вы мне звоните?

– Нам нужно узнать дорогу.

– Чего?

– Как ехать.

– Поезжайте по 405-й трассе. Съезд на Сансет.

Гудки. Он разъединился.

– Что это за монстр, к которому ты хочешь отвезти меня? – спросила я, повернувшись к отцу.

– Я слышал, что он один из лучших, – ответил Юрий.

Это был мой первый приезд в Лос-Анджелес. Юрий с осторожностью расходовал деньги, которые мы получали от IMG и «Найк» – в нашей жизни было не так много излишеств, – поэтому я была в восторге, когда мы явились в контору по аренде автомобилей и там выяснилось, что с нашей резервацией произошла путаница – нас ждала спортивная машина, красный «Мустанг» с отткрытым верхом. Мы двигались в смоге и выхлопах скоростной автострады, а я была ослеплена видами пальм, особняков, холмов на горизонте и широких бульваров, которые все

заканчивались возле Тихого океана, где, естественно, заканчивалась и Америка.

Когда мы, наконец, добрались до места и я переоделась, Лансдорп в одиночестве сидел в кресле возле корта. Мне он показался злобным стариком, припавшим к земле, как будто он защищался от кого-то. Похоже было на то, что его мучают судороги. А он говорил по телефону – именно поэтому сидел, согнувшись, – но я сначала этого не поняла. Я осторожно и медленно приблизилась к нему.

– Привет, Роберт, – сказала я.

Он даже не поднял глаз, поэтому я повторила громче:

– Привет, Роберт.

Я еще несколько раз назвала его по имени, а потом положила на землю свою сумку и стала потягиваться, как будто мне необходимо было размяться. Я действительно не знала, что мне делать. И в этот момент он соизволил обратить на меня свое внимание.

То есть бросил на меня один из его «А ты, черт побери, кто такая?» взглядов.

– Привет, – сказала я. – Я Мария Шарапова и пришла на урок.

– Тогда вали на корт.

Больше он ничего не сказал. Это была наша первая беседа – но что-то, может быть, это был его тон – сразу же подсказало мне, что мы поладим. У Роберта была своя метода унижать и заставлять тебя чувствовать себя ничтожеством, но у меня есть свой способ очаровывать старых ворчунов. И всегда был. Это тот подлый голосок у меня в голове, который говорит:

«Я знаю, как я тебе понравлюсь».

Я взяла ракетку и пошла на дальнюю половину корта. Роберту понадобилось пять минут, чтобы выбраться из кресла. При этом, не прекращал ворчать и ругаться. *О черт, чтоб тебя, проклятье*! Мой отец стоял рядом, но не произнес ни слова. Я посмотрела на него, как будто хотела сказать: «Спасибо, папочка! Ты только посмотри на этого лунатика! Блестящая идея». Наконец Роберт расположился на корте и приготовился. В руках он держал громадную проволочную корзину, в который было, наверное, пятьсот теннисных мячей. Я стояла на линии подачи. Я обычно так разминаюсь – отбивая мячи с задней линии.

– И какого черта ты там делаешь? – спросил меня Лансдорп, оскалившись.

– Не знаю, – ответила я, с трудом сдерживая смех, потому что все, что бы я ни сделала, оказывалось неправильным. – Думаю, что разогреваюсь.

Оказалось, что он тренер, который просто накидывает мячи, один за

другим, как машина. Он не обменивается с тобой ударами, не бьет по мячу с лета. Он просто накидывает, накидывает и накидывает, а ты просто бьешь, бьешь и бьешь.

– А теперь на заднюю линию! – крикнул он мне.

ОК. Я перешла на дальнюю линию, и он стал накидывать мне идеальные мячи. У него невероятный дар. Он способен до бесконечности накидывать тебе мячи, не меняя при этом ни скорости, ни ритма. Через час тренировки ты чувствуешь, что можешь отбивать их все одним и тем же ровным, жестким ударом даже с закрытыми глазами.

Работая над это книгой, я встречалась с Робертом. Сейчас он живет в доме к югу от Лос-Анджелеса и когда он садится на кухне с чашечкой кофе, то ему отрывается вид на залив Лонг-Бич, забитый шхунами и танкерами со всех концов света. Это помогает ему размышлять. Роберт любит поговорить и иногда даже вспомнить что-нибудь. Он сохранил некоторые реликвии, напоминающие о том времени, которое мы провели с ним вместе. Фотографии и старые ракетки, и даже коллаж, который я для него сделала. (Как видите, мне, в конечном счете, тоже не удалось избежать увлечения коллажами!) О прошлом он говорит спокойно и со счастливым выражением на лице, хотя, когда это все происходило, речи о покое и счастье не было и в помине. Это было сплошное сумасшествие.

Я спросила его, помнит ли он нашу первую встречу?

– Конечно.

– И каково было ваше первое впечатление?

– Я подумал, что ты маленькая худышка, которая может хорошо бегать. Форхенд у тебя был слабым, очень слабым. Ты не могла сделать ни одного кросса[22]. Помню, Юрий спросил меня в самом конце первой тренировки: Ну, Лансдорп, и что вы думаете о моей дочери? А я ответил ему:

– Очень неплохо, Юрий. Но от ее форхенда тошнит.

Я сделала несколько записей о Лансдорпе в моем дневнике. Вот одна из первых:

Самым главным в Лансдорпе является то, что он не пытается скормить вам всякую хрень. Если от вас тошнит, то он скажет вам, что от вас тошнит. Ему по барабану, что вы устали и не можете больше работать. Он заставляет вас продолжать до бесконечности.

Само поведение Роберта было вызовом. Это было настоящее действо, возможно, даже тест. Если вы человек, который легко обижается и не терпит критики в свой адрес, лучше всего выяснить это с самого начала. Если вы не готовы выслушивать жесткие замечания, то вы не сработаетесь с Лансдорпом. Но я была уверена, что мы с ним сработаемся. Он был

человеком со странностями, но у него было слабое место. Он притворяется страшным, но это только если вы его плохо знаете. Надо пройти через многое, чтобы действительно понять этого человека. Когда вы встречаете его впервые, он кажется вам несносным и такие встречи редко проходят гладко. Но с самого детства я знала, как обращаться со сложными людьми. Я давным-давно выработала в себе эту способность. И всегда умела выбирать лучших и отбрасывать всех остальных. В этом заключается моя философия.

Я быстро привыкла к новому расписанию. Помимо моих регулярных занятий у Боллитьери, в конце каждого месяца я на неделю улетала в Лос-Анджелес для тренировок с Лансдорпом. Сначала мы с отцом останавливались в дешевой гостинице возле клуба «Ривьера». Позже Роберт испросил у семьи ребенка, которого он тренировал, разрешения для нас жить в их доме во время посещений города для того, чтобы мы могли сэкономить немного денег. ЛаПортеры мило согласились. Они жили в большом доме в Пало-Верде и в семье было двое детей – Шейн и Эстель. Когда мы приехали к ним впервые, дверь нам открыла маленькая девочка с вьющимися волосами и веснушками, которые покрывали все ее лицо. На вид ей было не больше девяти, и она встретила нас подозрительным взглядом: с чего это тощая девочка со светлыми волосами и ее отец стоят на пороге нашего дома с чемоданами? Мы с ней быстро подружились. Может быть потому, что ей надоело играть в баскетбол с братом Шейном. В моей жизни она стала для меня подобием младшей сестры, которой у меня никогда не было. Она немного играла в теннис, но больше всего ее интересовала школа. В те дни, когда она туда шла, я терпеливо дожидалась, когда она проснется, а потом помогала ей выбрать одежду на день. Какое-то время мы шли вместе, а потом она поворачивала к школе, а я отправлялась на общественные корты за школой, где тренировала вместе с отцом подачу. Оттуда я могла видеть ее в классе. Я ей махала, а она притворялась, что не видит меня, чтобы не было неприятностей с учительницей.

В конце каждого дня мы прыгали на заднем дворе на батуте до тех пор, пока не становилось темно или пока мой отец не звал меня, говоря, что пора прекращать, пока я не довела себя до изнеможения – мне всегда приходилось помнить о тренировке на следующий день.

Мы играли во множество игр, в основном связанных с перевоплощениями. Любимыми были *Банк,* с железным ящиком в качестве кассы и нарисованными от руки денежными чеками, и *Шерлок Холмс*, в которой мы сначала совершали преступление, а потом раскрывали его. А

когда вышли книги о *Гарри Поттере*, мы стали соревноваться, кто первым прочтет их от корки до корки.

За многие месяцы мы планировали наши поездки в Диснейленд, отмечая на карте каждое место, куда хотели попасть. Однажды я спросила Роберта, не даст ли он мне выходной в субботу для поездки в Диснейленд. Он заставил меня сто раз перебежать корт из конца в конец только за то, что я упомянула само слово *Диснейленд*. А потом разрешил ехать.

Прошло уже восемнадцать лет, а мы с Эстель все еще планируем поездки в Диснейленд и все еще обсуждаем Гарри Поттера. Нас связывает прочная дружба. Мы верны друг другу и всегда можем друг на друга положиться. Мы можем находиться в разных городах, даже в разных странах, но между нами существует крепкая связь.

То, что мы останавливались в доме Эстель, было здорово, поэтому я ждала этих поездок – благодаря ей неделя не превращалась в одну бесконечную пытку. Эстель действительно помогла мне пережить все эти годы. Я люблю ее и вечно буду ей благодарна.

Тренировки с Робертом были довольно однообразны. И в этом был весь их смысл. Роберт верил в силу повторений. В то, что каждое движение надо повторять снова и снова. Снова и снова. До тех пор, пока оно не станет твоей второй натурой. Что бы ни происходило вокруг, он продолжал накидывать тебе мячи. Под правую и под левую руку. В разные углы корта. Без всякой жалости. Пока ты отбиваешь один мяч, он уже накидывает тебе следующий – он летит в противоположный угол корта, и тебе надо бежать, чтобы достать его. Иногда он вел себя как последняя задница. Накидывал тебе этот мяч до тех пор, пока ты не оказывалась буквально при смерти. А каждую тренировку он заканчивал десятью быстрыми мячами в разные углы корта, заставляя тебя носиться туда-сюда, туда-сюда. Это он называл «десяточкой на задней линии».

Мы могли повторить это раз шесть или семь. А потом, как раз в тот момент, когда я уходила с корта, он говорил:

– И куда это ты направляешься, подруга?

Ему нравилось это слово – «подруга». И после этого заставлял тебя сделать еще одну «десяточку на задней линии».

Но Лансдорп не был садистом. Во всех этих пытках был четкий смысл. Все делалось ради его философии: каждое упражнение имеет свою цель и должно что-то давать игроку. Когда я попросила его объяснить мне эту философию, Роберт рассмеялся:

– Ты же меня знаешь, Мария. Я ненавижу крученые удары в теннисе. А большинство современных игроков используют именно их. Они наносят

сильный удар по мячу и закручивают его, чтобы мяч остался в корте. И мяч ударяется в корт как грузило, колом. Я это ненавижу. Все, что мне нужно – это хороший, сильный, плоский удар с отскока. И именно этому удару мы учились через эти бесконечные повторения. При плоском ударе ни к чему закручивать мяч. Плоские удары с отскока были на пике популярности в 70-е, 80-е и в начале 90-х. А потом пришел этот новый жуткий стиль. Мне кажется, что это связано с новыми ракетками и рукоятками. Они поменяли все. С этими новыми рукоятками мяч закрутить очень легко. Даже слишком легко. Мяч начинает закручиваться даже без твоей воли. Ребят, которые берут это на вооружение, тяжело победить, но, когда им становится лет по пятнадцать-шестнадцать, они упираются в стену. Потому что по мячу они бьют сильнее, а кручение контролировать уже не могут. В детстве надо учиться плоским ударам, потому что для этого нужна смелость, а чем старше ты становишься, тем больше ты боишься во время игры. Именно поэтому мы повторяли это до бесконечности. Ты училась сильным, плоским ударам.

После того, как я научилась тому, что в понимании Роберта было достаточно сильными и плоскими ударом, оказалось, что для этого надо было просто впасть в некое подобие нирваны при ритмичном нанесении ударов, мы стали работать над моей точностью и тем, где я должна была располагаться на корте. В методе Лансдорпа не было ничего модного или сверхсовременного. Ни видеокамер, ни лазеров, ни сложных алгоритмов. Роберт просто липкой лентой крепил пустые банки из-под мячей в нескольких дюймах над сеткой по обеим сторонам корта и велел мне сбивать как можно больше этих «мишеней». Это напоминало попытку попасть теннисным мячиком в замочную скважину.

– А знаешь, ты ведь рекордсмен, – сказал мне Роберт недавно.

– Рекордсмен в чем?

– В попадании по мишеням, – ответил тренер. – Я крепил их над сеткой, потому что в этом случае ты начинаешь чувствовать, где находится зона «игрового пятна» на твоей ракетке. Вначале тебе это не нравилось – как, впрочем, и всем остальным. А потом, прошло уже около года, ты стала получать от этого удовольствие. И даже сама просила меня установить мишени. Это было очень необычно. В возрасте где-то пятнадцати лет ты попадала восемь раз из десяти. Это до сих пор остается рекордом. Восемь из десяти форхендом. Джастин Гимельстоб[23] выбивал восемь из десяти бэкхендом. Однажды в клубе была Анастасия Мыскина, которая потом выиграла Открытый чемпионат Франции. У нее был урок, а ты, Мария, играла через три корта от нее. Когда Мыскина попадала по мишени я, как и

всегда, встряхивал банкой с мячами, как колокольчиком. Один раз за одно попадание. Два раза за второе. Когда я дошел до четырех раз за четвертое попадание, ты вдруг закричала: «Я знаю, что она не бьет по мишеням! Я знаю, что вы прикидываетесь». И при этом ты ни разу не сбилась с ритма в своей собственной игре. Странная концентрация. Мы так хохотали. Ты знала, что мы прикидываемся, и мы действительно прикидывались! Ни одна другая теннисистка, кроме тебя, не попадала по цели восемь раз из десяти ударом справа.

Эти упражнения изменили темп моей игры и ее последовательность. Теперь я попадала сильным и плоским ударом мяча туда, куда хотела, снова и снова. Это невероятно давило на моих противников. Моя атака никогда не прекращалась. Скорости на корте мне не хватало, и я компенсировала это моими ударами. Кроме того, работа с Лансдорпом выработала у меня новый подход к игре, дала мне невероятную уверенность в себе. Роберт был настолько уверен в правильности того, что он делает, что вы заражались от него этой уверенностью. Он был гуру. Вы ощущали его присутствие у себя в голове.

– Вот так и нужно делать, – говорил вам его голос. – Без вопросов и без сомнений.

И он доказал свою правоту. Он воспитал трех игроков, которые в последующем стали первыми ракетками мира. А то, что он был таким сложным человеком в общении, делало работу с ним чем-то особенным. Любила я его еще и за то, что чувствовала, что могу преодолеть этот холодный барьер, который он воздвигал между собой и другими.

Однажды, в конце долгой тренировки, когда я уже уходила с корта, он остановил меня.

– Эй, подруга, – сказал он.

– В чем дело, Роберт?

Он протянул мне пакет.

– Это штука, которая тебе наверняка понравится.

Так я получила свой первый «айпод».

– За что? – спросила я.

– А почему бы и нет? – ответил Роберт.

В этом он весь. Этот человек не перестает меня удивлять.

Когда Роберт Лансдорп праздновал свое семидесятилетие, к нему приехало несколько его старых учеников, чтобы выразить ему свое уважение. Среди них были Линдсей Дэвенпорт и Трейси Остин. Несколько человек говорили тосты, в которых превозносили его. Все говорили о том, чему научил их Роберт. Естественно, упоминались и его удары, но в

основном люди вновь и вновь возвращались к отношению к игре и уверенности в себе, жесткости и настрою бороться даже тогда, когда все выглядит из рук вон плохо. Шутили, что если тебе удалось выжить при общении с Робертом Лансдорпом, то ты выживешь в любых условиях.

Ему понадобилось два года, чтобы полностью изменить мою игру. А может быть, слово *изменить* здесь не подходит. Может быть, он смог просто извлечь наружу то, что всегда присутствовало во мне, но было скрыто до поры до времени. После этих уроков у меня появилась новая уверенность в своих силах и новое понимание игры. Так я рассталась с детством и стала взрослой. В возрасте четырнадцати лет я уже играла в ту же самую игру, в которую играю и сейчас.

* * *

В те же годы мне пришлось поучаствовать в эксперименте, который до сих пор не дает мне покоя. Это именно то, о чем обычно размышляют поздно ночью, задавая себе извечный вопрос: «А что, если?»

Юрий был убежден, что в самом начале, когда я только начала играть, была сделана ошибка. Когда я работала с Лансдорпом, а Юрий наблюдал за моими ударами справа и слева, он уверился в том, что по природе я левша.

– Если бы с самого начала у тебя рабочей рукой была левая, сейчас ты бы была непобедимой, – говорил он мне.

Посещая Сочи, он разыскал Юдкина и задал ему прямой вопрос.

– Как ты мог это пропустить? Разве ты не видел, что у нее левая рука рабочая?

– Тебе что от меня надо? – защищался Юдкин. – Когда она появилась на корте, то била мяч правой рукой. Значит, рабочая у нее была правая. И все. Никто не знает пятилетнюю девочку лучше, чем она сама.

Но уверенность Юрия все росла и росла.

– Тебе надо стать левшой. И у нас есть пока еще время все исправить. Вопрос только в желании.

Время от времени, когда я, дурачась, играла левой рукой, мне действительно было удобно. Это происходило легко и естественно. Это было просто ЗДОРОВО. Мир начинал негромко жужжать, шестерни вращались, а звезды выстраивались в ожидании солнцестояния. Но, с другой стороны, я держу вилку в левой руке, а нож в правой. Так что, может быть так, а может быть иначе. И чем больше я думала об этом, тем больше запутывалась.

– Вы работаете с Марией и что вы думаете по этому поводу? – спросил Юрий у Лансдорпа. – Какая рука у нее рабочая – правая или левая?

– Я помню, как Юрий задал мне этот вопрос, – рассказал мне потом Роберт. – И помню, что я ему ответил: «Не знаю, но, по моему мнению, она должна играть как правша, потому что в этом случае у нее будет первоклассный бэкхенд. Потому что ты, Мария, действительно могла бить левой рукой. Твоя способность наносить форхенд левой рукой делает твой двуручный бэкхенд очень естественным. У людей редко обе руки бывают рабочими. Чтобы добиться этого, надо много работать. А у тебя так было с перового дня, когда я тебя увидел. Так что же я должен был ответить твоему отцу? То, что я говорю любому, кто высказывает интересную мысль: «А почему бы не попробовать?»

Несколько дней спустя отец велел мне играть с рабочей левой рукой.

– Почему?

– Потому что Юдкин все перепутал, – ответил он. – Ты должна быть левшой.

– Да, но, когда я играю, рабочая рука у меня правая.

– Послушай, Мария, – сказал папа, – если ты будешь левшой, то тебя невозможно будет переиграть.

Несколько дней я сопротивлялась, а потом решила попробовать. Без шуток. В то время мой отец был фанатиком Моники Селеш и Яна-Майкла Гамбилла[24]. У обоих этих игроков была сумасшедшая манера вести игру. Вместо того, чтобы наносить традиционные удара справа и слева, они полагались на удары двумя руками с обеих сторон. Юрий хотел, чтобы я играла так же. Это расширяет твои возможности. Ты можешь принять большее количество мячей с позиции силы. Именно это и имел в виду Юрий. Все свое свободное время он проводил, наблюдая за игрой Селеш и Гамбилла.

Так начался этот странный период, когда я играла в теннис как левша. И знаете, это оказалось движением вперед. Сначала я играла как чистая левша – форхенд наносился рабочей левой рукой, а бэкхенд – двумя руками, – но очень часто мне не хватало силы рук. Тогда я перешла на удары двумя руками из всех позиций, так, как играли Моника Селеш и Гамбилл. И оказалось, что я могу это делать. Роберт Лансдорп был впечатлен, а Юрий счастлив, но Ник Боллетьери и многие в академии были сильно раздражены. Они так много времени потратили на мой форхенд, который я наносила правой рукой и на бэкхенд, который я наносила двумя руками, а теперь приходилось возвращаться к самому началу. Я же сама полностью запуталась. Но не в голове. Запуталось мое тело. Юг стал севером, а перед – задом. Руки и ноги, ступни и кисти рук – я не знала, что с ними делать.

Так продолжалось три или четыре месяца – мой отец бесконечно записывал мои тренировки на пленку, а потом проводил бесконечные ночи, изучая свои записи. В моей памяти это осталось как время, которое я провела в альтернативной реальности, в будущем, которое не должно было случиться, в поезде, который никогда не отошел от станции. Как бы выглядела моя жизнь, если бы я была левшой? Может быть, хуже, а может быть, лучше. Маккинрой[25], Коннорс[26], Лейвер[27] – все они левши. Мне надо было принимать решение.

В один прекрасный вечер, после долгой тренировочной игры под прожекторами, с заполненными зрителями открытыми трибунами, Ник Боллетьери отвел нас с отцом в сторону. Ник практически оставил меня в покое, но теперь ему в голову пришла мысль.

– Послушайте, меня не очень интересуют ваши эксперименты, честное слово. Правша или левша – Марию ждет оглушительный успех. Но вам надо на чем-то остановиться. Иначе она будет середнячком, играя в обеих ипостасях, и ничего не добьется ни как левша, ни как правша.

– Мария, я знаю, что это очень тяжелый выбор, – добавил он, теперь глядя только на меня, – но его надо сделать сейчас, иначе потом будет слишком поздно. И выбор ты этот должна сделать не ради меня, или папы, или мамы, или Роберта. Ты должна сделать его ради себя самой.

Я была опустошена и не знала, что сказать. В тот момент я считала Ника самым противным человеком на всей планете. Мне было всего двенадцать лет, и я должна была сделать выбор, который мог повлиять на все мое будущее. Я плакала, когда появилась дома. Мама спросила почему. Когда я ей все объяснила, она обняла меня и сказала только:

– Никогда не забывай людей, которые заставляли тебя плакать.

Моего отца это тоже здорово встряхнуло. Как будто его разбудили, резко толкнув. Неужели это он довел меня до нервного срыва? Неужели это он поставил все под угрозу? Именно такое впечатление у нас создалось после разговора с Ником. Юрий испугался, но знал, что Ник прав – необходимо было принимать решение.

И вот тут наши воспоминания о дальнейшем расходятся. Насколько я помню, решение, как сказал Ник, должна была принять я сама. Кто кроме меня мог знать, как я ощущаю себя при игре разными руками? Я проводила день за днем, обдумывая, принимая решение, а потом изменяя его. Это было одно из самых тяжелых решений, которые мне пришлось принять. Левша или правша? Правша или левша? Быть иль не быть? Папа с мамой приходили на корт и записывали мою игру с разных точек, пытаясь помочь мне обдумать решение со всех сторон. В конце концов я решила остаться с

тем, что я уже знала, остаться такой, какая я есть и какой была всегда. Я правша. Если бы мне было семь, а не двенадцать лет, тогда, может быть, я сделала бы другой выбор. Но если я поменяю руки в возрасте двенадцати лет, то мне действительно придется начинать все сначала. Я потеряю все игровые сезоны, все годы работы и развития, все часы, проведенные с Юдкиным, Боллетьери, Секу и Робертом, все матчи, сыгранные под раскаленными лучами солнца. Да и силы в моей левой руке было недостаточно. Я ведь никогда ее не развивала. Это было особенно заметно, когда я подавала левую подачу. Я сделаю громадный шаг назад. И я сказала папе, Нику и Роберту:

– Я всегда была правшой. Ей я и останусь.

– Отличный выбор, – сказал Ник, – а теперь давай работать.

Но эти эксперименты с правой и левой руками, хотя я и не переключилась на левую полностью, повлияли на мою игру. Прежде всего, мой бэкхенд действительно стал лучше. В старые времена тренер привязывал правую руку молодого баскетболиста у него за спиной для того, чтобы разработать его левую. Нечто похожее произошло и со мной: все это время, что я играла как левша, помогло мне и улучшило мойбэкхенд. Как говорит Роберт, он стал моим оружием. Слева по линии – это мой любимый удар.

Папа же помнит, что решение принималось по-другому. (Каждый раз, когда мы начинаем говорить о прошлом, создается впечатление, что мы жили в разных мирах.) Он говорит, что решение принял *он*, а не я. *Вы только подумайте*!

– Как можно было позволить ребенку принимать такое серьезное решение? – говорит он с содроганием. Его действительно потряс Ник Боллетьери и то, что он сказал тогда у корта: «Вы должны принять решение. Иначе она будет середнячком, играя в обеих ипостасях, и ничего не добьется ни как левша, ни как правша». Но папа никак не мог решить. Переход в левши был похож на высадку на Луне – это могло изменить абсолютно все – но правша казалась логичным и правильным выбором. Если только взглянуть на то, чего я уже смогла добиться, будучи правшой. Поэтому отец колебался и откладывал решение.

– И чего же ты ждал? – поинтересовалась я.

– Того же, что и всегда, – ответил папа. – Знака судьбы.

Знак он, наконец, увидел в конце обеда в доме одного из друзей. Теннисных друзей. Юрий держал в одной руке тарелку с десертом, а в другой кружку с кофе. С этим он вошел в гостиную, поставил тарелку с кружкой на кофейный столик, уселся на диван и стал просматривать пачку

теннисных журналов. Один из них он открыл наугад. Перед ним была страничка с гороскопами.

– Колонка гороскопов, – рассказал он мне. – И в ней было написано, черным по белому, клянусь тебе, Мария, это чистая правда, следующее: у первого номера в мире среди женщин будут инициалы М. и Ш., и она будет правшой.

Больше Юрий никогда не вспоминал о моей левой руке.

Глава девятая

Я стала играть в крупных турнирах по всему свету. Выступала я все еще как любитель, но была всего в нескольких шагах от того, чтобы превратиться в профессионала. В этих турнирах участвуют только лучшие молодые теннисисты мира. И только лучшие из них проходят через их сито. Это напоминает игольное ушко. Только небольшая группа проходила сквозь него в следующий этап. Такой переход для меня был критическим и не мог произойти в более неудобное время. Мне было четырнадцать, и одно из моих самых заветных желаний стало сбываться. Я стала расти. И расти. И расти. Казалось, что это случилось внезапно, в течение одной долгой летней ночи. Ложишься спать с одним телом, а просыпаешься с другим. Вытянутым. Длинным и неловким – восемь дюймов[28] добавились как по мановению волшебной палочки. Я остановилась на шести футах и двух дюймах.

Но вы знаете эту поговорку насчет того, что хорошенького понемножку. В моем распоряжении неожиданно оказалось совсем новое тело, которое было долговязым, неуклюжим и мне не подчинялось. И оно все болело! От того, что все эти дюймы добавились за столь короткий промежуток времени, мои кости болели. И я неожиданно стала смотреть на всех сверху вниз. В первое время мне было сначала неловко и я сильно смущалась. Позже я начала любить свой рост, и сейчас смотрю на него как на дар судьбы. Мне нравится быть высокой. Может быть, поэтому я хожу на каблуках. Хотя еще и потому, что я люблю красивую обувь. И я не хочу, чтобы из-за своего роста я не могла бы носить то, что мне нравится. Если у вас проблемы с женщиной, которая возвышается над вами, то это ваши проблемы, а не мои. Но вначале все было не так просто. У меня было новое тело, и мне предстояло научиться управлять им. У меня нарушилась координация, и я потеряла контроль над своими конечностями. Я могла интенсивно тренироваться, но во время игр мое тело предавало меня, становилось неуправляемым. И это произошло как раз в тот момент, когда я стала получать персональные приглашения[29] на крупные турниры профессионалов. Так как IMG спонсировала некоторые из этих турниров, у них всегда были эти приглашения, которые они раздавали своим клиентам. С таким приглашением я могла не играть в квалификационных раундах, а попадала сразу же в основную сетку. Так вот! Я оказалась на большой,

большой сцене, но совершенно дезориентированная своим новым телом. У меня была конкретная цель, но я не знала, как ее достичь. Я чувствовала себя так, как будто мои руки и ноги, мои кисти и ступни оказались отключены от моего мозга.

Неизбежным результатом всего этого была серия обидных поражений, моя первая проигрышная полоса. Я проигрывала, и проигрывала везде. Я проигрывала перед несколькими зрителями и перед большой аудиторией. Я проигрывала днем, и я проигрывала по вечерам. Я проигрывала на грунтовых кортах и на харде[30]. Я прекрасно себя чувствовала во время тренировок, но когда выходила на матч, то все разваливалось. Я помню, что проиграла так много соревнований подряд – одно за другим, одно за другим. Помню, как вся в слезах я проходила по холлам стадионов, по гостиничным коридорам. Как на меня смотрели другие девочки – в их взглядах было больше жалости, чем уважения; свою радость они прятали под маской сострадания, и смотрели сверху вниз на человека, которого когда-то боялись. И я все время думала: что же происходит? Мои родители тоже это заметили. До этого момента моя карьера была такой успешной, я постоянно поднималась в рейтингах каждой из возрастных групп и практически всегда выходила в финалы. И вот тебе на! Какая это была борьба. Они пытались помочь мне, но у человеческих сил тоже существует свой предел. В конце концов я должна была разобраться со всем этим сама. Многие многообещающие карьеры на этом заканчивались. И вы, возможно, не знаете имен этих людей и никогда не слышали их грустные истории. Но вас очень волнует, как бы ваше имя не было добавлено к этому списку. Это был настоящий кошмар, все было жутко запутано, но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что все это, в конечном счете, пошло мне на пользу. Любой может быть хладнокровным и невозмутимым, когда он побеждает, когда все идет по плану. Но что вы делаете во время проигрышей? Это большой вопрос. И ответ на него – это то, что отличает настоящих профессионалов от героев всяких поучительных историй.

И действительно, проигрыши могут рассказать вам гораздо больше, чем победы. И о вашей игре, и о вас самих. Можете ли вы встать, когда вас сбивают с ног? Можете ли вы продолжать, когда ваша работа вдруг начинает казаться вам бессмысленной, когда вы играете ради самой игры, когда вы дергаетесь из-за того, что подводите всех и вся? Можете ли вы подниматься чаще, чем падать? Или вы сдаетесь? Это именно та упертость, о которой говорил Юдкин много лет назад. Никто не знает, как он среагирует на беду, пока беда не постучится к нему в двери.

Я никогда полностью не теряла веры в себя. Наверное, я была слишком

юна, чтобы полностью понять концепцию «веры в себя», чтобы знать, что это такое – у меня она просто была и этого было достаточно. Ни на один матч я не выходила, не будучи уверенной в победе. И даже когда проигрывала, а проигрывала я очень часто, я все равно верила, что двигаюсь вперед по намеченному пути, в соответствии с планом. Продолжай бить, говорила я сама себе. Низкие удары по дальней линии, быстрая работа ног перед каждым ударом и так игру за игрой. И рано или поздно что-то изменится.

Не знаю, как долго все это продолжалось – наверное, это можно где-то посмотреть и даже сосчитать проигрыши, но кому это надо даже ради точности повествования. Достаточно сказать, что мне казалось, что это продолжается вечность. И казалось, что ничего никогда не изменится. А потом, в один прекрасный день, это произошло. Мой мозг стал, наконец, понимать мое тело. Это не произошло во время победного матча и не случилось в одно мгновение. Это произошло как раз во время поражения. Для зрителя это все выглядело как очередная неудача, но что-то очень важное изменилось. Совсем немного, заметить это мог только профессионал.

Роберт Лансдорп может назвать этот матч, или, по крайней мере, думает, что может. Все это время мы работали вместе. Если его и беспокоила моя полоса неудач – а позже он говорил, что она его беспокоила, – он мне тогда об этом не говорил. Но и тактики своей он не менял – не позволял мне закручивать мячи, что в тот период, возможно, сильно облегчило бы мне жизнь. Он вел себя как человек, у которого закипел двигатель машины на полпути через американский континент: мы ближе к Тихому океану, чем к Атлантическому, так давайте двигаться в его сторону, пока не доберемся до него.

– Тебе было четырнадцать лет, и ты боролась изо всех сил, – рассказывал он позже. – Твой отец сильно нервничал, и IMG сильно нервничала, и все размышляли над тем, что происходит. И вот, в этот критический момент, ты квалифицировалась на большой турнир, и я решил слетать на него и убедиться собственными глазами. Неужели все так плохо, как они рассказывают? Турнир был в Сарасоте, это был твой первый профессиональный турнир с денежным призом. Я полетел за свои собственные деньги, а, зная меня, ты понимаешь, что это значит.

Я помню тот турнир, о котором говорил Роберт. Наверное, это был мое первое профессиональное соревнование. Мне реально представился шанс выиграть немного денег! Кажется, что это большое изменение в жизни, но когда это происходит, ты этого практически не замечаешь. Те же самые

корты, те же самые игроки, все то же самое. Пред матчем мы сели с Робертом поговорить, но он вообще не хотел говорить о теннисе. Вместо этого он говорил о музыке, об «айподах», о пляжах.

– Что ты хочешь получить на день рождения? – спросил он.

А еще он говорил, как важно время от времени расслабляться. И подарил мне гитару. Она до сих пор у меня – красивая акустическая гитара, на которой я так и не научилась играть. К гитаре прилагался сертификат на бесплатные уроки.

– Вместо того чтобы изводить себя перед игрой, ты сможешь брать гитару и играть, – сказал тогда Роберт.

– Ты играла с девочкой старше тебя, гораздо старше. Она была сильнее, закаленнее, и все такое, – продолжил свой рассказ Роберт. – Играли на грунте. Я очень внимательно следил за каждым розыгрышем. Нынче кто-то, кто посмотрит те твои матчи, может сказать, что ты играла глупо, потому что по каждому мячу старалась ударить как можно сильнее и делала удары низкими и плоскими, так, как я тебя учил. При закрученных мячах предел допустимой ошибки ниже. Я называю это Академическими Ударами. Потому что в конечном счете все сводится к средним показателям. Если ты придешь в теннисную академию, и не важно в какую, и будешь там бить сильно и над сеткой, и сделаешь при этом ошибку, тебе популярно объяснят, что удары должны быть закрученными и высокими, особенно на грунтовом покрытии. Но у тебя этого не было, ты продолжала наносить все те же блестящие, трудные в исполнении, но приносящие очки удары. Для этого надо было обладать характером и тем упрямством, которое так необходимо в игре. Для этого надо обладать «идеальной» глупостью.

После матча я была раздавлена – я проиграла в трех сетах, – но, когда Роберт пришел ко мне в раздевалку, он улыбался.

– Мария, если ты будешь продолжать играть так, как играла сегодня, то тебе не о чем волноваться, – сказал он.

– О чем вы говорите? – возразила я. – Я же проиграла.

– Ты проиграла только потому, что ошибок сделала чуть больше, чем это было необходимо, и не успела дотянутся до нескольких мячей, – объяснил Роберт.

– Ты совершенно не боялась, когда играла свой первый профессиональный матч, вечером, на плохом грунтовом корте, в не самый лучший для тебя период, – заметил Лансдорп не так давно. – Ты не задыхалась и не нервничала. Тогдашний проигрыш рассказал мне больше, чем рассказала бы победа. Потому что ты не отступила и не сдалась. Ты не

сказала себе: «Давай-ка переходи на высокие закрученные мячи». Ты просто продолжала и продолжала играть в свою игру. Вот тогда я понял, что Юрий прав. Ты действительно должна была стать номером один в мире.

* * *

Всем понятно, что существует дух и существует тело. Это просто еще один вариант сказать: да, мое отношение к игре в период всех этих изменений было очень важно, но не так важно, как моя подача. До этого моя подача была неизменной. Я подавала так с восьми или девяти лет. Но она должна была измениться, хотя я об этом еще ничего не знала. Все произошло после Челленджера в Питтсбурге. Челленджеры – это второстепенные турниры, которые организовывает Международная федерация тенниса. Если ты выиграл достаточное количество челленджеров – очки за победы в них складываются – то ты можешь получить место в турнире WTA[31], а это уже серьезно.

Мне только что исполнилось пятнадцать и вещи постепенно стали вставать на свои места. Как Роберт и обещал, мои удары с отскока превратились в оружие. В финале Питтсбурга я проиграла и после этого увидела на лице папы выражение, которое не предвещало мне ничего хорошего.

Я разговаривала с Максом, когда в комнату ворвался Юрий и почти закричал.

– Маша, – заявил он, – ты больше не будешь так подавать.

– О чем ты? – уточнила я.

– У тебя слабая подача, – объяснил Юрий. – Для маленькой девочки это неплохо, но ты больше не маленькая девочка. Ты превращаешься в сильную женщину, и твоя подача должна соответствовать. Ты играешь в силовую игру, а не пользуешься всякими ухищрениями.

– А почему этот вопрос возник сейчас? – поинтересовался Макс.

– Потому что теперь у нее достаточно сил, чтобы выработать настоящую подачу.

Через какое-то время мы вернулись во Флориду и стали работать над подачей вместе с Питером Макгроу, одним из тренеров академии, австралийцем по национальности. Работали мы по вечерам, когда заходило солнце и начинали жужжать насекомые. При этом мы расстреливали целые корзины мячей. Боязнь того, что тебя могут ужалить, придавала тренировкам дополнительную настойчивость. Мы проводили часы за часами, настраивая мою подачу – я била по мячу, а потом мы на видео

смотрели, что я делала правильно, а в чем ошибалась. Мы вносили в подачу изменения, потом вносили изменения в эти изменения, и так до тех пор, пока не стала вырисовываться подача, которая будет определять первую половину моей карьеры. Естественно, она не была абсолютно новой. Это было усовершенствование той подачи, которую мы с Юрием тренировали много лет назад. Но в этой подаче я использовала новые особенности своего тела – рост, силу, ширину плеч, длину рук и гибкость. Я удивительно гибкая, особенно в плечевом поясе. Это позволяет мне при подготовке к подаче заводить руку так далеко за спину, что костяшки пальцев иногда касаются моей спины. Я превращаюсь в живую рогатку с рукой, вылетающей вперед как при ударе хлыстом. При этом вырабатывается такое количество кинетической энергии, что мяч со свистом летит вперед. У меня была и вторая подача – более медленная и точная, – которую я использовала, когда мне это было нужно, но именно первая подача позволяла мне побеждать. Я превратила свою подачу, которая до этого была вполне средней и нейтральной, в настоящее оружие, на которое я могла положиться, когда оказывалась в проигрышной ситуации. Правильно подай мяч, и противник уже практически уничтожен. А это значит, что я получаю дополнительные очки. Это значит, что я могу начинать розыгрыш очка с позиции силы, диктуя то, что произойдет на корте. Все это приводило к тому, что мой розыгрыш очка становился короче, а значит, весь матч занимал меньше времени. Для того, чтобы победить меня, противнику надо было взять мою подачу, а это теперь было не так просто. И тогда я стала представлять реальную опасность на корте. В тот момент все мои поражения превратились в победы. В возрасте пятнадцати лет я начала выигрывать, и выигрывать постоянно. Моя подача открыла для меня золотую эру, один из лучших периодов в моей карьере. Но потом мне придется дорого заплатить за эту подачу, за ту колоссальную нагрузку на мое плечо.

* * *

Мой отец вновь ждал знака судьбы, который подтвердил бы, что я готова соревноваться в больших турнирах, на большой сцене профессиональных турне. С технической точки зрения я уже была профессионалом. Я играла за деньги. Занимала строчку в рейтинге и меня знали в мире юниорского тенниса. Но мне еще только предстояло сыграть в турнирах высшего ранга, в тех, о которых писали в прессе и которые посещали болельщики. Денег там было больше, но и давление сильнее. Если ты проиграешь на таком турнире, то уровень осложнений и

последствий в случае проигрыша будет совсем другим.

Знак мы получили во время поездки в Россию. Наверное, это была не первая моя поездка домой, но это точно первая, которую я помню. Мы заехали в Москву, а потом остановились в Сочи. Много путешествовали. Увидели моих бабушек и дедушек, родственников и друзей. Странно было вновь оказаться в этих крохотных домах и квартирах. В Америке все было гораздо больше. Я всегда останусь русской в душе, но не стоит забывать тот факт, что свои основные детские годы я провела во Флориде и Калифорнии, наблюдая за американским телевидением и потребляя американскую продукцию. Так что какая-то часть моего Я всегда была американской. Для меня американская культура наиболее приемлема, там я действительно чувствую себя полностью расслабленной. Но понимаю я это только тогда, когда возвращаюсь в Россию. Это все связано с жизнью, которая для тебя идет по кругу, с тренировками, которые начались в столь раннем возрасте – десятки незнакомых гостиниц, квартир и стран становятся твоим домом, иначе говоря, собственного дома у тебя нет. Все проходит мимо тебя. Ты никогда не позволяешь себе слишком привязываться к чему или кому-либо, потому что знаешь, что послезавтра уже уедешь. Остаются только теннисные ракетки, которые всегда с тобой. Люди находят такую жизнь эффектной, и, наверное, они в чем-то правы. Но я в этом не уверенна. Такая жизнь может быть и одинокой, и сбивающей с толку.

Находясь в России, я каждый день играла в теннис. Юрий внимательно следил за этим. Нам надо было придерживаться расписания и режима. А это значит, что просыпалась я сразу же после восхода солнца, бегала и разминалась, а потом искала корт. Я всегда верила в то, что тренировки должны быть тяжелее, чем реальная игра. Только так можно побеждать – в этом случае сам матч кажется вам чем-то похожим на отдых. И в этом мире ты тренируешься не для одной игры, одного турнира или даже одного сезона, но для всей своей карьеры, которая будет продолжаться до тех пор, пока в один прекрасный день тебя не вынесут с корта.

В те дни мы вновь каждое утро оставались с Юрием один на один. В конце нашей поездки мы поехали в Гомель, который был заражен радиацией. Остановились мы у моих дедушки с бабушкой и гуляли по улицам маленького городка, бродили по парку и лесу. Юрий организовал для меня матч на общественных кортах, на которых он сам когда-то начал играть. Он устроил мне матч с крупным мужиком, который внимательно следил за мной с дальнего корта, время от времени взмахивая своей ручищей в приветственном жесте. Я плохо сейчас помню, как он выглядел,

но он был высоким, с квадратной челюстью, щетиной на щеках и густыми черными волосами. В тот момент я об этом не знала, но этот мужик был человеком выдающимся в те времена, когда там играл Юрий. Он был совершенно непобедим. Он победил самого Юрия, и мой отец наблюдал за тем, как он побеждал всех остальных игроков в округе. Обо всем этом мне рассказали гораздо позже, но тогда этот человек был для моего отца символом и своего рода мерилом. Он должен был стать моим испытанием. Как я поведу себя в игре с героем-ветераном?

– Если ты сможешь с ним сыграть, – сказал мне папа, – то ты, Маша, очень хорошая теннисистка. Если ты сможешь выиграть у него больше пяти геймов, то ты готова ко всему, что ждет тебя впереди.

Мне было пятнадцать лет или около того. Мужику было лет сорок. У него была старомодная ракетка, и когда он отбивал мяч на отскоке, то его движение начиналось от самой земли и заканчивалось высоко в воздухе. Корт был потертым и медленным. Во время игры мужик стонал, но я стонала громче. Он не был таким уж слабаком, но и тем игроком, которого помнил мой отец, он тоже не был. Я принимала его лучшие удары и отбивала их как раз в момент отскока, нанося именно те удары, которым меня учил Лансдорп – сильные и плоские, которые летели всего на несколько миллиметров над сеткой. По ходу игры мужик сначала разволновался, потом ему стало не по себе, а потом он разозлился. Он не мог поверить в то, что происходило на корте. Неужели он действительно проигрывает этой девочке, этому ребенку?

Мы сыграли два сета. Я выиграла оба. Хотя разрыв был небольшой – 7–5, 7–6. И чем больше злился этот мужик, тем счастливее выглядел мой отец. Было такое впечатление, что уровень злобы моего противника измерялся каким-то датчиком. Юрий с удовольствием смотрел, как стрелка взбиралась все выше и выше. А когда она коснулась красной зоны, он был полностью удовлетворен. Когда мы уходили с кортов, расположенных в сыром здании с плохим освещением и с эхом теннисных мячей под крышей, папа обнял меня за плечи, как будто хотел сказать: «Маша, ты готова».

* * *

Моя жизнь профессионального игрока в теннис в действительности началась весной 2001 года, вскоре после того, как мне исполнилось четырнадцать лет. Первые турниры были небольшими – корт располагался на задворках какого-нибудь города средних размеров – и победитель получал несколько тысяч долларов. Я выиграла несколько таких турниров

и стала постепенно взбираться туда, где мне было что показать и где подмостки были не в пример больше. Началось все с юниорских национальных турниров, а потом я дошла до юниорских турниров Большого шлема. Я летала коммерческими линиями по всей Европе, стараясь экономить на билетах – в то время Юрий говорил, «на местах в туалете». Мы ездили и на поездах, и на задних сиденьях машин, тщательно пряча деньги и паспорта от возможных жуликов. Чтобы приготовиться к игре, я приезжала в город за пару дней до начала турнира. Почти всегда мне приходилось играть против девочек, которые были старше меня, но в этом не было ничего нового. В тринадцать лет я дошла до финала Открытого чемпионата Италии среди юниоров, в котором проиграла семнадцатилетней противнице.

В турнире WTA я впервые выступила в возрасте четырнадцати лет в 2002 году. Это был турнир Пасифик Лайф Оупен, который теперь называется Индиана Уэллс. В первом круге я выиграла у Бри Риппнер[32] в трех сетах 5–7, 6–1, 6–2. Во втором круге мне пришлось играть с Моникой Селеш и для меня это был очень важный момент в жизни. Мне было четырнадцать, а Селеш только что исполнилось двадцать восемь. Она была самой великой теннисисткой в мире. А еще и героем, может быть не столько для меня, сколько для моего отца, который часами изучал на пленке ее игру двумя руками. С момента того ужасного нападения, которому она подверглась между геймами на турнире в Гамбурге, прошло почти десять лет, но это все еще была Моника Селеш – одна из лучших игроков в мире. Она выиграла девять турниров Большого шлема и многие месяцы занимала первую строчку в рейтинге WTA. Я не могла отвести от нее глаз. Было так странно оказаться с ней на одном корте. Как будто я вдруг провалилась в телевизор. И с удивлением обнаружила себя по ту сторону экрана! Я была полностью ослеплена ее блеском, и это в какой-то степени объясняет мое поражение со счетом 6–0, 6–2. В тот день я взяла только два гейма. Но в какие-то моменты на корте я забывала, кто она, и просто играла в свою игру. Для меня это был великий матч, потому что он научил меня двум вещам – первое, это то, что я могу играть с любой из них, и второе – это то, что мы с ними одной крови. Кроме того, я поняла, чему мне еще предстоит научиться – и насколько сильнее я должна стать. В том турнире Селеш дошла до полуфинала, проиграв за все время всего несколько геймов. В полуфинале она проиграла Мартине Хингис, которая, в свою очередь, проиграла в финале Даниэле Хантуховой[33]. Турнир был многоступенчатым, и побеждать надо было очень многих. Я мало что

помню о том матче, кроме счета и того, что после матча в раздевалке меня обняла Мэри Джо Фернандес[34], которая увидела, как я плачу.

2002 и 2003 годы я в основном провела в юниорах, потому что мне разрешили выступать только в ограниченном количестве профессиональных турниров. Я была все еще слишком мала, чтобы отыграть весь сезон в турнирах WTA. К концу сезона я была шестой в юниорской классификации. Люди стали узнавать мое имя. Тренеры появлялись на моих играх, чтобы понаблюдать за моей игрой и найти в ней слабые места. Они разрабатывали стратегии, чтобы победить меня. Какова была моя самая большая слабость в то время? У меня была низкая скорость и не хватало силы удара, чтобы компенсировать этот недостаток. Мне надо было наращивать мышцы. Надо было мужать.

Одновременно со мной Юрий тоже становился известным человеком. Так всегда случается на теннисных турнирах, особенно юниорских. Запоминаются всегда отцы и матери, теннисные родители, каждый из которых, казалось, является вторым «Я» своего ребенка. На многих людей Юрий производил впечатление типичного ненормального русского отца, который хочет все контролировать и обладает железной волей. Это было не так, или не совсем так. Карикатура была создана многочисленными газетными статьями.

Да, мой отец мерил шагами боковую линию. Да, он шептал мне что-то на ухо, когда я выходила из тоннеля под трибунами. Он сидел на трибунах, подавая мне сигналы, что действовало на нервы абсолютно всем – инструктировать игрока во время игры запрещено, особенно с трибуны. Но он *не* инструктировал меня с трибуны, вовсе нет. Он просто посылал мне напоминалки. Я иногда настолько концентрируюсь и настолько увлекаюсь игрой, что забываю пить и есть, поэтому у меня может подняться уровень сахара в крови и наступить обезвоживание. К концу второго сета мир начинает вращаться, а живот у меня вспучивается. Поэтому во время смены сторон, когда я поднимаю глаза на трибуны, чтобы увидеть отца, он может поднять бутылку с водой, что означает «попей», или банан, что означает «поешь». В основном мой отец – классический пример теннисного родителя. По правде говоря, такой вам и нужен, если вы хотите достичь вершины. Может быть, это верно для любого вида спорта, но наиболее характерно это для индивидуальных видов, таких, которым ты посвящаешь свою жизнь в таком юном возрасте, что еще ничего не знаешь о жизни. И вот тогда требуется сильный родитель. Кто еще сможет изо дня в день заставлять ребенка тренироваться, когда тот больше всего на свете хочет выспаться или поиграть в приставку? Ни один семилетний ребенок

не станет делать этого самостоятельно, и ни один двенадцатилетний не останется в спорте, когда все идет наперекосяк, а такое иногда случается, если только рядом с ними не окажется человека, который вовремя их подбодрит. Другими словами, вам может не нравиться гротескное поведение этих родителей и то время, которое посвящает им телевидение, но без них в мире не появились бы сестры Уильямс, или Андре Агасси, или я. Теннисный родитель – это воплощение воли игрока в то время, когда у самого игрока эта воля еще не сформировалась.

Когда я думаю о прошлом, то мне вспоминаются только великие моменты, поворотные точки. Все остальное постепенно бледнеет и превращается в нечто, напоминающее серую краску – статистика в твоей счетной карточке, цифры на странице. Для меня первый великий момент – он до сих пор возвышается в моей памяти как ворота в мою взрослую карьеру – это Открытый чемпионат Австралии в 2002 году.

Я играла в юниорском турнире. И меня там мало кто знал. Я была еще очень молодой и худой, поэтому люди не ждали от меня слишком многого в подобном крупном соревновании. Они знали, что я неплохо играю, но смотрели на меня скорее как на будущее, а не как на реальную угрозу. Казалось, что мое время наступит года через два-три. Но я знала нечто, чего не знали ни спортивные журналисты, ни околотеннисная публика. Я чувствовала это глубоко внутри, как будто в темноте провернулись шестерни, и я проснулась утром с мыслью: «Боже ты мой, я могу побить любую».

Это был мой первый юниорский Открытый чемпионат, один из четырех основных турниров, которые надо выиграть, чтобы оказаться на самом топе. (Остальные – это Открытый чемпионат Франции, Уимблдон и Открытый чемпионат США.) Я впервые соприкоснулась с наэлектризованной атмосферой крупных соревнований. Все эти зрители, репортеры, игроки, лучшие в мире, собрались вместе на неделю, чтобы принять участие в одном из самых жестких соревнований. Я была очарована происходящим. Я нервничала и в то же время испытывала душевный подъем. И я была счастлива, потому что знала, что нахожусь в том месте, в котором и должна находиться. Игры в первых кругах пролетели как сон. Казалось, что я выиграла их все, не проиграв ни одного гейма, что было неправдой – не могу вспомнить, когда я в последний раз играла на турнире матч, состоявший меньше чем из трех сетов. Но выигрывала я легко, и у меня оставалось время, чтобы осмотреться и насладиться атмосферой соревнования. В перерывах между собственными играми я смотрела игры теннисистов из основной сетки, профессионалов.

Мне нравилась та энергетика, которая царила на центральном корте за десять минут до начала ключевой игры. Дженнифер Каприати, Ким Клийстерс и Моника Селеш. И даже тогда, миллион лет назад, доминировали на корте – *куда же от них денешься!* – Серена и Винус Уильямс. Сестрички. Но даже когда я наблюдала за игрой этих теннисисток, а делала я это крайне редко, – если только я не стояла по другую сторону сетки, – то это были наблюдения стороннего, незаинтересованного наблюдателя. Я смотрела на их игру, как другие смотрят на сложную математическую задачу, решить которую предстоит кому-то другому. Я еще не осознавала, что все эти игроки, все эти проблемы будут и моими проблемами тоже. Персональными. И что мне придется разобраться с каждой из них, чтобы попасть туда, куда я хотела попасть.

Я продолжала выигрывать свои игры, и это было самым главным. Неделя пролетела незаметно, и я добралась до финала. Позже я узнала, что в возрасте четырнадцати лет и девяти месяцев я стала самой молодой участницей любого из финалов Открытого чемпионата Австралии.

* * *

В финале мне пришлось играть с Барборой Стрыцовой[35]. Она не только выиграла у меня, но и стала встречаться с моей первой юношеской любовью Филиппом Петцшнером[36]. Мне это совсем не понравилось. Барбора была крепким чешским орешком, которая позже добралась до девятого места в мировом рейтинге. Она напоминала вихрь, который налетал на меня со всех сторон корта, и отбивала мой каждый плоский, сильный мяч на отскоке укороченным ударом, что выводило меня из себя, потому что она набирала все больше и больше очков. Потрясающе! Приходится тратить месяцы и годы, чтобы попасть на игру, а потом, если только ты не можешь заставить мир вращаться медленнее или действительно зубами уцепиться за представившуюся возможность, она заканчивается еще до того, как ты это осознаешь.

В первом сете я не выиграла ни одного гейма. Когда я шла на дальнюю линию после перерыва, я услышала, как отец кричит мне по-русски: «Ты понимаешь, что ты теряешь? Ты теряешь пятьдесят тысяч долларов бонуса от Найк!» Я впервые в жизни услышала, что мой отец заговорил о заработках. Во втором сете я собралась и смогла выиграть пять геймов, но это уже не имело значения. Или если имело, то только для моего чувства самоуважения. Но даже закончив соревнования на такой низкой ноте, я знала, что этот турнир прошел для меня великолепно. Самый молодой

игрок, когда-либо доходивший до финала! У меня было ощущение, что я ушла далеко вперед по сравнению с тем, куда хотела попасть, что я на многие годы опередила свой график.

Но главным событием года – остальные и близко к нему не приблизились – был Уимблдон. Я всегда по-особому относилась к этому турниру, хотя и никогда еще не участвовала в нем. Для меня он стоял отдельно, возвышаясь над всеми остальными турнирами – может быть, потому, что мой отец говорил о нем постоянно. Для него это был совершенный турнир, победа в котором была окончательной и непререкаемой. Он сиял в его воображении. Открытый чемпионат Австралии, Открытый чемпионат США, Открытый чемпионат Франции? Да, это все турниры Большого шлема, и все они важны. Но Уимблдон важнее их всех. Остальные были спортивными событиями, где все вертелось вокруг денег и толп зрителей. Но Уимблдон был грандиознее этого. Потому что речь на нем шла о королеве и ее свите. Об аристократах. О красных мундирах гвардейцев. О роскошных покрытиях и эпических битвах на зеленой траве. Турнир сопровождал аромат истории и империи. Это была Англия. И если вы выросли в бедном белорусском городке, как мой отец, если вы наблюдали за соревнованиями (если их вообще транслировали) на мерцающем черно-белом экране телевизора, Уимблдон действительно должен был выделяться. Юрию удалось передать мне это ощущение уникальности в самом юном возрасте. Каждая игра важна, каждый турнир заслуживает моего абсолютного внимания, но Уимблдон всегда был и до сих пор находится в другой категории. Это сама душа игры. Это квинтэссенция всего.

В тот год, 2002-й, я впервые попала в это уникальное место. Была ли я взволнована? Естественно. Эту историю я слышала с детства, и вот теперь у меня появилась возможность прогуляться по ее страницам. Мама приехала с нами, что было достаточно необычно. Сам Уимблдон – это деревня в юго-западном пригороде Лондона. Там есть главная улица и переулки, древние деревья и тенистые места, пансионы, в которых предлагается ночлег с питанием и несколько гостиниц. Но большинство игроков предпочитает арендовать на эти две недели дом – *в надежде*! – что им достанется играть до самого конца.

В тот первый год мы тоже арендовали крохотный коттедж в самой деревне. Я влюбилась в него с первого взгляда. О большем я и не мечтала. Я просыпалась, и лучи солнца заливали мою крохотную комнатку, или мне приходилось кутаться в тяжелое лоскутное одеяло в преддверии еще одного серого утра. Потом я спускалась вниз, открывала входную дверь, и

там, на очаровательном крылечке, меня уже ждала бутылка свежего прохладного молока! Потрясающая разница с чередой обычных гостиниц и раздевалок. На каждом шагу в деревне располагались магазинчики, кафе или пекарни. Это было воплощение другой жизни, которой я могла бы жить, родись я в другом месте и в другое время. Один из ресторанов – маленькое заведение с тайской кухней – постоянно привлекал мое внимание. В нем всегда было полно народа и надо было ждать своей очереди. Мы туда так и не зашли, но я запомнила его: если – *а лучше когда* – я вернусь в Уимблдон, я обязательно зайду в него.

Раздевалка была полна сплетничающих игроков. Журналисты ждали у дверей. Для меня это было внове. Кому может быть интересно, что я скажу? Шкафчики были крошечными, а ванные… Фи! Когда я пошутила по этому поводу, одна из девочек рассказала мне, что шестнадцать первых посеянных номеров из основной сетки пользуются другой раздевалкой – сказочным местом, задрапированным роскошным бархатом, среди которого блестит фарфор. Ох уж этот капитализм! Ох уж этот Запад! Они всегда дают тебе какую-то практичную игрушку, помимо просто престижа и денег. Играешь ты не только ради денег. Но и ради раздевалки с отдельной ванной! И ради свежей пахучей клубники! И ради приличного шкафа, в который можно повесить свои вещи!

Для меня этот турнир оказался очень удачным. Я без проигрышей дошла до юниорского финала, в котором меня разгромила, в трех сетах, еще одна русская девочка, Вера Душевина[37]. Но не это запомнилось мне больше всего. Больше всего мне запомнилось то, что произошло после игры, когда я переодевалась возле своего влажного крошечного шкафчика. Я засунула свои вещи в сумку и собиралась уже вернуться в коттедж, но перед тем как я вышла, официальный представитель турнира протянула мне приглашение. Оказалось, что все игроки – и юниоры и профессионалы, и мужчины и женщины, – которые дошли до финала, приглашаются на Уимблдонский бал, большое гала-событие прямо из книжки сказок (или так мне тогда казалось), где герцог такой-то и леди такая-то в сопровождении свиты будут танцевать с победителями и проигравшими под звуки мазурки в исполнении оркестра, а луна будет лить свой серебряный свет на Англию.

Женщина, которая передала мне приглашение, стояла рядом и наблюдала за тем, как я его читаю, но – это самое главное – никуда *не уходила*.

– Звучит очень мило, – сказала я, посмотрев на нее и улыбнувшись.

– Вы будете там, мадам?

– Хотелось бы, но у меня нет платья, – ответила я.

– Об этом мы позаботимся, – сказала женщина и щелкнула пальцами или подала какой-то другой сигнал. И откуда ни возьмись появился мужчина с колоссальным количеством платьев, которые он разложил на столе. Я выбрала длинное с бисером и ушла.

Когда я шла в сторону коттеджа, улицы Уимблдона были пустынными. Над тропинками висел туман. Турнир закончился. Практически все другие игроки уже упаковали свои вещи и уехали. Эта странная вещь начинает происходить, когда ты глубоко погружаешься в турнирную жизнь. Неожиданно ты оказываешься во множестве пустых мест, пустых залов, пустых раздевалок. Толпы игроков, членов их семей и тренеров начинают исчезать. К четвертьфиналам остается только горстка уцелевших. И чем лучше ты выступаешь, тем меньше становится окружающий тебя мир. Я помню это странное ощущение, которое было у меня, когда я уходила в тот день. Это было дежавю наоборот. Помню, как я смотрела по сторонам, на эти здания и на этот туман, и не могла отделаться от ощущения, что я еще буду здесь. И уже не как юниор.

Когда я пришла, Юрий читал газету. Он не заметил платья, которое я повесила в шкаф в прихожей.

– Что хочешь на обед? – спросил он, не поднимая глаз. – Может быть, стоит попробовать то индийское заведение?

– Прости, – ответила я, – но у меня другие планы.

– Какие планы?

Мама помогла мне одеться. Мы ощутили что-то необычное, глядя друг на друга в большое зеркало в маленьком коттедже, улыбаясь и обмениваясь шутками. Думаю, что это был лучший момент вечера. Сам бал сильно разочаровал меня.

Хотя один момент я запомнила. Все вошли в большую комнату вместе – все, кроме победителей в женском и мужском одиночных разрядах, которые появились только после того, как все остальные расселись. Они входили по одному, при этом каждый из них проходил через громадные, украшенные орнаментом двери и шел между столиками, а те, кто за ними сидел, сначала задержали дыхание от восторга, а потом разразились приветственными криками. Я сидела за столом вместе с другими юниорами. Этот стол напоминал детский стол на свадьбе. Мы сидели как раз возле входа. В тот год турнир выиграла Серена Уильямс. В финале она победила свою сестру Винус. Уже тогда она стала отдаляться от других игроков и начала эту безумную гонку за своим превосходством над всеми. Он вошла, широко улыбаясь, с высоко поднятой головой и

расправленными плечами, на все 100 % используя тот триумф, который давало ей это грандиозное появление. Одобрительные крики все не утихали. Люди стали подниматься на ноги. Они аплодировали стоя.

Девочка, сидевшая рядом со мной – не могу вспомнить ее имени – стукнула меня по плечу.

– Вставай! Вставай! Это Серена Уильямс! – кричала она.

Я хотела встать, но мое тело не слушалось меня. Казалось, что я прилипла к стулу и теперь смотрю на Серену сквозь толпу с единственной мыслью в голове: «Я до тебя доберусь».

Глава десятая

В апреле 2003 года мне исполнилось шестнадцать и я, наконец, стала достаточно взрослой, чтобы отыграть весь профессиональный сезон. Я уже почти перестала расти, но все еще набирала массу. Мне необходимо было стать сильнее, жестче и восстановить свою координацию. Слишком много талантливых игроков на моих глазах тускнели в третьем сете, если не уделяли этому достаточно внимания. Сила означает внутренние резервы организма, а внутренние резервы – это все в тяжелых матчах.

В поездках меня сопровождал отец. Время от времени к нам во время крупных турниров присоединялась мама, но она не выдерживала напряжения происходящего, не могла сидеть на трибунах, не имея возможности контролировать игру, и вынужденная только наблюдать за ней.

– Как можно попасть прямо в сетку, – спрашивала она меня, – когда сетка высотой всего несколько футов, а над ней простирается бескрайнее небо?

Так же редко к нам присоединялись Ник Боллетьери с Робертом Лансдорпом. В основном это были только я и мой отец, так же, как и в самом начале моей карьеры, переезжающие с турнира на турнир, из города в город, из гостиницы в гостиницу, Из Северной Америки в Азию, в Европу, а потом опять в Северную Америку. Это тяжелая, изнурительная работа. Которая кажется бесконечной. Как будто ты путешествуешь вокруг земного шара за восемьдесят дней. Ты посещаешь множество стран, но не видишь ни одной из них. Ты живешь в пузыре профессионального тура. Одни и те же лица, одни и те же соперницы, одни и те же междоусобицы. И один и тот же день, который повторяется снова и снова, и снова.

Мне понадобилось какое-то время, чтобы выработать свой рабочий ритм в этом турне, и может быть, поэтому я с таким трудом начала свой первый год в профессионалах. Сезон начался, как и всегда, Открытым чемпионатом Австралии, на котором я не выиграла ни одной игры. Было такое впечатление, что я и гейма-то ни одного не выиграла. Все, что я помню – это долгий перелет, гостиница, проигрыш и пустота, которая накатывает на тебя как прилив, будучи следствием этого проигрыша. Мы что, проделали весь этот путь только для того, чтобы провести здесь этот серый денек? То же самое случилось и на Открытом чемпионате Франции,

следующем турнире Большого шлема, который играется в начале лета. Я заехала в гостиницу, несколько дней провела на тренировочных кортах, готовя себя к событию, выполняя все свои рутинные упражнения только для того, чтобы выйти на корт и проиграть. Я хотела бы сказать, что я хотя бы получила удовольствие от Парижа, насладившись его музеями и ресторанами, но нет, нет, этого тоже не произошло. Все дело в том, что, независимо от страны, когда ты проигрываешь, то оказываешься в одном и том же гиблом месте. Мне предстояло еще очень многому научиться, прежде чем начать достойно выступать на профессиональных турнирах. Я все еще была ребенком, которому исполнилось только шестнадцать и который продолжает учиться. Интересно, а что делали другие девочки в моем возрасте? Какие уроки они «извлекали», как советовали мне мои тренеры?

– Ты должна понять, почему ты проиграла, – объяснял мне мой отец. – Должна постараться определить, что именно пошло не так. А после того, как ты это определила, ты должна напрочь забыть об этом. Сначала ты должна вспомнить, а потом забыть.

Вспомнить, забыть. Вспомнить, забыть. В этом случае, если ты опять окажешься в подобной ситуации, ты попытаешься использовать тот же самый дурной шанс, но на этот раз он сработает. Именно это подразумевал Роберт, когда говорил о «крепких нервах». Это то, что имел в виду Юдкин, называя «упертостью». Прячешь голову в песок? Складываешься как карточный домик? Превращаешься в осторожного игрока, который полагается на удары с высоким процентом попадания, или выходишь на корт и продолжаешь рисковать? Помнишь? Или забываешь? А пока я выигрывала достаточно матчей в мелких турнирах, происходивших между турнирами Большого шлема, что давало мне возможность подниматься в рейтинге. Очень быстро я вошла в первую сотню. А к Уимблдону в июне я была уже сорок седьмой ракеткой мира.

В Уимблдоне произошло мое возрождение. Я всегда так встряхиваюсь от помпезности этого места. Было очень приятно поменять все эти гостиницы на идеальный небольшой городок, в котором ты можешь вести некоторое подобие нормальной жизни. Город похож на деревню, которую строят на детской железной дороге – он напоминает игрушечный, с пряничными домами и мансардными крышами, с высокими чердачными окнами, стекло в которых такое старое, что помутнело, но все еще отражает солнечные лучи, с улицами, прямыми и извилистыми, с цоканьем копыт, которое переносит тебя в девятнадцатый век, с тентами над магазинами и светом в ресторанных окнах после наступления сумерек. А

корты! А трава на этих кортах! Я люблю менять красный грунт Европы на зеленую траву Англии. Скорость этих кортов, то, как мяч низко планирует над их поверхностью – это же совсем другое дело. Свои первые годы на корте я провела в Сочи, на грунте. Он, конечно, не был похож на красный грунт Франции, на этот тончайший суглинок. В городе Сочи грунт был твердым и легко превращался в грязь. Во влажную погоду ты возвращался с корта по уши в этой грязи. Но вскоре я практически полностью переключилась на корты с жестким покрытием в южной Флориде, где скорости настолько высоки, что ты как будто играешь на стекле. Это мое родное покрытие. Но трава, особенно трава в Уимблдоне, какой она была пятнадцать лет назад, вскоре стала моим любимым покрытием.

Перед соревнованиями я получила «уайлд-кард», что обеспечило мне попадание прямо в основную сетку. Такие приглашения обычно даются молодым спортсменам, восходящим звездам, бывшим чемпионам и местным любимчикам. Обладание такими приглашениями дает спортивным агентствам некоторую власть над игроками. Они могут ждать, пока их клиент медленно поднимается до уровня крупных турниров, а могут, как Зевс, протянуть руку и вознести его на центральный корт. Это был мой первый турнир, в котором я оказалась в основной сетке. А мои воспоминания ограничивались юниорским Уимблдоном – играми с юниорами и в турнире для юниоров, детским столом на балу, вкусом мороженого и королевским выходом Серены. В первом круге я играла с Эшли Харклроуд[38]. Американка Эшли на момент начала соревнований была тридцать девятой в мировой классификации. А я к этому моменту еще не выигрывала ни одного турнира Большого шлема. Другими словами, казалось, что такая соперница мне не по плечу. И тем ни менее все сложилось удачно. В том матче я проиграла только три гейма. С каждым розыгрышем я становилась все сильнее и сильнее, и игра закончилась меньше чем через час.

По-видимому, я здорово кричала, когда била по мячу – так сильно, что в конце матча кто-то на трибунах стал издеваться надо мной, выкрикивая: «Громче!» А я даже не замечала этого. Крик поднимается откуда-то из глубины, сталкивается с мячом и управляет им так же, как и мои удары справа или слева. Понимала я это или нет, но мой крик стал превращаться в некую проблему. В предыдущем турнире в Бирмингеме, который состоялся за пару недель до Уимблдона, я играла против Натали Деши[39]. Игра проходила на дальнем корте, в одном из первых кругов, и вдоль корта стояло несколько пластиковых стульев для зрителей. В середине первого

сета муж Деши обратился к стюарду соревнования и пожаловался, что я кричу слишком громко. Ему было сказано, что поделать с этим ничего нельзя. После матча, который я выиграла в двух сетах подряд, муж Деши подошел к моему тренеру. Он извинился и сказал, что я произвела на него большое впечатление и что он больше никогда не будет жаловаться на мои крики.

После игры с Харклроуд обо мне стали говорить по телевизору как о «русской сенсации», что было смешно, если вспомнить о том, что это была моя первая победа на турнирах Большого шлема. Кроме того, по телевизору говорилось об игроках из России, которые неожиданно «появились на сцене». В тот год на Уимблдоне нас было восемнадцать. Я всегда чувствовала себя так, как будто жила своей собственной жизнью и принимала свои собственные решения, а оказалось, что я была лишь частью волны, поднятой силой, во много раз превосходившей силу моего отца.

Во втором круге я играла с одной из русских, с Еленой Бовиной, крупной девушкой, ростом выше шести футов и двух дюймов и с сильным ударом двуручным бэкхендом. В тот год она уже успела выиграть несколько турниров, но я, казалось, летела на гребне волны, готовясь к лучшим играм в своей жизни. Я выиграла у нее с явным преимуществом, опять проиграв всего четыре гейма за весь матч. В основном выиграла я за счет подачи, которая на травяном покрытии становилась серьезным оружием.

Третий круг – и первое серьезное испытание на турнире профессионалов. Я играла против Елены Докич[40], четвертой ракетки мира. Она была знаменита своей игрой с Мартиной Хингис в 1999 году, когда она практически раздавила Мартину, которая тогда была первой ракеткой мира, со счетом 6–2, 6–0. Насколько я знаю, в Уимблдоне это единственный случай, когда первый номер мировой классификации проиграл спортсмену, пробившемуся через квалификационные матчи. Она была старше, более зрелой, и в том 2003 году находилась на пике своей карьеры. В каждом турнире, в котором она принимала участие, ее считали кандидатом на победу. Каждый мяч она била изо всей силы, и они разлетались по всему корту. Иногда казалось, что за ней невозможно угнаться. А кроме того, у нее был собственный, отмороженный на всю голову теннисный папаша – знаменитый Дамир Докич, который постоянно заставлял Елену менять гражданство: с сербского на австралийское, а потом с австралийского снова на сербское. Считалось, что я проиграю и буду счастлива, что добралась так далеко. Вместо этого – я сама не могла в

это поверить – я выиграла в двух сетах подряд 6–4, 6–4, и стала от этого еще счастливее. В тот вечер мы наконец зашли в тайский ресторан. Еда была изумительная.

В четвертом круге я встретилась со Светланой Кузнецовой. Обстановка была напряженной еще до начала матча, потому что опять русская играла с русской – и кто из них будет лучшей, кто понесет знамя и так далее. Светлана была на несколько лет старше меня, ее отец был олимпийцем и тренером олимпийцев, а это кое-что да значит. Он с детства имел доступ к такому опыту, который нам приходилось приобретать годами тяжелейшего труда и многих поражений. Я участвовала в турнире с «уайлд-кард», но мне удалось удивить ее. Это становилось уже привычным делом. Я удивляла всех, особенно саму себя. Предполагалось, что для Кузнецовой это будет легкая разминка, потому что она любила контрактовать и доставала любой мой силовой удар, а у меня в молодости были серьезные проблемы с контратакой. Но то, что должно было выглядеть как разминка, превратилось в настоящий бой. Меня можно победить, но это всегда нелегко. Все решалось в третьем сете. Она выиграла матч, но это был один из тех редких случаев, когда поражение не раздавило меня. Более того, я чувствовала себя воодушевленной и даже вдохновленной. Это был один из тех странных матчей, когда проигравший уходит с корта более удовлетворенный, чем победитель, думая: «Я могу побеждать». А победитель думает: «Я в этом не уверен». В четвертьфинале Кузнецову выбила Жюстин Энен. В полуфинале Энен проиграла Серене Уильямс, которая в финале вновь победила свою сестру Винус и стала чемпионкой Уимблдона.

Я же добралась до второй недели Уимблдона, что для шестнадцатилетней девочки было колоссальным достижением. К четвертьфиналам безумие первых дней турнира сошло на нет. Игроки проигрывали и уезжали – Уимблдон менялся и становился спокойнее. Я хорошо помню, как последний раз в том году выходила из теннисного комплекса. Стояла тишина – корты, здания и дорожки были пусты. Днем, со всеми этими толпами, трудно рассмотреть сам Уимблдон, потому что видишь только людей. Но сейчас я его видела, действительно видела.

Было семь или восемь вечера. Помню, я обернулась и посмотрела назад, стараясь зафиксировать в памяти каждую зеленую веточку плюща на оградах и кирпичных стенах, каждую лужайку и ощущение того, насколько все кругом тихо и прекрасно. Я просто стояла, летели секунды, но окружающая атмосфера просто ошеломила меня. В самой глубине души я чувствовала необычность этого момента. Я не хочу сравнивать его с

моими ожиданиями – потому что я ничего не ждала от Уимблдона. Никто и никогда не рассказывал мне *о таком* Уимблдоне. Ни мои тренеры, ни мои родители. Мой отец всегда говорил мне, что это вершина теннисного мира, на которой тебе обязательно захочется оказаться, но он никогда не пытался объяснить мне, почему. Или просто не мог найти для этого слов. Но теперь я хорошо понимала, что он имел в виду.

* * *

Свой первый профессиональный турнир я выиграла в сентябре. Это был Открытый чемпионат Японии. Бетси Нагельсен выиграла этот турнир в 1979 году, когда в нем впервые приняли участие женщины. В этом была какая-то особая симметрия. В финале я победила Анико Капрош[41], победила в третьем сете на тай-брейке, что было достаточно драматично для первой победы. Кроме того я выиграла последний турнир года – Белл Челлендж в Квебеке, и меня назвали «Новичком года» по версии WTA. Профессиональные победы оказались во многом похожи на то, о чем мне говорил мой отец. Ты поднимаешь над головой кубок, толпа приветствует тебя криками, но все это длится одно мгновение. А потом ты опять оказываешься на Богом забытом корте, на котором ты занимаешься бегом с ускорениями под жужжание комаров.

В профессиональном теннисе существует очень короткое межсезонье – такое короткое, что его можно воспринимать как шутку. Для женщин это период, грубо говоря, с конца октября до подготовительных турниров, которые предшествуют Открытому чемпионату Австралии в январе. А если говорить о действительно свободном времени, то это период, который продолжается два месяца, с Хэллоуина и до Рождества. Самый долгий период без тенниса, который я позволяю себе в это время, – это десять дней, потому что как только я отбиваю последний мяч этого сезона, я уже начинаю думать о том, как я могу улучшить первый мяч следующего. В 2003 году я провела эти два месяца в Лос-Анджелесе, работая с Робертом Лансдорпом практически каждый день. Мне необходимо было закрепить все, что я наработала в сезоне, улучшить каждый элемент моей игры, пусть и чуть-чуть. Кроме того, мне надо было стать сильнее, гораздо сильнее физически. Теперь я играла против взрослых женщин, хотя во многом я сама оставалась еще ребенком. Худенькие руки и ноги. Может быть, мне и было шестнадцать лет, но выглядела я на двенадцать.

Хотя я и стала зарабатывать кое-какие деньги, их все равно не хватало. Мы жили с родителями в тесной квартире с двумя спальнями на самой границе Торранса[42], и старались тратить как можно меньше.

Единственной роскошью, которую мы себе позволяли, была арендованная машина, на которой я могла добираться до места тренировок и назад домой. Роберт все еще шутит по этому поводу:

– Как-то я проходил мимо той квартиры – это было в середине декабря – и подумал: «Что за дыра!» До Рождества оставалось всего несколько дней. По всему Лос-Анджелесу сверкали витрины магазинов, а у вас не было даже елки! В то время у меня был сентиментальный период в жизни, и я подумал, что стыдно, что у этого ребенка не будет Рождества. И вот мы с моей бывшей женой отправились в магазин, купили там большую елку, украшения, подарки, мишуру и макушку в виде звезды, и нарядили это дерево у тебя дома, пока вас с Юрием не было. Твоя мать впустила нас. Она смотрела на нас как на сумасшедших. Не знаю, помнишь ли ты хоть что-то, но елка была изумительной, просто идеальной, так что, если бы у тебя даже не было бы ничего больше, у тебя все равно была идеальная елка.

Мне не хватило духу сказать Роберту Лансдорпу, что елки у нас не было потому, что мы принадлежим к русской православной церкви. Так что Рождество мы празднуем в январе.

Лансдорп никогда не был силен ни в стратегии, ни в традиционном коучинге.

– Не забивай ей голову всей этой ерундой, – говорил он моему отцу. – Пусть она просто бьет по мячу.

Лансдорп был за то, чтобы во всем следовать инстинкту, поэтому просто выпускал меня на корт, чтобы я играла в свою игру.

– Руки сами знают, что делать, даже если мозг колеблется, – говорил он мне.

Я лучше всего воспринимаю именно такой метод коучинга, который я бы назвала минималистским, коучингом без коучинга. Чем меньше, тем лучше. Большинство тренеров любят изучать твоих противников и разрабатывать сложные стратегии победы. Но я предпочитаю быть тем игроком, которого изучают. Пусть они ломают себе головы. Я хочу просто играть. Конечно, мне можно дать пару-тройку намеков на то, как выиграть матч. Сказать, например, чтобы я била ей под левую руку или заставила ее побегать, но если вы говорили еще что-то, я начинала думать о том, когда же начнется игра. Это одна из причин, почему мне так хорошо работалось с Лансдорпом. Его божеством был удар. И если вы спрашивали его перед игрой о том, какую стратегию он выбрал конкретно на этот матч, он обычно отвечал:

– У меня одна стратегия – бей до победного конца!

Глава одиннадцатая

Профессиональный годовой теннисный цикл состоит из целой серии этапов. Ты начинаешь с Австралии, в которой в конце декабря – начале января играется пара турниров. Если вы захотите понаблюдать за ними в Америке по телевизору, то вам придется вставать в полночь. Эти соревнования готовят вас к первому турниру Большого шлема в году, который проходит в Мельбурне.

2004 год оказался одним из лучших в моей карьере. За два года до этого, в самом конце 2002-я занимала 186-го строчку в женском мировом рейтинге. К концу 2003-я была уже 32-й. Я стабильно поднималась в рейтинге и в 2004-го этот подъем должен был продолжиться.

Началось все с уверенного выступления на Открытом чемпионате Австралии, которое оказалось гораздо лучше, чем мой предыдущий провал. В первом круге я победила Кончиту Мартинес Гранадос[43] (вот это я понимаю – имя!) в двух сетах подряд. Я вышла на корт посеянной под двадцать восьмым номером, а это значило, что, хоть я и не элита, но ко мне стоит присмотреться и всерьез воспринимать во время игры. Это был первый раз, когда я участвовала в турнире Большого шлема как посеянный, а не просто приглашенный, игрок. Уже тогда моей лучшей чертой была моя концентрация и сталь во взгляде. Меня можно победить, вынудив выйти к сетке или заставив меня лишний раз ударить по мячу, но, если вы посмотрите мне в глаза, у вас не будет никаких шансов. Это у меня от Юрия. Взгяд игрока.

Открытый чемпионат Австралии играется в прекрасном комплексе в Мельбурне. Когда турнир начинается, в Австралии стоит лето, переходящее в осень, и время от времени – в сельской местности идет сбор урожая – до вас доносится запах выжженной травы на полях. А если ветер дует в правильном направлении, с неба на землю падает тонкий белый пепел. И если это случается во время вашей игры, то вы видите нечто невероятное, как будто посреди лета идет снег.

Ко второму кругу у меня выработался определенный режим: я приезжала за четыре часа до своей игры, шла на корты и разминалась, а потом встречалась с Юрием и своим тренером. Тогда это был Эрик ван Харпен.

Вторую игру я тоже выиграла в двух сетах подряд, победив Линдсей

Ли-Уотерс[44], которая была старше меня на десять лет – целая вечность по теннисным стандартам.

В теннисном мире постоянно происходит одна странная вещь – все или только что появились, или собираются уходить. Так вот, она собиралась уходить. А я была ребенком, который выиграл несколько игр, но все самое лучшее было у меня впереди. Другими словами, я как раз только что появилась и моя карьера только начиналась.

Не успела я оглянуться, как вышла в третий круг, проиграв по ходу всего одиннадцать геймов. Казалось, что все становится на свои места в самый необходимый момент. Как будто то, чему меня долгими часами учили на кортах Роберт Лансдорп, Ник Боллетьери, Юрий Юдкин и мой отец, вдруг проявилось в моих руках и плечах. Я постоянно наносила низкие, плоские, удары с отскока, выходила, на отбив мяча, подавала по углам корта. И надо сказать, что в третий круг я вышла в состоянии эйфории. Если ты в таком состоянии выходишь на корт, то очень часто твоя соперница с удовольствием возвращает тебя в реальность. На этот раз это была Анастасия Мыскина, еще одна хорошая теннисистка из России. Она была на несколько лет старше меня и действительно играла лучше, хотя сама этого никогда не ощущала, потому что она не была на корте взрывной, не отличалась мощной игрой и не была физически сильной. Однако она читала игру и легко определяла, куда полетит следующий мяч, как будто это не стоило ей никаких усилий. И не важно, насколько сильным или тяжелым был мяч, она всегда могла отбить его туда, куда было нужно, и сделать это с поразительной точностью. Я вышла на матч в приподнятом настроении – со своей силой и энергией я считала, что способна победить любого. Может быть, я была слишком самоуверенна. Может быть, я находилась в зоне комфорта и не смогла понять, каким образом уравновешенность Мыскиной и ее способность отбивать практически любой удар могут мне навредить.

Победа в теннисе сродни достижению религиозной веры. Ты не можешь добиться ее только своими действиями. Помимо этого, тебе необходимо благодать свыше, и ты не должен воспринимать ее как нечто, данное тебе раз и навсегда.

Мыскина разбила меня в трех сетах 6–4, 1–6, 6–2. Я столкнулась с ней как раз тогда, когда она выходила на пик своей карьеры. Потом окажется, что тот год был ее лучшим годом в профессиональном теннисе. Весной она выиграет Открытый чемпионат Франции и доберется до третьего места в женской мировой классификации. Но после этого у нее наступит спад. В какой-то степени я только появилась, а она должна была скоро уйти.

Конечно, для меня это ничего не значило в тот момент, когда я проиграла последнее очко и печальной подошла к печальной сетке для печального рукопожатия. Я ненавижу проигрывать. И думаю, что каждый игрок ощущает то же самое. К этому невозможно привыкнуть даже с возрастом. Проигрыш всегда воспринимается ни много ни мало как маленькая смерть. За все эти годы я научилась справляться с этой острой болью от проигрыша. Начинается все с «усвоения уроков». Каждый проигрыш учит тебя чему-то. И чем быстрее ты учишься на поражениях, а потом о них забываешь, тем лучше ты будешь чувствовать себя в будущем. Но все это надо делать очень быстро! Последнее, что тебе надо после поражения, это обсуждение этого поражения. Не забудь повторить себе, что это только теннис, просто игра, хотя ты в это никогда не поверишь. Трудно сохранять спокойствие сразу же после того, как проиграл важный матч. Ведь тебе кажется, что это не просто игра. Кажется, что ты проиграла все на свете. И в дополнение ко всему этому проигрывать стыдно, просто очень стыдно. Все смотрят на тебя оценивающими взглядами и просят объяснить, что же произошло. Так что все кончается тем, что ты сидишь перед своим шкафчиком и думаешь: «И какого черта я могу услышать на этой пресс-конференции? Позвонить мамочке сейчас, или потом? И что надеть? Может быть, шляпу, чтобы скрыть полные слез глаза? И какие мудрые слова смогут найти мои дедушка и бабушка, когда они позвонят? А это произойдет через… уже через три минуты. И они все еще будут расстроены результатами этой игры, когда я приеду к ним через две недели. И надо попытаться позвонить мамочке, чтобы она постаралась успокоить меня. Но это не сработает. Мне понадобится много часов, чтобы справиться с этим».

Нет, дело не только в теннисе. В такие моменты думаешь обо всем и обо всех. Вы просто не можете прекратить думать о том, что тебе надо сказать или сделать. Надо бронировать билет, потому что здесь ты уже закончила и надо двигаться дальше. А еще тебе надо упаковать свои вещи, и сделать это быстро, но тебе не хочется ехать в гостиницу, потому что там тебя все знают, и все знают, что ты проиграла, и будут смотреть на тебя полными сочувствия глазами, а это самое неприятное. А глаза тех, кто радуется твоему поражению, будут светиться от счастья.

Вот еще несколько слов из моего дневника, который в те юные годы я вела постоянно:

Со временем я выработала свой собственный метод лечения. Нечто, что я называю «шопинг-терапией». Когда кажется, что тебе необходима встреча с психиатром, пойди в магазин и купи вместо этого пару обуви. И

если это хорошая обувь, то все твои терзания испарятся. Зачем платить 300 долларов на какую-то никчемную беседу с психиатром, когда можно за те же деньги стать обладательницей отличной пары туфель, которыми сможешь наслаждаться каждый день? Люди! Это просто здравый смысл!

Может быть, лучший урок по поводу проигрыша и того, как с ним бороться, был преподан мне на одном примере. Это был настоящий дар мне, хотя дарительница и не собиралась делать мне подарок. А может быть, и собиралась. Никогда не знаешь наверняка. Это было во время одного из турниров, который проходил Бог знает где и на котором Ким Клийстерс, бельгийская теннисистка, которая мне очень нравилась, проиграла, и проиграла на очень раннем этапе. Но казалось, это ее не расстроило и не смутило. Совсем нет. Я столкнулась с ней возле раздевалки. Сначала я отвернулась, но потом посмотрела ей прямо в глаза, потому что никогда точно не знаешь, как вести себя в подобной ситуации. В тот раз я была тем самым человеком с ужасными, наполненными сочувствием глазами. Ким направлялась на пресс-конференцию, другими словами, прямиком в яму с дерьмом. Все знают ее как улыбчивую, всем довольную девушку, но на корте она ведет себя жестко и беспощадно, оказывая постоянное давление на противника. Хотя, если назвать имя спортсменки, которая нравится всем, то это именно Ким Клийстерс. Среди участников соревнований она считается хорошей девочкой, которая не может совершить ничего плохого. И вот она шла в пресс-центр, после того как проиграла в первом или во втором круге, и была абсолютно расслаблена и спокойна. *Боже, да она же выглядит счастливой!* Думаю, что это случилось с ней после того, как она родила, стала матерью. Может быть, это оказало на нее такое влияние. Жизненный опыт, помимо опыта бить по мячу, может творить чудеса. Перспектива, вот что важно! Я посмотрела на нее и подумала: «Как классно!»

И с тех пор, после каждого проигрыша, я вспоминаю нашу встречу и то достойное восхищения отношение Ким к своим собственным поражениям. Она научила меня, что каждый раз, когда тебя сбивают с ног, ты должна подняться с улыбкой, как будто хочешь сказать:

– Ах это? Да это так, ерунда.

После проигрыша я вернулась во Флориду. У меня было несколько недель для подготовки к нескольким турнирам на твердом покрытии в США. Я провела их, тренируясь в академии, увеличивая время своих тренировок и стараясь подойти к турнирам в наилучшей форме. И именно на одном из этих турниров, после того как прошло столько времени, я

встретилась с Сереной Уильямс. Ощущение было: «Ну, наконец-то». Казалось, что я годами нарезала круги вокруг нее. Я слышала от отца о Серене и Винус Уильямс с того самого момента, как мне исполнилось шесть лет. Я следила за ними через отверстие от выпавшего сучка в съемочном сарае в академии Ника Боллетьери, когда мне было двенадцать. Я видела одетую в платье Серену со своего места за детским столом на балу в Уимблдоне, когда мне было четырнадцать. И вот теперь я смотрела на нее с единственной позиции и под единственным ракурсом, который был действительно важен – через сетку на теннисном корте. Это был Открытый чемпионат Майами в апреле 2004 года. Я вышла на корт первой, как и полагается игроку, занимающему более низкую строчку в квалификации, и, оглядываясь вокруг, ждала ее. Потом появилась Серена. Ничто не может приготовить вас к тому, как она смотрится на корте.

Несколько лет назад моя подружка, Челси Хандлер, прилетела, чтобы посмотреть на меня, играющую на Олимпийских играх в Лондоне. Она совсем не интересуется теннисом и предпочитает свою кружку с Пиммсом[45] всему, что может произойти на теннисном корте. Но когда Серена вышла на наш финальный матч за золото Олимпиады – а она была в самом расцвете, – Челси осмотрела ее с ног до головы, повернулась к моему тренеру и спросила:

– Ну и какой же у вас план на эту игру?

Именно так я себя и чувствовала, когда впервые вышла на корт против Серены. Какой у меня план на игру? Прежде всего, Серена выглядит гораздо мощнее и больше, чем это можно понять, глядя на нее по телевизору. У нее толстые руки и ноги, и она пугающе сильная. И высокая. По-настоящему высокая. Я смотрела через сетку – никуда не денешься – она стояла напротив! Она занимала больше места, чем все остальные игроки, если вы понимаете, о чем я. Это было и ее присутствие, и ее уверенность в себе, и ее личность. В Майами она выглядела значительно старше меня. Мне тогда вот-вот должно было исполниться семнадцать. А она была взрослой женщиной, опытной и лучшей теннисисткой в мире. Мое отношение к ней ничуть не изменилось. Даже сейчас она может заставить меня почувствовать себя маленькой девочкой.

Начав играть, ты понимаешь, что главное – это разобраться с ее уверенностью в себе. И если ты хочешь попытаться выиграть, то тебе надо проделать в ней дыру. Конечно, есть и ее подача, и ее удары с отскока, и сама игра, но большую роль в твоем поражении играет то, как она к тебе относится. Она смотрит через сетку с неким презрением, как будто ты ничего не значащая козявка. Конечно, это ее выражение только на игру, но

оно работает. Так что свой матч я начала уже запуганной. А еще ее характер, который может быть взрывным и непредсказуемым. Она не боится кричать, бросать ракетку и цапаться с судьями по поводу решений, которые ее не устраивают. Сначала за этим интересно наблюдать, но потом ты начинаешь раздражаться.

Может быть, именно на это она и рассчитывает – с одной стороны, она выпускает пар, с другой – доводит противника до белого каления. Она ведет себя так, как будто она единственный игрок на корте, единственный человек, с которым приходится считаться. А ты? А ты просто кочка на ее дороге. Ноль без палочки. У многих великих игроков именно такой образ мышления. У Серены же он просто зашкаливает. Лучший способ вести себя с такими людьми – я знаю это по собственному опыту – это выдержка, сводящая с ума выдержка и царственное спокойствие. Это просто выносит им мозг.

Тот матч Серена выиграла, но я поняла, что если буду продолжать работать, то смогу приблизиться к ее уровню. Может быть, я заставила и ее чуть засомневаться. По ходу матча были моменты, когда я думала, что смогу справиться с ее мощью, скоростью и универсальностью. Неискушенный зритель в некоторых эпизодах нашей игры с трудом бы отличил чемпиона от новичка. Для меня эта игра была встречей со страхом. Это свойственно чемпионам – они в какой-то степени рассчитывают на ваш страх перед ними.

Их защищает некий пузырь. Проткни его, и все станет возможным.

* * *

Несколько дней спустя я улетела в Европу. Хотела потренироваться и привыкнуть к грунту до того, как начнется европейский этап. IMG договорилось с теннисной академией Хуана Карлоса Ферреро в Виллене, Испания, что я смогу поселиться у них на короткое время. В отдельных домиках на территории академии жило еще несколько профессиональных игроков, которые тренировались на кортах, включая полного тезку академии, местного героя, которого тоже звали Хуан Карлос Ферреро[46]. За те несколько недель, пока я следила за тем как Ферреро тренируется, за его приходами и уходами, за тем как он говорит и ведет себя, как он убирает волосы с глаз, я умудрилась основательно втюриться в него.

Ферреро – сейчас он уже закончил профессиональную карьеру и ему за тридцать – в то время был худым, не очень высоким мужчиной с взъерошенными волосами, темными от природы, но выкрашенными в светлый цвет, и теплым, озорным взглядом. В теннис он начал играть в том

возрасте, когда был еще слишком мал, чтобы понять, хочется ли ему этого, как и большинство из нас. Но были в его поведении какая-то отстраненность, спокойствие и легкость. В предыдущем сезоне 2003 года он выиграл Открытый чемпионат Франции. Его фотография, сделанная после того, как он выиграл последнее очко, прочно застряла у меня в голове. Она была наглядным воплощением радости, осознания достигнутого успеха и освобождения. Когда ты выигрываешь, то, наконец, позволяешь себе стряхнуть все это напряжение и стресс – и именно так это и должно выглядеть. Ты наконец начинаешь жить полной жизнью, а не разбитой на отдельные моменты, в каждый из который ты должен отбить следующий удар. Должно быть, я видела это фото на первой полосе какой-то газеты, возможно, лежащей в киоске или засунутой в сетку впереди стоящего кресла на самолете. Ферреро только что выиграл матч. Мяч, вполне возможно, еще движется за границей объектива, медленно приближаясь к поверженному игроку, Мартину Веркерку[47]. Хуан Карлос упал на колени и смотрит в небо, как будто хочет поблагодарить того, кто отвечает там за теннис и турниры Большого шлема. Я никогда не забуду этот момент. Я часто повторяю жесты людей, которыми восхищаюсь. Не нарочно. Это происходит случайно. Может быть, таким образом я благодарю их.

В 2004 году Ферреро было двадцать три, а мне шестнадцать. То есть во многих странах отношения между нами были запрещены законом. Но что я могу сказать на это? Сердцу не прикажешь. Я внимательно следила за ним. За тем, когда он уходит и приходит. Строила планы. Обычно я стояла у окна своего домика, за закрытыми шторами и следила за каждым его движением. И тут возникала серьезная проблема. У Хуана Ферреро была девушка! Вполне возможно, она была лучшей девушкой в мире, но я могла смотреть на нее только как на препятствие, которое разрушает мои мечты. Когда они стояли вместе, все такие милые, я вспоминала о том, что я самое глупое существо на свете – по уши влюбленный ребенок.

Юрий ничего об этом не знал. Конечно, когда мне удалось поговорить с Ферреро, я была вежлива, скромна и глуповата. Думаю, что он догадался. Позже я узнала, что в испанской академии об этом знали буквально все. Наверное, я ходила за ним как потерявшийся щенок. Я благодарна ему за то, как он вел себя со мной нежно и серьезно, ни разу не заставив почувствовать себя кем-то, кроме взрослой и привлекательной женщины, хотя при этом мягко, в свойственной ему манере, дал понять, что отношения между нами невозможны.

Той весной игралось несколько небольших турниров для того, чтобы

мы могли увеличить нашу уверенность в своих силах, выносливость и поработать над координацией. Это все прелюдия к Открытому чемпионату Франции, похожая на увертюру к опере. В Париж вы приезжаете в мае, в лучшее время года в городе. Место проведения турнира, Роллан Гаррос, похоже на сказку, с собственными уютными трибунами вокруг главного корта, с зелеными знаменами, которые окружают арену и контрастируют с красным цветом грунта, с толпами зрителей. Меня посеяли под девятнадцатым номером. Верхние строчки сетки были заняты номером первым в женской мировой классификации – Жюстин Энен, и вторым номером – Сереной Уильямс. Энен выиграла Открытый чемпионат Франции в предыдущем году. Она была одним из лучших игроков на грунтовых покрытиях всех времен, если не самым лучшим. Казалось, что нет ни одного мяча, который бы она не могла возвратить на половину противника, особенно на грунтовом покрытии. Она сводила меня с ума, когда с невероятной точностью возвращала мне через сетку мой каждый, казавшийся мне идеальным, удар.

Энен была невысокой и не слишком могучей женщиной, но здесь это не имело значения. На Открытом чемпионате Франции не было культа силы, как на Открытом чемпионате США или даже на Уимблдоне. В Париже главное – это хорошая физическая форма и умение думать. В сухой день красный грунт твердый и прохладный. Игра становится быстрой, и сила может стать фактором победы, но если появляется хоть малейшая влажность или начинает моросить дождь, то грунт начинает поглощать влагу и корт становится очень вязким и медленным. Его поверхность превращается в подобие густого супа, любые попытки выиграть очко сходят на нет, а грунт начинает гасить отскок даже при самых сильных, плоских ударах. Игра в подобных условиях – это вопрос настойчивости и опыта. Профессионалы, которые выросли на этом покрытии, чувствуют его ритм и знают, когда стоит замедлиться и начать скользить, чтобы тебя практически вынесло на мяч. Они получают преимущество, когда дождь уже идет, или шел, или будет идти, что происходит минимум один раз за весь турнир. Открытый чемпионат Франции славится тем, что не жалует великих игроков. Джимми Коннорс. Джон Макинрой. Мартина Хингис. Винус Уильямс. Ни один из них не выигрывал Открытый чемпионат Франции.

В первом круге я в двух сетах выиграла у Барбары Шварц[48], проиграв при этом только три гейма. Она была австрийкой, левшой, с очень сложным бэкхендом, который она наносила одной рукой. Второй круг?

Опять два сета. На этот раз против итальянки Риты Гранде[49]. И опять я проиграла только два гейма. Вся работа, которую я проделала в испанской академии, окупалась. В третьем круге было немного сложнее. В нем я играла против еще одной русской – Веры Звонаревой[50]. Я могла бы выиграть матч и в двух сетах, но что-то в ее игре мешало мне, я чувствовала себя не в своей тарелке – как будто мы приговорены всегда заканчивать наши встречи в третьем сете. В четвертом круге – опять два сета подряд. На этот раз я выиграла у немки Марлен Вейнгартнер[51], известной в основном по своей фантастической игре против Дженнифер Каприати на Открытом чемпионате Австралии в том же году. По ходу игры она проигрывала 6–4, 4–1, но каким-то образом смогла собраться и выиграть.

Не успев моргнуть глазом, я оказалась в четвертьфинале – впервые за все время выступлений в турнирах Большого шлема, – где должна была встретиться с Паолой Суарес[52] – жесткой и умной аргентинкой, которая уже давно побеждала на различных турнирах. Ростом она была пять футов семь дюймов, а это значит, что я возвышалась над ней, но, как я уже говорила, это грунт…

К тому моменту в Париж приехал Макс. В IMG все здорово возбудились. Все выглядело так, что возможно – только возможно – мне в этом году удастся подняться достаточно высоко на турнирах Большого шлема, и занять более высокое место в мировой классификации. Мне было семнадцать лет, и всего два матча отделяли меня от моего первого финала в турнирах Большого шлема. Все игроки, посеянные под более высокими номерами – Серена Уильямс и Амели Моресмо, Лидсей Дэвенпорт и Винус Уильямс – уже сошли. Это же грунтовое покрытие. На какое-то мгновение показалось, что у меня очень хорошие шансы.

Вечером, накануне матча, Макс сидел с отцом в баре.

– Скажи мне честно, Юрий, – попросил он, – может ли Мария действительно победить завтра?

Юрий вздохнул и пожал плечами. Он хотел, чтобы Макс поумерил свои ожидания. Папа верит, что слишком неуемные ожидания – это так же опасно, как жизнь впроголодь.

– Если, когда мы проснемся утром, – ответил Юрий, – на небе не будет ни одного облачка, тогда может быть, но только может быть у нас появится шанс.

Суарес была гораздо опытнее меня. Когда идет дождь, грунтовое покрытие становится медленным и для того, чтобы мяч у меня

действительно стал летать, мне нужно было, чтобы покрытие позволило играть как можно быстрее – это был мой единственный шанс. Итак, на следующее утро, в день игры, я встала в туалет и, возвращаясь в постель, отодвинула штору и выглянула на улицу. И как вы думаете, что я увидела? Настоящий ураган: небо было серо-стального цвета, и дождь хлестал по тротуарам. Я проиграла в двух сетах подряд. Здорово, когда у тебя есть отмазка. На этот раз это была погода. Это не я – это хляби небесные! У проигрышей в четвертьфиналах есть свой положительный момент – это значит, что ты уже освободилась и можно думать о бальзаме на душу или о «шопинг-терапии».

Пройдясь по бульварам с призовыми деньгами в кармане, я направилась в Англию. Это еще одна особенность профессионального сезона – как бы плохо ты себя ни ощущала впереди тебя ждет еще один турнир, еще один шанс собраться, еще одна возможность искупить грехи. Ты закрываешь одну страницу и открываешь новую. Ты выбрасываешь все из головы и вновь забиваешь себе голову. Мы отправились прямиком в Бирмингем, индустриальный город в Мидлендс. Турнир в Бирмингеме – это настройка перед Уимблдоном. Всегда так здорово перейти с грунта на траву. Как приятно вновь обрести эту скорость. Помню, на первой тренировке в Бирмингеме я медленно бежала вдоль кортов, оттягивая тот момент, когда, наконец, я ступлю на траву, которая была такой мягкой и зеленой. Тогда я остановилась и стояла просто так, стараясь надышаться окружающей атмосферой. Опять на траве. Опять на траве. Боже, как же на ней хорошо, гораздо лучше, чем на этом гребаном грунте. Совсем не как во время муссонов в Париже, когда мои ноги, казалось, прилипали к покрытию.

В ритме вальса я выиграла Бирмингем Классик – казалось, что сыграть мне пришлось всего две игры. Думаю, что это было началом. В перерывах между матчами я проводила время в гостинице и в городе с еще одной теннисисткой. Мария Кириленко[53], русская девочка, была, наверное, тем, кого я могла бы назвать своей турнирной подружкой. Она была моего возраста и выросла в атмосфере, которая была только чуть дружелюбнее, чем та, в которой выросла я. При первой возможности мы объединялись – ходили обедать после игр, посещали магазины, болтали. Именно с ней в годы юности – благодаря ее отрицательному влиянию, ха-ха! – я совершила свою единственную кражу в жизни. Кражу из магазина, практически на спор. Это было давление твоей ровни:

– Хочешь? Так бери! Не будь трусишкой, Мария! Неужели ты так испугалась? Ну, давай же!

Это была маленькая круглая баночка с кремом для тела «Нивея». Я засунула ее в пальто и вернулась с ней в гостиницу, но так и не смогла заставить себя пользоваться ею. Она стояла рядом с моей зубной щеткой и бальзамом для губ как немой укор. Через два дня я ее выбросила.

В тот год я вместе с Кириленко наблюдала за финалом Открытого чемпионата Франции по телевизору в ее номере. Мы обе сыграли неплохо, так что теперь могли наблюдать и сравнивать. Это был русский финал в Париже. Анастасия Мыскина против Елены Дементьевой. Мыскина легко победила – в двух сетах подряд – но меня это мало волновало. Меня волновало только то, что одна из этих девочек станет первой русской, выигравшей турнир Большого шлема. Мне не понравилось ни то, как это звучало, ни то, как я к этому отнеслась. Я хотела быть этой первой.

* * *

В Уимблдон мы приехали в начале июня, за неделю до начала игр турнира 2004 г. Надо было акклиматизироваться, заставить свое тело поверить в то, что оно здесь выросло, что ни в этом месте, ни в этих играх нет ничего особенного и что это просто часть твоей рутины. При этом, естественно, я не могла отрицать того, что город этот особый и что я себя в нем великолепно чувствую. Главная улица с магазинчиками и кафе вдоль нее, кондитерские и послеобеденный чай, толпы зрителей, широкие дороги в тени деревьев в начале лета. Еще раз – все здесь было идеально.

Мы забронировали себе дом за пределами деревни, и в этом была наша ошибка. Исчезло очарование места, его фен шуй, или как там это называется. Все было не так. Я позвонила Максу и пожаловалась. Когда начинаешь выигрывать, то ты можешь смело делать подобные звонки.

– Прошу тебя, Макс, найди нам новое место, – попросила я.

И он это сделал, быстро забронировав для нас какой-то мини-отель в полумиле от тренировочных кортов. Это был громадный старый дом с множеством чердачных окон, над которыми нависала крыша. Прекрасная лужайка, высокие окна в комнатах с высокими потолками и большое крыльцо. Я просто влюбилась в него. Этот дом, вне всякого сомнения, одна из частей моего успеха в Уимблдоне, часть победного рецепта. Он создавал необходимую атмосферу. В нашем распоряжении был весь третий этаж. Сам дом принадлежал милой паре с тремя детьми – младшему было два года. Когда ты играешь в большом турнире, то присутствие рядом двухлетнего малыша, это просто дар небес: он интересуется всем и в то же время ничем не интересуется. И вот эта его незаинтересованность, счастливая незаинтересованность, напоминает тебе о том, что, в конечном

счете, все твои потуги – это пустые хлопоты. Есть сегодняшние чемпионы – через десять лет чемпионами станут другие. Все пройдет, так что наслаждайся жизнью – вот что говорит тебе двухлетка. Такой образ мыслей позволяет тебе играть свободно и не напрягаясь. Когда выходишь на корт, волнуясь, но волнуясь не слишком сильно, тогда ты становишься опасной, даже если тебе всего семнадцать лет.

Я быстро привыкла к ежедневной рутине. Каждое утро я завтракала с папой наверху, на третьем этаже. Овсянка. Или вареное яйцо и немножко клубники. Папа разговаривал со мной о моей подаче, или приеме, или о том, с кем мне придется играть, или о том, что я должна думать, или о том, что я должна делать. Один из детей имел привычку легко разрушать все эти стратегии, задавая глупые детские вопросы вроде: какая разница между обезжиренным молоком и худыми людьми[54]? Или: если пойдет дождь, то как это скажется на песочных куличах?

После завтрака я располагалась на крыльце и наблюдала за тем, как передо мной проходит целый мир, размышляя или не размышляя ни о чем, а потом хватала свои вещи и направлялась на тренировочные корты Аоранги, которые являются частью Уимблдонского комплекса. Иногда меня встречал мой тренер, и тогда мы шли вместе. Меня уже знали в теннисном мире, но за его пределами я была неизвестна. Я не была селебрити (жуткое слово), а это значило, что я могла безо всяких проблем ходить, где мне заблагорассудится.

На корте я разминалась, пробегала несколько кругов и начинала отрабатывать удары. Справа, слева, первая подача, вторая подача – при этом я тратила больше времени на отдельные элементы игры, которые требовали моего внимания. Это напоминает строительство замка из песка. Не успеваешь укрепить одну часть, как другая начинает рассыпаться. Обычно я заканчивала, моделируя возможные сценарии поединков: перерыв и начало второго сета, вторая подача; счет 40–40, первый сет, надо выиграть подачу противника, и так далее. Тренировка заканчивалась работой с мячами из корзины, как это всегда происходило с Робертом. Мой тренер набрасывал мне мячи один за другим – десять минут непрерывных ударов, ударов, ударов и ударов, так что завершала я на знакомой ноте. Так же я поступаю и до сих пор.

Однажды, направляясь на тренировку, я на что-то наступила. Я не знала, что это было, услышала только странный хлюпающий звук и почувствовала на подошве что-то чужеродное. Когда я добралась до раздевалки, то почувствовала запах – жуткий, жуткий запах. Наверное, так воняет в аду. Я с осуждением посмотрела на других игроков в комнате,

прежде чем с ужасом поняла… Я согнула ногу и посмотрела на подошву. Все канавки были забиты тем, что показалось мне в тот момент самым черным, жирным и вонючим собачьим дерьмом в мире. Я негромко выругалась. Так значит вот это что, подумала я, самое мощное загрязняющее вещество животного происхождения – дерьмо корги.

В Уимблдоне в раздевалках есть что-то вроде дежурного. Женщина сидит в помещении и готова помочь вам с вашими проблемами. Она может выстирать или зашить вашу форму и так далее. Мне было очень неудобно, но я принесла ей свою кроссовку.

– Я наступила на собачье дерьмо, – объяснила я, – и теперь не знаю, что мне делать. Мне нужна эта пара. У вас есть шланг или что-то в этом роде?

– Без проблем, – ответила женщина. – Это Уимблдон. Такое случается достаточно часто.

Я вернулась к своему шкафчику и стала переодеваться, роясь в сумке в поисках запасной пары кроссовок. Когда я вышла из раздевалки, ко мне подошел старик, отвечавший за функционирование помещений. У него не было нескольких передних зубов, но при этом он улыбался. Говорил он с каким-то провинциальным акцентом.

– Привет, Мария. Слышал, вы кое на что наступили на лужайке.

– Именно, – простонала я. – Я наступила на собачье дерьмо.

– Это не собачье дерьмо, – возразил старик. – Я хорошенько его рассмотрел. Это дерьмо лисицы!

– Боже! – воскликнула я. – Да это просто ужасно.

– Нет, – ответил он со смехом. – Как раз наоборот. Это очень здорово! Лисье дерьмо означает, что вам очень повезет. Очень! Может быть, это даже значит, что вы выиграете турнир.

Это был первый намек на то, что на этот раз Уимблдон будет для меня особенным.

Неделя перед первым матчем была долгой и несложной. Если ты хочешь подойти к большому турниру со спокойной душой, то тогда долгие часы, когда ты ничего не делаешь, или читаешь, или убиваешь время со своей командой, становятся важным этапом твоей подготовки. Другими словами, несмотря на мои тяжелые тренировки, я поняла, что ничего не делать – это так же важно, как делать все.

Практически каждый вечер мы ели в одном и том же тайском ресторане. В том самом, куда мы направились вечером того дня, когда я огорчила Елену Докич в прошлом году и который с тех пор стал для нас символом удачи. В мире нет более суеверных людей, чем спортсмены, в тот период, когда они выигрывают. Дошло до того, что мы перестали

смотреть в меню. Заказывали по номерам. Я всегда заказывала № 8 и № 47 – блинчики с овощами и говядину на сковороде с луком. На гарнир я заказывала № 87 – жареный рис.

В ту неделю я почти все свое время проводила со своей командой – с отцом, с инструктором Марком Веллингтоном и тренером Маурицио Хададом. Мария и ее мужчины! Мы настолько расслабились, что стали играть в игры и делать ставки, те, что обычно делаешь, когда не имеешь реального шанса выиграть. Например, ставку, которую я назвала «пари на лысину». Однажды мы шли на тренировку, и вдруг я ни с того, ни с сего предложила:

– Давайте заключим сделку. Если я выиграю, вам, ребята, придется побриться налысо.

Их первая реакция было: «Ни за что на свете!» А потом мой тренер сказал:

– Хорошо. Но если ты не выиграешь…

– А вот это уже нечестно, – прервала я его прежде, чем он смог продолжить. – Вы же знаете, что я никогда не выиграю.

Какое-то время все шли молча, размышляя.

– Знаешь что, Мария? – сказал, наконец, мой тренер, – если ты выиграешь этот турнир, выиграешь Уимблдон, мы побреемся везде, даже сама-знаешь-где.

Все согласились с ним. Они об этом забыли. А я нет.

Мне было семнадцать лет. Я выросла в мире тенниса, стала взрослой в профессиональных турне. Моя жизнь только начиналась, но я чувствовала себя так, как будто мне было сто лет – так много уже успело случиться со мной, столько приключения я уже пережила, столько кризисов, взлетов и падений, столько поворотов колеса фортуны. Я уже успела наиграться в теннис, нанести удары по бессчетному количеству мячей, побывать в стольких городах и весях. Именно поэтому иногда теннисистка в двадцать девять лет может выглядеть самым старым человеком на земле. Она уже прожила большую часть своей жизни, была юной, потом зрелой, а потом дожила до момента «убирайся с корта, ты слишком стара». Профессиональная спортсменка в жизни умирает два раза. Естественной смертью, как и все остальные в конце жизни, а еще в тот момент, который находится гораздо ближе к моменту ее рождения, когда она теряет ту единственную жизнь, которую знает.

Ну а во всем остальном я была типичным тинейджером. Девочкой, которая превращалась в женщину и совсем не была к этому готова. В тот год на Уимблдоне я впервые поняла, что я, наверное, хорошенькая. Мне об

этом никто не говорил, и я не заметила в себе ничего нового. Но эти взгляды, которыми смотрели на меня другие мужчины, даже те, которые казались мне жутко старыми…

Несколькими годами позже я написала об этом в своем дневнике. Вот прямая цитата из него без всяких комментариев:

Неожиданно все эти двадцатипятилетние мужики стали на меня пялиться – приходится притворяться глухой и слепой. Не могу понять, на что они смотрят. Я вынуждена прятать свои светлые волосы и длинные ноги. И, вы только послушайте меня, это не помогает. Ничего не помогает, и нет никакого выхода. Самое безобидное – это когда они указывают на меня пальцем и кричат: вон Шарапова, и все кругом замирают. Может быть, я и преувеличиваю, но я чувствую это именно так. Наверное, они слишком возбуждены, чтобы прятать свои чувства, но послушайте, мне ведь только семнадцать.

Не успела я оглянуться, как неделя закончилась, и вот я уже в раздевалке готовлюсь к первой игре. Утром небо было безоблачным, но сейчас поднялся ветер и заморосил дождь. В этом главная опасность Уимблдона. Если тебя не достанет Серена Уильямс, то погода достанет точно. Я приготовилась к длительному ожиданию – мой матч был назначен после мужского поединка, и никто не мог сказать, сколько они будут играть. Но так как они играют до трех побед в пяти сетах, то можно было догадаться, что ждать придется долго. Естественно, что эти ребята стали разыгрывать пятый сет – никто в этом не сомневался, – потому что в мужском теннисе логика отсутствует полностью. Зачем мучиться и играть первый сет, когда точно знаешь, что придется играть пятый? Сначала я завелась, но потом оказалось, что это даже к лучшему, потому что именно во время этого ожидания я нашла свое любимое место в Уимблдоне – раздевалку «только для членов клуба». Да-да, раздевалку которая мне, наконец, понравилась!

Разогревшись и перекусив, я отправилась в раздевалку, потому что помещение для игроков на Уимблдоне напоминает зоопарк: родители, агенты, журналисты и масса других непонятных личностей. В раздевалке было только две скамейки, и я уселась на одной из них и бездельничала целый час. Мария Кириленко тоже ждала начала своей игры, так что мы поболтали и порешали русский кроссворд, который она принесла с собой. Пока мы ждали, мы съели по три чашки клубники, но без сливок. Сливки слишком тяжелая еда перед игрой. Время тянулось медленно, очень медленно. Наконец нам все это надоело, и мы вернулись в помещение для игроков, чтобы посмотреть, что там происходит. Мы нашли свободную

скамейку и уселись, наблюдая за окружающими. Рядом села Линдсей Дэвенпорт и заговорила с нами.

Линдсей – высокая американка, теннисистка из первой десятки рейтинга, с одним из самых мощных ударов среди всех спортсменок. Она работала с Робертом Лансдорпом до меня. Во многом именно потому, что мой папа всегда восхищался ее игрой и заметил ее схожесть с моей, он и стал разыскивать Лансдорпа. Из-за этого между нами установилась какая-то связь. Линдсей заговорила со мной доверительным, почти таинственным голосом. После того, как мы обменялись обязательными фразами, касающимися этой «ненормальной английской погоды», она наклонилась поближе и поинтересовалась, нет ли у меня своей собственной секретной стратегии.

– Почему ты не раздеваешься в раздевалках «только для членов клуба»?

– Минуточку. Где?

– Есть специальные раздевалки для игроков, посеянных под первыми шестнадцатью номерами, – объяснила Линдсей.

У меня был номер тринадцатый, у Линдсей пятый. У Винус третий, у Серены – первый.

– Ты что, не знала об этом? – удивилась Линдсей. – Надо обязательно сходить и посмотреть.

Моя русская подружка не поднялась выше тридцать второго номера. Поэтому я сказала ей «прощай», оставив ее с клубникой и кроссвордом. Нам пора расстаться, подумала я, может быть на время, а может быть, и навсегда. А потом я поднялась и направилась к раздевалкам членов клуба. «Поднялась» – это хорошее слово, потому что я попала прямо в рай. Я хочу сказать, что эти раздевалки, раздевалки «только для членов клуба» в Уимблдоне, вещь совершенно уникальная. Когда ты входишь, то оказываешься в небольшой прихожей с картинами восьмидесятых годов. Направо расположена уютная гостиная с двумя удобными лежаками, а прямо перед тобой находится собственно раздевалка, самая красивая в мире. В ней всего восемь шкафчиков, но это лучшие шкафчики, напоминающие небольшие кабинки, которые принадлежат только тебе. У них высокие двери и никаких замков, потому что вся эта роскошь – это твоя личная раздевалка. Я смогла сдержаться, хотя про себя закричала от радости.

Я все еще улыбалась, выходя на свой первый матч, в котором я быстро вынесла украинку Юлию Бейгельзимер[55]. Но самое важное для меня в тот день произошло после того, как я вышла из раздевалки после игры. Я то ли шла по темному холлу, то ли поднималась по лестнице. Точно я не помню,

но у меня было ощущение, что я поднимаюсь – именно поэтому я думаю, что это была лестница – и столкнулась с кем-то, кто спускался мне навстречу. Этот человек, когда мы разговаривали, стоял на несколько футов выше меня. Это был Хуан Карлос Ферреро. Он уже выиграл свою игру и у него был этот невозмутимый и славный вид, который как бы говорил «день-закончился-и-мне-нечего-больше-делать». Он как раз возвращался с пресс-конференции – я уже рассказывала, что это настоящая яма с дерьмом, не важно, выиграл ты или проиграл. Теперь мне было семнадцать, а ему двадцать четыре, но чувства остались прежними. Я была влюблена в него по уши, и даже не в самого Хуана Карлоса Ферреро, а в свою любовь к нему. Поэтому все, что он говорил, казалось мне или смешным, или важным.

– Мария, Мария, – улыбнулся он мне, – смешно, что мы встретились именно сейчас. Я только что общался с журналистами, и они спросили меня, кто, по моему мнению, выиграет женский турнир. И я сказал, что это, без сомнения, будет Мария Шарапова. Я поставил на кон свою репутацию, Мария, – добавил он, рассмеявшись. – Так что не подведи меня. Не заставляй выглядеть идиотом.

Мое имя, когда его произносил Хуан Карлос со своим испанским акцентом, звучало просто волшебно. Глупо, но воспоминания об этой встрече сопровождали меня все оставшиеся дни турнира. Они добавляли мне чуточку уверенности в себе и чуточку мотивации. Я не просто выигрывала. Я доказывала, что Хуан Карлос Ферреро не зря поверил в меня.

Во втором раунде я играла с Энн Кеотавонг[56]. Она была местной, любимицей всего города и одной из лучших теннисисток Великобритании, но меня было уже не остановить. Когда я смотрю на съемки того турнира, меня не перестают удивлять несколько вещей. Первое – как я была юна. Уже не ребенок, но все еще в процессе превращения во взрослую. Еще не та, какая я теперь, но нечто сформировавшееся только наполовину. Второе – это выражение моего лица, как будто моя противница, и не важно кто она, нанесла мне личное оскорбление и теперь наступило время отмщения. У меня нахмуренные брови, закрывающие глаза. Прядь волос хлещет меня по лицу. Я ничего не слышу вокруг себя. Это, кстати, один из способов завести себя перед игрой – убедить себя, что была совершена несправедливость, а твоя миссия заключается в мести. Иными словами – в тот год у Энн Кеотавонг не было никаких шансов. Два сета подряд 6–4, 6–0.

И вот еще что смешно. В тот год я была настроена выиграть Уимблдон,

и на пути к победе меня ждало множество событий и великих матчей, но ни в финале, ни в полу-, или четвертьфинале я не показала своей лучшей игры, хотя все они, без сомнения, яркие моменты моей карьеры. Свою лучшую игру я сыграла в третьем круге, когда впервые играла на центральном корте, в присутствии небольшого количества зрителей, против Даниэлы Хантуховой, словацкой теннисистки, которая в какой-то момент своей карьеры входила в первую десятку мирового рейтинга. Хантухова выигрывала Мастерс в Индиан Уэллс и доходила до полуфинала в Уимблдоне. Она очень хорошо играла на траве. Вообще, свой лучший теннис можно показать только на траве. Хороший противник может заставить тебя выполнять такие удары, которые тебе и не снились.

А что же насчет мотивации?

Когда мы сошлись, чтобы посмотреть, как бросают монету[57], я сказала себе:

– *Черт, у нас одинаковые платья!*

К моему ужасу, и на мне, и на Хантуховой была одинаковая форма «Найк». В этом не было ее вины, но меня это вывело из себя, и позже я проследила, чтобы такая ситуация никогда не повторилась. Как? Когда наступило время подписывать новый контракт с «Найк», они включили в него параграф, который гласил, что на каждый турнир, на котором я буду играть, компания будет предоставлять мне эксклюзивную форму. Ни у одной другой теннисистки такой формы не будет, по крайней мере у тех, кого спонсирует «Найк». Но раздражение, которое я почувствовала в тот момент, добавило моей игре необходимого перца.

Очки, которые я выигрывала у Хантуховой, все эти бесконечные розыгрыши мяча – я помню все: давление мяча на струнах ракетки, кроссы, едва касавшиеся линии. Я долго шла к этому моменту. Начало было положено в Испании, потом турниры в Италии и Германии, выход в четвертьфинал Открытого чемпионата Франции, чего я никак не ожидала, победа в Бирмингеме. Я инвестировала свое время в тренировки и турниры, и вот теперь все заработало. Мне казалось, что это самая идеальная игра в моей жизни – этим я хочу сказать, что совершила очень мало ошибок и выполнила каждый удар, заставляя мяч приземляться туда, куда мне было надо. И дело было не только в удачных подачах или очках. Дело было в моем психологическом состоянии, в моей концентрации. Я нащупала свой ритм. Не забывайте, что концентрация – это не только умение сосредоточиться на мяче; это еще и умение отключиться от всего остального мира, способность игнорировать все, кроме корта и девушки, стоящей на другом его конце, которая ждет, когда ее начнут двигать как

марионетку на ниточках. В такие моменты, а они случаются очень редко и ты молишься, чтобы Бог послал их тебе, ты становишься такой проницательной, что даже тупеешь. Не существует ничего, кроме игры, и только игра имеет значение. Я победила в двух сетах 6–3, 6–1, но этот счет ничего не говорит о том, насколько волнующим был этот матч.

В четвертом круге я играла с Эми Фрэйзер[58], о которой можно сказать только то, что я выиграла у нее в двух партиях подряд. Но как только я выиграла последнее очко, мой мир стал меняться. Я еще никогда не проходила так далеко – четвертьфинал, на таком крупном турнире – Уимблдон! Казалось, что весь мир, или что там от него оставалось, повернулся и внимательно посмотрел на меня. Как будто я была черной дырой, которую необходимо срочно заполнить или объяснить. Персонажем, который появляется где-то в начале третьей части фильма, и вы почти слышите, как режиссер поворачивается к сценаристу и кричит:

– А это еще кто такой? Расскажите же нам его чертову предысторию!

Именно тогда и стали рассказывать мою историю. Обо мне и моем отце, о Юдкине и корте в Сочи, о Мартине Навратиловой и «клинике» в Москве, о годах борьбы – по телевизору один из комментаторов сообщил, что отец работал официантом, чтобы покупать мне мячи и ракетки – о Боллитьери и Лансдорпе. Пока я играла, об этом писали в газетах и негромкими голосами рассказывали по телевизору. «У нее интересная история…» Ничто не заводит так, как история твоей жизни, рассказанная Джоном Макинроем. Советую всем послушать. Конечно, в этом таилась и доля опасности. Вдруг вся эта известность вскружит мне голову, нарушит чары, разрушит транс глубокой концентрации и, как пузырь, вырвавшийся на поверхность среди других пузырей, этот сон лопнет.

Помню, как я сидела с тренером в столовой Уимблдона. Обычно мы сидели тихо, никто нас не трогал – не трогал потому что кому мы были нужны? – ели и разговаривали о теннисе. Неожиданно все глаза повернулись в нашу сторону – или мне это только показалось? Люди подходили и поздравляли меня, спрашивали о моем самочувствии, давали советы. Группа теннисных чокнутых – не знаю, как они смогла проникнуть в столовую, но это были японцы – попросили разрешения сфотографировать меня. Когда они ушли, я увидела, что мой тренер немного заволновался. Он схватил меня за руку и посмотрел мне прямо в глаза.

– Я знаю, что вокруг тебя много чего происходит, – сказал он, – и многое из происходящего для тебя внове, но ты должна оказать мне услугу. Прошу тебя надеть шоры на следующие пять дней и смотреть только на дорогу прямо перед собой.

Четвертьфинал маячил передо мной, как частокол. Центральный корт, телевизионная трансляция по всему миру, настоящее событие! Из сотен и тысяч теннисисток по всему миру остались только восемь. И среди этих восьми, мое имя выделялось. Это напоминало вопрос из *Улицы Сезам*[59]: Какая из этих вещей лишняя? Другие девушки были чемпионками, которых ждал международный Зал теннисной славы[60] – Серена Уильямс, Лидсей Дэвенпорт… И… Нет-нет, я была уверена в себе и точно знала, кто я такая и на что я способна, но кто еще знал об этом?

В четвертьфинале я играла с Ай Сугиямой[61], цепкой теннисисткой, способной отбить любой мяч независимо от его скорости. Играть против нее – это все равно что играть в пинг-понг. Любой мяч она принимает из нижней стойки – огромное преимущество при игре на траве. И так она

может стоять часами. Эта игра досталась мне нелегко, она истощила меня физически. Я стала уставать. Сугияма в чем-то похожа на меня – она отказывается сдаваться, даже когда ее побеждают. То есть до момента полной капитуляции.

Я проиграла первый сет с минимальным разрывом и была настроена дать бой во втором. Я видела свои фотографии во время смены сторон между первым и вторым сетами. У меня смущенный и озадаченный вид. В действительно тяжелом матче всегда возникает момент, когда все находится в состоянии зыбкого равновесия, и ты или собираешься, усиливаешь концентрацию и продолжаешь играть, или сыплешься. Или ты, или она. А вот когда обе противницы отказываются сдаваться, тогда и случаются эпические матчи.

Второй сет я выиграла со счетом 7–5. Главную роль сыграла моя подача. Казалось, что каждая моя подача была навылет. И более того, если даже это не был эйс, то подача была достаточно сильной, чтобы навязать Сугияме розыгрыш, который заканчивался не в ее пользу.

В первом гейме третьего сета Сугияма практически взяла мою подачу. Это был ее звездный час, но она его пропустила. Я выстояла, перестроилась и сама взяла ее подачу. Потом последовали качели на протяжении трех геймов. И это решило исход матча. В конце третьего гейма счет, вместо того чтобы быть 4–1 в пользу Сугиямы, был 4–1 в пользу Шараповой. Во время розыгрыша очка в конце пятого гейма я почувствовала, что она начинает сдаваться. Она была раздавлена не с точки зрения ее подачи, а с точки зрения моральных сил. И с этого момента все стало легко и просто. Фактически я впервые почувствовала себя более свежим из двух игроков в конце третьего сета.

Последнее очко?

Я была в белом платье с открытыми плечами, на шее у меня была золотая цепочка с крестиком, которую родители подарили мне в детстве, в ушах – серебряные сережки, подарок друга на семнадцатый день рождения, волосы были заколоты заколками, на ногах были короткие белые носки и белые теннисные туфли. Когда я жду подачу, то раскачиваюсь из стороны в сторону. Между розыгрышами очков я хожу по корту. Это успокаивает нервы и создает некий внутренний ритм. Подачу на матч-пойнт я сделала при счете 40—0. При подаче я громко застонала и заставила Сугияму отойти назад. Она отбила мяч, точно мне под левую руку. Я быстро приняла его и вскрикнула, потому что моя ракетка, по инерции, поднялась высоко вверх. Мяч я послала ей под правую руку. Своим приемом она отправила мяч за пределы корта и все было кончено.

5–7, 7–5, 6–1. Я вскинула руки, подняла лицо к небу и выкрикнула что-то вроде «Спасибо тебе, Господи!». Я видела ложу, в которой праздновала моя команда. Руки отца были воздеты к небу, так же, как и у меня. Вот от кого я этому научилась!

Случилось неслыханное. Я добралась до полуфинала Уимблдона.

* * *

Как правило, чем ближе ты к победе, тем сложнее становится твоя задача. С каждым новым кругом ставки растут, психологическое давление увеличивается, конкуренция становится жестче, а шансы на выигрыш уменьшаются.

О том, что в полуфинале я играю с Линдсей Дэвенпорт сообщил мне отец. Не помню точно, что я подумала, услышав эту новость, но, наверное, что-нибудь вроде «… твою мать». Я была ребенком. Линдсей была женщиной. Я была слабой, Линдсей сильной. Я была жилистой и худой. Линдсей мощной и плотной. Как я уже говорила, во многом мы играли в один и тот же теннис. Предпочитали силовую игру на задней линии, подавали плоские и низкие мячи без закрутки – всему этому мы обе научились у Роберта Лансдорпа. Ей было двадцать восемь лет, и кое-кто уже начал поговаривать о ее уходе. В тот момент она не была первым номером классификации – им была Серена, – но она была им с перерывами в течение девяносто восьми недель. Линдсей была одной из величайших теннисисток мира. Другими словами, мне предстояло терпеть и терпеть, пока не появится шанс прыгнуть выше головы. А как еще, по вашему мнению, я могла победить Линдсей Дэвенпорт? Она была такая же, как я, только больше, сильнее, старше и опытнее. Она была такая же, как я, но только много лучше.

Как это называют в школах? Антропоморфизм? Когда погода полностью отражает твое внутреннее состояние? Утром того дня, когда должна была состояться игра, небо было затянуто облаками. Грозовые фронты накатывались с континента. Все вокруг было темным и мрачным. Когда я отправилась на корты, дождь то прекращался, то начинался. Я проделала все свои обычные упражнения: растянулась и побегала, а потом минут сорок разминалась на тренировочном корте, но все это время сердце у меня было в пятках. Это был самый серьезный тест в моей жизни, то, для чего мой отец и я работали все эти годы.

А потом, через какое-то мгновение, я была уже на центральном корте, ожидая начала первой игры. Для начинающих игроков центральный корт окутан мистикой. Каждая его деталь похожа на откровение свыше.

Ощущение этой травы – это не сравнится ни с чем в мире. Как за ней следят и ухаживают и в то же время запускают ее. Совсем чуть-чуть. Пересыхающая на краях, выцветшая так, что зеленый цвет переходит в коричневый, изношенная до такой степени, до которой только богатые люди позволяют изнашиваться своим вещам. Потертые обшлага твидового пальто – это не говорит о том, что вы бедны, это говорит о вашей утонченности и о том, что вы уже давно выше зеленой, зеленой травы и других тщеславных мыслей. А как на этой траве играется – эта точность отскока и скорость – в мире нет ничего, что могло бы сравниться с этим.

А люди на трибунах? Обычная толпа уимблдонских завсегдатаев, которые в тот день поразили меня как самые хорошо осведомленные болельщики в мире. Толпа аналитиков, которая была готова просветить меня рентгеновскими лучами и понять, что я ребенок, который находится здесь не на своем месте. А королевская ложа, в которой сидит королева, аристократы и слуги? И все эти звезды, легенды прошлого – я имею в виду Билли Джин Кинг[62], которая сидела на трибуне и наблюдала за мной глазами, которые видели все в этой игре. Я немного успокоилась, когда посмотрела на свою ложу – каждый игрок получает блок мест для сопровождающих лиц, – где сидели мой отец, мой менеджер и мой тренер. Но всего этого оказалось недостаточно. Уже через несколько мгновений я закончила разогреваться и стояла на подаче, готовая начать игру. Все мое тело было напряжено. Я двигалась очень медленно. Моя рука поднялась вверх, ракетка встретилась с мячом, и мяч перепорхнул через сетку, слегка задев ее, как бабочка.

До этого я никогда не играла против Линдей Дэвенпорт. Я слышала о ее мощи, но одно дело слышать и видеть на расстоянии, а другое – оказаться прямо на линии огня. Это как разница между человеком, который читает о застрявших на морозе, и человеком, который реально находится в центре снежной бури. Линдсей взяла мою подачу, даже не моргнув глазом, и отбила ее мимо меня с ошеломляющей скоростью. Я едва успела среагировать. Пересекла корт, остановилась в зоне подачи и приготовилась, ударив несколько раз мячом о покрытие, прежде чем подать. И опять эта бабочка. Мгновением позже мяч оказался позади меня, и я стала проигрывать в первом гейме со счетом 0—30. Что-то внутри меня содрогнулось. Что-то сломалось. Что-то произнесло: «У тебя нет шансов выиграть».

А потом, и это доказывает, что даже лучшие моменты в жизни зависят от удачи, небо затянули черные тучи и начался дождь. Судья поднял руку, и мы убежали с корта, спрятавшись под навесом. Но пауза оказалась очень

короткой, дождь очень быстро сменился солнцем, и избиение возобновилось так, будто никогда не прекращалось. В первом гейме Дэвенпорт выиграла мою подачу – я взяла только одно очко! – и все покатилось в тартарары. Меня пересилили и переиграли. Она была женщиной, я была девочкой. Она была большой, а я маленькой. Она била по углам корта. Я била в сетку. В этой череде жутких геймов мне казалось, что она ни разу не промахнулась.

Что, черт возьми, случилось?

Думаю, что в какой-то степени это было связано с усталостью. За последние пару месяцев я переиграла в теннис – сыграла столько геймов, взяла столько очков и выиграла столько брейк-пойнтов. Столько блестящих игроков. Столько бесконечных розыгрышей. Мне было семнадцать лет, и я была раздавлена. Измотана. Все мое тело болело. Я узнала о существовании некоторых мышц только потому, что они вопили: «Силы закончились! Силы закончились!» В тот момент мне казалось, что я просто не могу выиграть.

А если тебе так кажется, то ты и не выигрываешь.

Дэвенпорт еще раз выиграла мою подачу и весь первый сет, не дав мне даже понять, что происходит. В самом начале второго сета она опять выиграла мою подачу и была готова выиграть следующую, но мне каким-то образом удалось зацепиться. Вот в какой ситуации я оказалась. В жуткой ситуации. Я проигрываю, перерыв во втором сете полуфинального матча, и в этот момент небеса разверзлись и полил дождь. Игру отложили, и на этот раз все говорило за то, что задержка будет длительной. Я хочу сказать, что лило как из ведра. Я была абсолютным новичком, и для меня все было так внове, что я не знала элементарного протокола. Когда начинается такой дождь, с корта надо убираться как можно быстрее, потому что служители уже ждут с брезентом – они должны быстро растянуть его, чтобы поверхность не превратилась в болото. Но я не торопилась – в мыслях я считала все уже закончившимся, прошла к сумке, медленно запихнула в нее свои вещи, при этом напевала себе что-то под нос, не видя ничего вокруг. Когда я подняла глаза, вокруг меня стояло человек двадцать мужчин – они держали в руках брезент и не отрывали от меня глаз. Где-то даже есть такая фотография. Они смотрят на меня, а я смотрю на них с таким видом, как будто хочу сказать: «Какие проблемы, ребята?»

Когда я пришла в раздевалку, со мной что-то произошло и отчаяние уступило место радости. Я вдруг почувствовала себя самым счастливым человеком на планете. Почему? Да потому что все закончилось! Я прошла

дальше, чем я могла надеяться, а теперь все закончилось! В своих мыслях я была уже на самолете, направляясь домой. Я попросила сделать мне массаж. И вот я оказалась на массажном столе, они массировали мою ногу, а я лежала с закрытыми глазами. Потом я съела шоколадку «Баунти». Вкус оказался восхитительным. А потом я сидела в большом кресле и читала *Hello!* Под аккомпанемент дождя, стучавшего по крыше.

– Билеты на завтра забронированы? – размышляла я. – Да. Возле отеля есть какое-то приличное место для шопинг-терапии? Да.

А потом небо прояснилось и дождь прекратился. Я прошла в спортзал на еще одну разминку, побегала на дороже и приготовилась. После этого у вас есть несколько минут, чтобы поговорить со своей командой. В действительности – всего несколько мгновений. Мой отец и тренер стояли со мной на улице под навесом, с которого стекали капли дождя. Первым заговорил тренер. Обычно он не фонтанирует техническими деталями или планами. Так что его совет был простым:

– Отбивай мячи в корт. Не важно как, не важно, отличными будут твои удары или полным дерьмом. Заставь ее играть. Заставь ее бить по мячу. Заставь ее задуматься. Она только что провела два часа в раздевалке, размышляя. Как ты думаешь, о чем она думала? «Я буду финалисткой Уимблдона». Она созрела, как зрелый персик. А разве тебе не хочется сорвать зрелый персик? Разве это не здорово? Все, что тебе надо, это отправлять этот проклятый мяч на другую сторону корта. Меня не волнует, как ты это сделаешь, но ты должна заставить ее продолжать бить. Если это короткий удар, то выходи к сетке. Пусть она отбивает обводящие удары. Она не сможет попасть по ним после двух часов размышлений о том, как будет здорово попасть в финал.

Тренер ушел, и остались только мы с папой, как всегда в критические моменты. Он улыбался. Нет, он не улыбался – он смеялся.

– Почему ты смеешься? – спросила я.

– Потому что я знаю, что ты выиграешь эту игру, и мне весело, – ответил он.

Наверное, это был первый и последний раз, когда я видела отца, смеющимся перед игрой.

– Ты что, с ума сошел? – поинтересовалась я. – С чего ты взял, что у маня есть шансы победить?

– Потому что ты уже победила, – ответил Юрий. – Потому что накануне ночью я видел сон, который был больше, чем просто сон. И это уже случилось. Ты уже выиграла и эту игру, и весь турнир. Теперь тебе надо просто выполнить то, что уже произошло во сне.

Он схватил меня за руку и внимательно посмотрел мне в глаза своим пристальным, немигающим взглядом.

– Ты выиграешь этот чертов матч, Мария, – сказал он. – Так иди и выигрывай.

– Прости, что ты сказал?

– Ты слышала. Иди и выигрывай.

– Если ты так думаешь, то ты совсем не следил за игрой.

– Я не думаю, я знаю. А теперь иди, выполни все, о чем мы говорили, и выиграй матч.

Тут уже засмеялась *я сама*. Потом я разозлилась, а потом испугалась до потери пульса. Но это возымело свой эффект. Через минуту мое настроение полностью изменилось, и от мыслей о том, что у меня нет никаких шансов и что я проиграла, еще не выходя на корт, я перешла к уверенности что победа будет за мной, если у меня хватит силы воли завоевать ее.

После перерыва все стало по-другому. Как будто я вышла из транса. Вместо тумана перед глазами я ясно и четко увидела окружающий меня мир. Неожиданно *все* мои удары стали находить свои углы на корте и попадать по линии. Я никогда не была мастером передвижений по корту. Вперед-назад – это еще куда ни шло, а вот вправо-влево было совсем плохо. Многие годы Макс называл меня «черепахой». Но если вы наносите удар с достаточной силой и посылаете мяч достаточно глубоко и точно, ваши передвижения ничего не значат. И они действительно ничего не значили после перерыва. Очки выигрывались быстро и четко. Очко. Очко. Очко. Я отбивала ее подачи. Я заставила ее разыграть дополнительный мяч. Я даже выходила к сетке, как этого хотел мой тренер. После перерыва я выиграла свою подачу, потом выиграла подачу Дэвенпорт, а потом опять свою. Три подряд выигранных гейма позволили мне вернуться в игру. Выигрывая, я все больше верила в себя. А чем больше я верила в себя, тем агрессивнее становилась. А чем агрессивнее я становилась, тем больше Дэвенпорт уходила в глухую оборону – всегда опасно заранее думать, что матч выигран – а потом она посыпалась.

Второй сет я выиграла на тай-брейке. Именно этот момент и сломил моральный дух Линдсей. В третьем сете я как будто во весь дух летела на скейтборде вниз по склону. Я еще раз выиграла ее подачу, а потом еще раз. А потом я подала на матч. И попала в угол. Линдсей отбила слишком медленно, и все было кончено. Я опустилась на колени. А потом бросилась к сетке, потрясенная в лучшем смысле этого слова. Линдсей пожала мне руку и сказала что-то вроде: отличная работа, как будто она действительно

так считала. То есть я хочу сказать, вы можете придумать более сложную ситуацию? Мне кажется, что после матча у сетки говорится гораздо больше всякой хрени, чем во всем остальном мире. Но Линдсей человек ранимый и искренний. Мне кажется, что, с одной стороны она участвовала в матче, и в то же время как бы наблюдала за ним со стороны. Поэтому, хотя она и была раздавлена проигрышем – не часто появляется возможность выйти в финал турнира Большого шлема – она могла оценить то, что сделала я, всю невозможность и важность (для меня) такого возвращения. Она радовалась за меня. Я пожала руку судье, помахала болельщикам, но в голове у меня вертелась только одна мысль: «Мне нужно будет платье для Уимблдонского бала».

* * *

В этом турнире 2004 года была приятная для меня гармония. В тот год Мартина Навратилова играла на Уимблдоне последние матчи в своей профессиональной карьере. Ей было сорок семь лет, и она появлялась во Всеанглийском[63] клубе уже в тридцать первый раз подряд. Потрясающе! Она играла за свой двадцать первый титул в парном разряде. Идеальное совпадение. Ведь именно Навратилова заметила меня в той «клинике» в Москве, когда мне было всего семь лет. Она выделила меня из всех, поговорила с отцом и отправила нас в Америку. И теперь, спустя десять лет, наши пути вновь пересеклись. Помнит ли Навратилова ту нашу давнюю встречу? Для нее она не имела никакого значения. А для меня она значила в жизни все.

* * *

За день до финала я проснулась с больным горлом.

Как ни прискорбно говорить об этом, но это вошло у меня в привычку. Я держусь, держусь и держусь, а потом, в самый критический момент, за день до важного матча или события, моя иммунная система сдается. Я дотрагиваюсь до перил, или жму кому-нибудь руку, и, вот вам, пожалуйста, я начинаю кашлять в самый неподходящий момент. Я решила бороться с болезнью при помощи своей силы воли. То есть заставить себя выздороветь точно так же, как я заставила себя вырасти, раскачиваясь на трубе для вешалок в моем шкафу во Флориде.

– Завтра у меня финал Уимблдона, – сказала я сама себе. – Мне непозволительно чувствовать себя меньше, чем на 100 % в финале. И поэтому к финалу Уимблдона я буду чувствовать себя на все сто.

Я сделала все то, что обычно делаю по утрам – потренировалась, а

потом участвовала в пресс-конференции, что является обязательным. К тому моменту, как я вернулась домой, мой нос был заложен, горло болело, и, черт побери, у меня была сильнейшая простуда.

Мы вызвали врача, который появился в доме и осмотрел меня с помощью всех приспособлений, которые были в его большом черном саквояже.

– Ну, что сказать, Мария, – сказал он в конце, пожимая плечами. – Вы больны. Хорошие новости – у вас нет температуры, это не вирус и не грипп. Банальная простуда.

– И как мне с ней бороться? – поинтересовалась я.

– Побольше жидкости, побольше сна и не перерабатывайте, – посоветовал он. – Все, как обычно. Через неделю все пройдет.

Я поблагодарила его, поднялась к себе в комнату, бросилась на кровать и разрыдалась. А потом позвонила маме. Это тоже вошло у меня в привычку. На людях я жесткая и невозмутимая, потому что люди могут причинить зло, а потом я звоню мамочке и начинаю рыдать.

– Почему, почему, почему?

Она заставила меня замолчать и успокоиться, а потом велела мне прекратить себя жалеть.

– Завтра ты играешь самую важную игру в жизни, – сказала она. – Отдохни сегодня и постарайся думать позитивно. Если ты так сделаешь, то все будет в порядке.

Остаток дня я провела в постели, читая бульварные журналы и поглощая чай с медом.

Перед тем как заснуть в тот вечер, я решила заняться аутотренингом. И лежа там, под толстым лоскутным одеялом, в высокой английской кровати, в абсолютно темной комнате, я стала говорить со своим телом точно так же, как Юрий говорил со мной во время перерыва в матче с Дэвенпорт, вызванного дождем.

– Послушай-ка, тело, – сказала я, – завтра утром эта простуда исчезнет, и ты опять будешь здоровым. И это не просьба. Это приказ. Вперед, за работу.

Потом я повернулась на бок, закрыла глаза и попыталась заснуть, но безуспешно. Прежде всего потому, что впереди у меня было завтра, с толпами болельщиков, телевидением, и еще игрой, самой важной в моей жизни. А еще меня ждал противник, который будет давить на меня больше, чем любой другой противник в моей карьере – Серена Уильямс. В прошлом году она выиграла Уимблдон, так же как и годом раньше. Так что теперь она попытается стать первой теннисисткой после Штеффи Граф,

которая выиграет Уимблдон три года подряд. Со стороны она казалась непобедимой, большой, быстрой и сильной; теннисисткой, которая может выиграть очко с любой точки на корте. Может быть, самой лучшей из тех, кто когда-нибудь играл в теннис. И она была старше меня, играла здесь не в первый раз и знала все на свете. И чем больше я думала об этом, чем больше это занимало мои мысли, тем сильнее я чувствовала свое больное горло, которое буквально убивало меня, и свой нос, который был так забит, что я с трудом могла дышать. А если я не могу дышать, то как я смогу играть? И вот я обдумывала все это снова и снова, и мое сердца начало колотиться. Я вдруг поняла, как мало я сплю в ночь перед финалом из-за всех этих мыслей. А сон мне необходим, но пока я думала о том, как мне нужен сон, время проходило без сна и скоро должно было наступить утро. Может быть, я все-таки немного поспала – пока думала, что просто лежу и волнуюсь, – но, если даже и так, то некрепко и недолго. Самое большее всего несколько часов – и это в ночь перед финалом Уимблдона!

Завтрак был ужасен. Отец смотрел на меня с настоящей озабоченностью. Мне от этого стало стыдно и неловко. Как я умудрилась так развалиться прямо накануне великого события? Это выглядело почти как провал, как настоящая слабость. Я была зла, но старалась не показать этого. Юрий приготовил мне овсянку, как он делал это каждое утро. Я поела, потом выпила чай с медом и отправилась на корты.

Тренеру я рассказала о простуде так, как будто сообщала ему строжайший секрет. Для него это, наверно, выглядело так, как будто я заранее извинялась за свое неизбежное поражение. Знаете, как это бывает: «У меня ужасная простуда, и я не спала всю ночь, и что вы от меня ждете?»

Он посмотрел на меня и расхохотался.

– И что в этом смешного?

– Ты, – ответил он. – То, что ты сидишь здесь, за несколько часов до финала Уимблдона, и волнуешься о том, что у тебя простуда. Простуда. Простуда? Гребаная простуда? Как только вы разыграете первое очко, от твоей простуды не останется и следа. Как будто ее и не было. Не выспалась? Когда выйдешь на корт, то будешь такой выспавшейся, какой в жизни еще не была. Ха. Мария волнуется, потому что у нее простуда.

Честно говоря, мне даже не пришлось дожидаться розыгрыша первого очка. Как только он закончил говорить, простуда исчезла.

Я выполнила свой предматчевый ритуал. Вышла на корт, постучала по мячу минут сорок, потом вернулась в раздевалку, успокоилась и постаралась ни о чем не думать. Меня отправили в раздевалку «только для членов клуба», роскошную сверх всякой меры. Несколько дней назад здесь

была целая толпа игроков. А теперь остались только мы двое. Серена и я. Это был мой первый финал в турнирах Большого шлема, и поэтому я впервые ощутила зловещую атмосферу последнего этап. Снаружи были толпы болельщиков, зрителей и репортеров. Настоящая гудящая масса. А в центре этой массы я сидела в раздевалке в полном одиночестве.

Думала ли я тогда о долгой дороге, которая привела меня сюда? Нет. Я думала только о том, что происходит сейчас и произойдет через пять минут. Только так можно пережить такой день. Разбивая его на отдельные сегменты.

Я пошла разогреться в спортзал. День оказался прекрасным, на улице было градусов семьдесят[64] и небольшой ветерок – так мир выглядит на следующий день после шторма. Трибуны стали заполняться. Было еще рано, но все вокруг было наэлектризовано. Я была возбуждена, взволнована и готова начать. Чувствовала, как во мне шевелится то старое чувство, то вечное мое желание «одолеть их всех».

Я вернулась из спортзала в раздевалку и стала ждать. Серена была в своей раздевалке. Я слышала ее, хотя и не видела. Она выполняла свои ритуалы так же, как я выполняла свои. Сидела в таком же одиночестве, как и я. У меня было такое ощущение, как будто на пустынной планете осталось только двое людей. Нас разделяли всего пятнадцать футов, но каждая из нас вела себя так, как будто была единственным человеком во вселенной. Нам с Сереной надо было бы быть друзьями: мы любим одно и то же, у нас общая страсть. Только несколько человек в мире знают то, что знаем мы – каково это быть в самом центре урагана, что значит победа, и что значит поражение, что значат страх и злость, которые заставляют тебя двигаться вперед. Но мы не друзья – далеко нет. Мне кажется, что в какой-то степени мы заряжаемся энергией друг от друга. И это лучше, чем просто дружба. Может быть, это именно то, что необходимо для того, чтобы впасть в контролируемое бешенство на корте. И только когда ощущаешь такой непримиримый антагонизм, у тебя появляются силы чтобы прикончить свою противницу. Но кто знает? Однажды, когда все это будет в прошлом, может быть мы станем друзьями. Или не станем.

Никогда нельзя сказать наверняка.

Уимблдон весь состоит из ритуалов и традиций – на каждое действие есть свое правило. За нами пришли церемониймейстеры, чтобы проводить нас на Центральный корт. Я шла первой, потому что была претенденткой, Серена шла в нескольких десятках футов позади, потому что она защищала свой титул и была посеяна под более высоким номером. Каждую из нас сопровождал официальный представитель оргкомитета, одетый в

соответствующую одежду, со сжатыми губами и серьезным выражением на лице. Никаких шуток, никакого валяния дурака. На мне было то же самое легкое платье от «Найк», в котором я играла весь турнир, белые теннисные туфли «Найк» и золотой крестик на цепочке. Серена была одета в белое платье с золотой полосой сбоку, белую бандану и позвякивающие золотые серьги. Она выглядела как настоящая чемпионка. Пока мы шли по тоннелю, я ощущала вокруг себя толпу, присутствие всех этих людей. Как я уже сказала, это был прайм-тайм, и все вокруг было наэлектризовано. Ничего подобного я еще не ощущала. Мы выходили на самую большую сцену в спортивном мире – на Королевский корт.

По идее я должна была бы думать об истории и империи, о жизни и судьбе, о теннисе и быстротекущем времени, но вместо этого, когда мы вышли и толпа заревела, я могла думать только об одном: «Мне надо в туалет! Это все чай с медом. И зачем я выпила столько чая с медом?»

Как только мы закончили разминку, я повернулась к судье на вышке.

– Где здесь поблизости туалет? – спросила я.

Судья на линии провел меня тем же путем, которым мы выходили на корт, и указал на дверь под трибунами. Так все для меня и началось – не успев выйти, я вернулась той же самой дорогой, чтобы сходить в туалет. Это был изысканный туалет «только для членов клуба», расположенный сразу же возле корта, с позолоченными ручками, серебряными умывальниками и настоящими полотенцами вместо бумажных.

– На деньги на содержание и техническое обслуживание они не скупятся, – сказала я сама себе. В туалете я провела, как мне показалось, очень много времени, прислушиваясь к толпе и внешним звукам, а вернувшись, взяла ракетку и начала игру.

Серена Уильямс выглядит на корте почти высокомерно и немного отстраненно, как будто смотрит на тебя с большой высоты. Я узнала этот вид, потому что сама выгляжу точно так же. Это все шаманство – ее собственный способ сказать противнице: у тебя нет шансов. Обычно это работает, и шансы у противниц действительно улетучиваются. Но так бывает не всегда, особенно если ее противница ведет себя и относится к ней точно так же.

* * *

Может быть, если работать достаточно долго и усердно, судьба подарит тебе один идеальный день, те несколько часов, когда все получается, когда неправильные на первый взгляд решения оказываются самыми правильными. Для меня такой день был в финале Уимблдона, в июле 2004

года. В первом гейме я подавала и выиграла на своей подаче. Во втором гейме подавала Серена и тоже выиграла. Но даже по моим проигранным очкам было видно, что я чувствую себя на корте непринужденнее своей противницы. Наверное, это в какой-то степени было связано с тем, чего мы достигли к тому моменту в наших карьерах. Серена была номером один в мировой классификации и возвращалась к своему чемпионскому званию. Все хотели от нее чего-то. Все ожидали от нее только победы. И в случае победы она бы просто выполнила то, что от нее ожидалось. Ничего сверхъестественного в этом бы не было, хотя при этом могла открыться бездна ее недостатков. Ну как она могла проиграть… как, еще раз, зовут эту девочку? А я? Я была никем, появившимся из ниоткуда. Я должна была проиграть в двух сетах подряд. Моей победой было просто находиться на этом корте, намного раньше, чем это должно было произойти по плану. Моей удачей было то, что я была на одной сцене с Сереной, и мою игру комментировал сам Джон Макинрой. Другими словами, у Серены все было поставлено на карту, а мне нечего было терять.

Думаю, что именно это давило на Серену в четвертом гейме первого сета. Она выигрывала 0—30 на моей подаче. В этом случае, при обычных раскладах, она начинает убирать своих противниц. Вместо этого я отвечала на каждый ее силовой удар своим собственным силовым ударом. Именно в этот момент я послала мяч в обводку, и она упала. Зрители уделили этому много внимания, но падать ей было не так уж необходимо. Я обожаю то, как она ведет свою игру – она фантастическая спортсменка, но в ней присутствует и очень много наигрыша. Как будто она кривляется, показывая всему миру, как она себя ощущает. Может быть, то, что она спотыкается без всякой на то причины, это ее способ сообщить всему миру: «Я могла бы выиграть это очко, если бы трава не была такой запущенной?» В этом есть что-то неестественное. Она быстро встала, но я выиграла очко, свою подачу и гейм. И Серена неожиданно поняла, что я не собираюсь сдаваться и не сломаюсь. И даже если ей удастся меня сломать, то ей придется делать это снова и снова. Теперь она знала, что ей предстоит тяжелый бой.

В четвертом гейме, когда мы до бесконечности обменивались выигранными очками, я почувствовала, что что-то изменилось. В эти мгновения самоуверенность Серены – которую она носит как ракетку, потому что она не менее важна для ее игры, – вдруг уступила место чему-то другому. Сначала я никак не могла понять чему, хотя чувствовала, что уже видела такое выражение на лицах других девушек. А потом, когда я продолжала выигрывать на подаче Серены в том первом сете, меня вдруг

как обухом по голове ударило – страх. Серена выглядела испуганной. Как будто она неожиданно поняла, каким унижением будет проиграть этому худому как щепка семнадцатилетнему ребенку на глазах у всех этих зрителей. Больше в первом сете я не проиграла ни одного гейма.

И все-таки в какой-то момент седьмого гейма мне показалось, что Серена вернется в игру. Я проиграла два брейк-пойнта и боролась при счете 40–40. Казалось, что этот счет держался много часов подряд. Серена настоящий чемпион, а настоящий чемпион играет жестче всего в те моменты, когда наступает время его проигрыша. Чем ближе поражение, тем сильнее он становится. Они никогда легко не проигрывают. Гейм и сет-пойнт: мне наконец удалось попасть мячом именно туда, куда я хотела, послав его в край линии. Серена взяла его, но ее удар оказался слабым и пришелся в сетку. Первый сет: Шарапова 6–1.

Во время смены сторон я сидела, пила воду и смотрела прямо перед собой, стараясь ни о чем не думать. Смена сторон это такая короткая отсрочка, напоминающая блаженный перерыв между раундами в боксерском поединке, правда без крови. Я вытерла лицо и откусила кусок банана. А потом стала разглядывать толпу. Куда бы я ни посмотрела, люди возвращали мой взгляд с улыбкой, как будто хорошо знали меня. Я смотрела до тех пор, пока не обнаружила свою ложу. В ней сидели мой отец с моими инструктором и тренером. Мамы не было – она была в Штатах. Мне было приятно увидеть папу, зная, что и он, и мой тренер в мыслях своих со мной. И в то же время присутствие этих людей так близко и в то же время так далеко напомнило мне о моем одиночестве. Теннис – это не командный вид спорта. Это не тот вид, в котором тренер шепчет тебе на ухо указания, расхаживая вдоль бровки. Ты все время окружена тренерами, партнерами и друзьями, но только до того момента, когда начинается розыгрыш первого очка – а после этого ты так одинока, что можно говорить об одиночестве в толпе. Окруженная людьми, но отстраненная от них, когда никто не пожмет тебе руку или не поможет. И чем важнее матч, тем сильнее твое ощущение одиночества.

Возвращаясь на корт, я прошла мимо Серены. Это очень странный момент – проход во время смены сторон. Ты подходишь к противнику достаточно близко, чтобы задеть его плечом, но не показываешь этого. В эти моменты твоя судьба намертво переплетена с его судьбой, ближе к другой спортсменке стать просто невозможно, но вы все-таки не можете признать друг друга.

Шло время. Освещение стало меняться. Я выиграла первый сет. Надо было взять еще один. И как раз в середине этого невероятного дня Серена

решила увеличить давление на меня – это было как раз ее время. Ей необходимо было сломать меня в начале второго сета, чтобы иметь возможность изменить ход игры. В первом гейме она выиграла на своей подаче, а потом довела меня во втором гейме до брейк-пойнта, но я зацепилась.

Нечто интересное произошло в третьем гейме второго сета. Такие вещи не отмечают в статистике матча или в научных графиках, но иногда они меняют абсолютно все. Мы обе вышли к сетке во время обмена ударами. Она нанесла сильный удар – мой ответ был еще сильнее. Мяч попал ей прямо по носу. Я выиграла очко. Сначала она показалась мне раздраженной, а потом разозлилась. В ее глазах появился блеск. Получить мячом в лицо на Центральном корте Уимблдона было унизительно – телевидение сначала показывало удар с нормальной скорость потом с замедленной, потом с очень замедленной скоростью, а потом с противоположного ракурса. Такое происшествие может стать именно тем, что необходимо спортсмену для того, чтобы встряхнуться, изменить ход игры. Серена выиграла этот гейм и сильно давила на меня, пытаясь выиграть на моей подаче. Я выдержала, но в следующих геймах она играла с какой-то новой яростью. В пятом гейме мне удалось выиграть всего одно очко, а в шестом она выиграла на моей подаче.

И вот так, неожиданно, Серена, казалось, оседлала волну. Второй сет затягивался, и она была впереди 4–2. Передо мной открылось новое будущее – то, которое все ожидали, – Серена Уильямс выигрывает второй сет со счетом 6–2, потом выигрывает третий и становится чемпионкой Уимблдона в третий раз подряд, подтвердив, таким образом, свою позицию № 1 в мире. Потом люди будут говорить, что я должна быть счастлива что вообще добралась до финала и выиграла в нем первый сет, пока Серена не расставила все по местам. Это носилось в воздухе – толпа начинала думать что, в конце концов, это все-таки день Серены. Такое может случаться десятки раз в течение одного матча. Колесо фортуны вертится, судьба меняется. И в тот самый момент, когда ты с этим соглашаешься – ты проиграл. В такие моменты надо говорить себе следующее: «Отлично! Мне надо проиграть, потому что я хочу, чтобы все запомнили мой невероятный реванш. Другими словами, это момент проверки на вшивость.

Сломаюсь ли я и сдамся или буду стоять до последнего?

Как я уже говорила, это моя отличительная черта. Я боец по натуре. Я не сдаюсь. И то, что вы выигрываете у меня 4–2, еще не значит, что я размажусь по земле в следующих геймах. Более того, для меня это время для нанесения контрудара, именно в тот момент, когда противница

начинает верить в свою собственную победу. И, так, что же я сделала? Я стала использовать силу подачи Серены – а иногда она подает со скоростью 120 миль в час – против нее самой. Она выиграла на моей подаче? Я выиграю на ее, а потом буду терпеть и выиграю следующий гейм. Теперь счет стал 4–4 во втором сете. Это было критическое равновесие. Оно определило всю важность девятого гейма во втором сете. Именно так я его и восприняла. Серена подавала. Я видела, как она ударила мячом в покрытие, подождала секунду и ударила еще раз. Она была все той же Сереной Уильямс, но что-то в ней изменилось. Что-то в ней увяло и сошло на нет. Может быть, она уже знала, что проиграет. Успела прочитать это в моем взгляде. И она уже знала, каким горьким будет этот проигрыш. И тем не менее, будучи отчаянным соперником, она была готова бороться за каждую ступеньку на своем пути вниз.

Эпическим оказался девятый гейм второго сета – шестнадцатый из всех сыгранных в тот день. Это был весь предыдущий матч в миниатюре. Казалось, он продолжался бесконечно. Четыре раза я доводила Серену до брейк-пойнта, но ей как-то удавалось перетерпеть. Наконец, при розыгрыше четырнадцатого очка в этом гейме я бросилась вперед и послала мяч в задний угол корта, Серена поскользнулась, но выглядело это наигранно. Она что, сделала это, чтобы отобрать заслугу за выигрыш очка у своей соперницы?

«Тебе нечем гордиться, – казалось говорила она. – Мне просто не повезло».

Другими словами, она пропустила удар не потому, что поскользнулась, а поскользнулась потому, что знала, что пропустит удар. С трудом сохранив равновесие, она бросилась за мячом, но он еще раз попал в сетку.

Теперь я подавала на матч, и удача была на моей стороне. Первое очко я проиграла, что не есть хорошо, когда начинаешь чемпионский гейм. Второе очко я выиграла, подав эйс, а потом отличной подачей довела счет до 30–15. Еще одна ошибка при подаче у Серены, и я в одном шаге от победы. Я подала ей под левую руку – мяч вернулся быстрее, чем в пинг-понге: 40–30. А потом, готовясь к новой попытке, я вспомнила кое-что, о чем сказал мне в тот день мой тренер:

– Не подавай ей под бэкхенд. В этом ее сила. Пусть она отбивает форхендом.

Так я и поступила. Серена отбила мяч, но удар оказался слабым. Я быстро подготовилась, переменив положение ног под форхенд, и ударила по мячу как раз в тот момент, когда он отскочил от травяного покрытия, ударила его справа, как раз ей под правую руку и громко закричала, занося

руку по инерции за плечо. Это был удар, который стоил всех предыдущих ударов, которые я нанесла в своей жизни. Остановилась я с руками и глазами, направленными в небо. При ответном ударе Серены мяч даже не перелетел через сетку. Я упала на колени, закрыла лицо руками и возликовала. Но даже когда я делала это, я чувствовала, что этот жест – у каждого свой способ отмечать большую победу, кто-то имитирует удар кулаком, кто-то указывает в сторону Бога – не мой. Это был точно такой же жест, как тот, что сделал Хуан Карлос Феррера, когда выиграл Открытый чемпионат Франции. Я хотела бы сказать, что сделала этот жест специально, что таким образом я хотела отблагодарить его за то, что он (смешно) выбрал меня в качестве победителя соревнования, или что я посылала ему закодированное послание, но правда состоит в том, что в тот момент я не понимала, что делаю. Я просто проживала мгновение своей победы.

Я подбежала к сетке. Думала, что Серена протянет руку и пожмет мою. Но вместо этого, она обошла вокруг сетки и обняла меня. Для меня это стало сюрпризом. Помню, я еще подумала: «Это что, такой протокол? Неужели ты именно это должна сделать, когда проигрываешь в финале турнира Большого шлема?» Следующая мысль была: «Ну что же, если она хочет обниматься, то я не возражаю». Серена сильно обняла меня, я обняла ее в ответ, хотя в этот момент я смотрела мимо нее, на трибуны, пытаясь разглядеть на них папу, пытаясь встретиться с ним глазами, теперь уже как чемпионка Уимблдона. Серена сказала что-то вроде «Отличная работа». И улыбнулась. Но не думаю, что она улыбалась в душе.

На Уимблдоне существует традиция – новая традиция, как выяснилось потом, которая показалась мне старой: выигравший забирается по трибунам, чтобы отпраздновать победу со своей семьей. Мне было всего семнадцать лет, и я хотела попробовать и испытать абсолютно все. Поэтому я перепрыгнула заграждение вокруг места, где стояли фотографы, и стала подниматься по рядам к отцу. Мы начинали все это только вдвоем, и теперь должны были быть только вдвоем. Я люблю смотреть запись этого матча и наблюдать за Юрием в этот момент. Мой отец человек неэмоциональный. Эмоции скрыты у него глубоко внутри, и он никому их не показывает. Более того, я всего один раз в жизни видела его плачущим, это когда щенку, который появился у нас накануне, надо было делать операцию. Но это уже другая история. На пленке видно, как он пытается добраться до меня, а я до него. Как в глупом старом фильме. Наконец он добирается до меня, хватает меня и заключает в бесконечные объятия. В этих объятиях было все – вся наша борьба и все наши мечты.

Минуту спустя я опять была на Центральном корте, где все собрались на церемонию награждения, которая происходит сразу после игры. Все ждали только меня, но как раз когда я стала спускаться вниз, я неожиданно вспомнила о мамочке! *Надо срочно сообщить маме!*

– Эй, – крикнула я отцу – он был выше меня рядов на двадцать. – Я хочу позвонить маме!

Не задумываясь, Юрий достал свой мобильник из кармана и бросил его в мою сторону. Идеальный бросок – идеальный прием. Я стала набирать номер, когда подходила к телевизионной камере для послематчевого интервью. Я набирала снова и снова, но слышала только или голосовую почту, или короткие сигналы «занято». Будь прокляты эти короткие сигналы! Я просто не понимала, что мама сейчас летит из Флориды в Нью-Йорк на JetBlue. Мы должны были встретиться с ней в Нью-Йорке. Но она все видела по телевизору. А потом позвала стюардессу и, смеясь, стала что-то объяснять ей, держа свой телефон в воздухе, но ничего нельзя было поделать. На стадионе все тоже смеялись. Телефон все еще был у меня в руках, когда кто-то сунул мне микрофон в лицо и спросил:

– Что, нет сигнала?

Через несколько минут я уже стояла рядом с Сереной и мне вручали призы. Проигрыш в таком важном матче – это всегда тяжело, поверьте мне, я узнала это на собственном опыте. Ты должен выглядеть изящно и мило в то время, когда все внутри тебя вопит от негодования. А на Уимблдоне проигрыш превращается в настоящую пытку, потому что это единственный турнир Большого шлема, где проигравшая должна идти рядом с победительницей, когда та совершает свой круг почета. Это один из самых неприятных моментов, с которым спортсмен может столкнуться во время тура. Ты оставила всю себя до капли на этом корте, надеясь победить. Но каким-то образом проиграла! И теперь тебе надо стоять перед публикой и телекамерами, празднуя победу человека, который лишил тебя всего. Настоящая пытка.

Проигравшая получает памятную табличку и благодарность. Победительница – серебряный поднос, который еще называют тарелкой для розовой воды – впервые его вручили в 1886 году – и около миллиона долларов плюс любовь и аплодисменты публики. Приз вручали принц Чарльз и глава Всеанглийского теннисного клуба. Сначала была очередь Серены. Она действительно прекрасно держалась: когда репортер спросил ее о ее ощущениях, она говорила только о моих достижениях, но за этими улыбками и милыми словами было видно, что она страдает и не может дождаться момента, когда можно будет смотаться отсюда, так же, как и

любая другая на ее месте. Перед телекамерой я поблагодарила всех, кого смогла вспомнить. Ника Боллетьери и Роберта Лансдорпа. Своих родителей. Я рассказала о своей простуде и намекнула на Хуана Карлоса Ферреро, хотя и не назвала его по имени. Не думала, что когда-нибудь расскажу об этом, пока не начала эту страницу. В какой-то момент я подняла глаза на свою ложу и, улыбаясь своей команде, сделала стригущие движения рукой. Так я напомнила своему отцу, тренеру и инструктору, о нашем пари. «Если я выиграю, вам придется побрить свои головы». В конце концов я не стала на этом настаивать. Наверное, потому, что если бы мой отец сбрил волосы на голове, то они никогда бы не выросли вновь.

В одиночестве я прошла в раздевалку. Серена ушла с корта сразу же, как только это стало возможным без того, чтобы это не воспринималось как скандал. Я этого не заметила и не задумалась бы об этом, если бы не то, что произошло, когда я вернулась в свою раздевалку. Наличие личной кабинки в раздевалке значит, что, даже не видя своего противника, ты можешь его слышать. А услышала я, когда вернулась в раздевалку и стала переодеваться, рыдания Серены. Горловые всхлипывания, которые означают, что плачущему не хватает воздуха, и которые пугают тебя. Они не прекращались ни на минуту. Я покинула раздевалку как можно скорее, но Серена знала, что я слышала ее. Люди часто интересуются, почему мне так сложно побеждать Серену – за последние десять лет она умудрилась приручить меня. Наш счет по матчам – 2—19 не в мою пользу. И вот, анализируя эту ситуацию, люди начинают говорить о силе Серены, о ее подаче и уверенности в себе, как элементы ее игры соответствуют элементам моей игры, и, без сомнения, во всем этом есть доля правды. Но для меня правильный ответ остался именно в той раздевалке, где я переодевалась под рыдания Серены. Думаю, что Серена ненавидела меня за то, что я тот самый тощий ребенок, который наперекор всякой логике выиграл у нее Уимблдон. Я думаю, что она ненавидит меня за то, что я взяла у нее нечто, что она считала принадлежавшим ей по праву. Я думаю, что она ненавидит меня за то, что я была свидетельницей самого мрачного момента в ее жизни. И чем больше я думаю об этом, тем больше верю, что сильнее всего она ненавидит меня за то, что я слышала ее рыдания. Этого она никогда мне не простит. Вскоре после турнира я узнала, как Серена сказала подружке, которая позже все передала мне:

– В жизни больше не проиграю этой сучке.

* * *

Следующие несколько часов прошли для меня как в горячке. Это была кульминация всего того, к чему мы стремились и ради чего работали. Победа длится какие-то мгновения, а потом ты вновь оказываешься на тренировочном корте. Но что это за мгновения!

Наутро после финала я отправилась на поиски платья для Уимблдонского бала. Когда ты выигрываешь Уимблдон, то все вокруг тебя меняется – это было бы глупо отрицать. В другое время, каждый раз, когда я хотела купить себе новое платье в Лондоне, я шла в любимые магазины, смотрела коллекции, уходила в примерочные и так далее. Теперь же, когда я сказала, что мне нужно в город кое-что купить, у моей двери мгновенно нарисовалась машина Оргкомитета Уимблдона. Она провезла меня по

пригородам в город как волшебный ковер-самолет, который планирует над улицами и крышами домов. Меня уже ждали в шоу-руме Louis Vuitton. Меня окружали продавцы, готовые помочь мне примерить любое из самых красивых платьев, которые я когда-либо видела. Красного, серебристого и золотистого цветов. Я остановилась на исключительном кремовом платье прямого кроя с плиссированной юбкой.

Я специально оделась к вечеру. Высушила волосы, которые свисали прямыми прядями, и практически не воспользовалась косметикой. Я вообще тогда не знала, что делать с косметикой. Я была смущена и нервничала, вокруг меня было больше камер, чем я их видела за всю предшествующую жизнь. От вспышек у меня разболелись глаза. Перед ними плыли пятна, и мне хотелось поскорее пройти перед камерами и скрыться внутри здания. По обеим сторонам роскошного входа стояла официальная охрана. Двери открылись, я вплыла внутрь и продолжала плыть по полу, повторяя путь Серены Уильямс, по которому она шла три года назад. Тогда я была зрителем, а сейчас главным действующим лицом. Люди в комнате встали и начали аплодировать. Они устроили мне овацию. Я прошла мимо юниорского стола, бросив быстрый взгляд на девушек, которые сидели за ним. Я знала, что если я хочу остаться на своем сегодняшнем месте, то мне придется в ближайшие годы победить их всех. Ночь пролетела незаметно. Как сон. Все эти платья. Все эти краски. Музыка и вино. Было только восемь вечера. И вдруг неожиданно оказалось, что уже два часа ночи. Я была уже дома и поднималась по лестнице, держа в руке туфли и мечтая только о том, как расскажу папе обо всем, что со мной произошло, расскажу в подробностях, но его не оказалось дома.

Для меня выигрыш Уимблдона был очень важен, но для моего отца, по-видимому, он был еще важнее, если только такое было возможно. Он был зациклен на этой цели с того самого момента, как Юрий Юдкин отвел его в сторону и поговорил с ним возле корта в Сочи. Все, что он делал, все, чем он жертвовал, он делал и жертвовал только для того, чтобы достичь этого момента. И вот наконец этот момент настал. Все, что будет потом, будет прекрасным и удивительным, и именно тем, о чем мы мечтали, но для моего отца и в какой-то степени для меня, не может уже произойти ничего лучшего. Это была наша цель, наша настоящая вершина. Позже начнется простая жизнь. А это было воплощением мечты. И мой отец собрался как положено отпраздновать это. И для этого он не собирался идти на какой-то изысканный бал или на чаепитие. Он не будет надевать смокинг или танцевать с герцогиней. Нет. Вся эта хрень не для него. Юрий Шарапов

решил отметить победу старым традиционным способом. Он напился. Он пил до тех пор, пока не закончилась эта ночь. Он отправился в паб, когда было темно, и вышел из него только тогда, когда забрезжил новый день, пьяный и ликующий. Добравшись до дома, он разбудил меня. Было пять часов утра, и в руках у него была целая стопа газет.

– Что это? – спросила я, садясь в постели.

– Газеты, – с улыбкой ответил Юрий. (Не помню, говорил он по-русски или по-английски.) – Я пошел в киоск на углу. Когда я до него добрался, он был еще закрыт. Я сел и стал ждать. Ждал долго. А потом, наконец, появился с ключами парень, продавец. Он стал раскладывать газеты. Я взял газету из пачки и, Боже мой, Мария, ты была на первой странице! На первой странице! И я показал на тебя этому парню и спросил его – потому что все еще не мог в это поверить – я спросил, знает ли он, кто это?

– Конечно, – ответил он с улыбкой. – Это Мария! Она выиграла в субботу.

– Мария, даже продавцы газет знают тебя по имени.

– А я папа Марии, – сказал я ему. И этот парень, он был так рад за меня, он стал ходить с прилавка и собирать все газеты с твоей фотографией – ты только посмотри, сколько их!

Папа свалил газеты на пол и стал перебирать их. Я опять заснула, а он бодрствовал, читая газеты в гостиной. Позже он сказал мне, что только из этих газет, которые содержали статистику, анализ матча и в которых было написано, что я была одной из самых молодых теннисисток, когда-либо выигрывавших Уимблдон, он понял все величие этой победы. Несколько дней спустя он где-то встретился с Кончитой Мартинес. Мартинес – испанская теннисистка и бывшая победительница Уимблдона. Они с отцом разговорились насчет турнир.

– Юрий, ваша жизнь уже никогда не будет прежней, – сказала она ему.

Мэр Москвы Юрий Лужков пригласил меня на какое-то мероприятие в городе – приглашение поступило после моей победы в финале. У меня уже было что-то назначено в Нью-Йорке, и отцу предложили занять мое место. Мэр прислал за ним частный самолет. Позже Юрий рассказывал, что пьянка началась, как только он занял свое место в салоне. Другими словами, он отметил мою первую большую победу как истинный русский. Потом, уже вконец измученный, он встретился в горах со своим братом, там, где они так много времени проводили, будучи детьми. Они бродили по горам и общались, и вот тогда, совершенно неожиданно для себя, отец поверил в реальность происходящего. Наверное, это связано с возвращением к истокам – начинаешь многие вещи видеть гораздо яснее.

А я тем временем тоже почувствовала, что моя жизнь изменилась. Когда я вышла из машины в аэропорту, направляясь в Нью-Йорк на рекламное мероприятие, меня встретила толпа репортеров и фотографов, папарацци. Вспышки вспыхивали безостановочно. Неожиданно люди стали интересоваться мной – с одной стороны, это было приятно, но с другой – немного жутко и непривычно. Журналисты безостановочно кричали: Мария! Мария! Мария! И я, полный новичок, думала: «Спокойнее ребята. Я всего в двух футах от вас.» Это была какая-то новая жизнь, и хорошая, и плохая одновременно.

Поражение. Я знаю, что поражение может со мной сделать. Я узнавала это на многих кортах по всему миру. Оно сбивает тебя с ног и в то же время делает тебя сильнее. Оно учит тебя смирению и дает тебе новые силы. Оно заставляет тебя понять свои ошибки, которые ты потом должен обязательно исправить. И таким образом оно может сделать тебя лучше. Ты учишься выживать. Ты понимаешь, что проигрыш – это еще не конец света. Ты узнаешь, что великие игроки – это не те, кто никогда не проигрывал, – у всех случаются поражения, – а те, в жизни которых выигрышей было хотя бы на один больше, чем проигрышей. Поражение – это учитель любого чемпиона. А победа? Да на таком уровне? Для меня это совершенно новый опыт, и мне еще только предстоит столкнуться с ее последствиями, которые могут быть довольно разрушительными. Если коротко, то победы портят тебя. Вместе с ними приходят всякие награды, которые, если на них правильно посмотреть, превращаются в то, чем они являются на самом деле: в разного рода ловушки, капканы и в отвлекающие раздражители. Деньги, слава, новые возможности. Каждая из почестей, каждое новое предложение и рекламные кампании уводят тебя все дальше от игры. От победы у тебя может закружиться голова. Она может уничтожить тебя – именно поэтому многие великие игроки выигрывают только один турнир Большого шлема, а потом исчезают. Они просто теряются в объятиях успеха. А ведь победа может влиять и на твой мозг, что еще опаснее. Она полностью искажает твои ожидания. Ты начинаешь думать, что ты имеешь право… И если ты выиграл Уимблдон один раз, то у тебя появляется право выигрывать его каждый год.

Мой путь начался с того момента, когда я взяла ракетку на том грунтовом корте в Сочи в возрасте четырех лет. Моя способность бить мячом в стенку на тех кортах привлекла ко мне сначала внимание местной публики, а потом и людей по всему миру. Следуя за этим вниманием, мы с отцом переехали из России аж в саму Америку. Это было наше общее приключение в поисках нашей общей мечты. И у этих поисков есть начало,

развитие и конец. Начались они в нищете, а закончились в лучах славы. Они привели нас в сказочный город, сверкающий на вершине холма. Он называется «Городом Больших побед». В течение многих недель после Уимблдона мы смотрели с отцом друг на друга и шептали: «Так, значит, все легенды – это правда». Я была счастлива, но мне было немного грустно. Конец приключения. Конец поисков. Это всегда грустно. Ты теряешь свой настрой и цель. Должны ли мы продолжать делать то, что делали до этого, или от нас ожидают чего-то другого? Первый этап моего существования – когда мы с папой были вдвоем против целого мира – закончился. И я еще не знала, что произойдет дальше.

Глава двенадцатая

Вот так начались первые сумасшедшие дни моей славы.

У меня непрерывно звонил телефон, меня добивались агенты со всего мира, поток предложений ширился. А как говорить НЕТ, если тебе звонит весь мир? Все было отлично, на бумаге все выглядело идеальным. Это уже позже я превратилась в агрессивного рекламиста, мастера продаж, с именем в рекламном мире. А началось все с единственной компании – «Моторолы».

И главную роль в этом сыграл финал Уимблдона, то есть не сам матч, а то, что произошло сразу после его окончания. Я взяла телефон-раскладушку своего отца и попыталась позвонить маме, но не смогла соединиться. После этого рекламный ролик был готов сам собой. Я на теннисном корте после важного матча пытаюсь дозвониться до мамы, и на этот раз, наконец-то у меня появляется настоящий телефон. Люди из «Моторолы» позвонили в IMG сразу же после Уимблдона, и ролик был снят. В нем я с ракеткой в руке болтала по новому телефону «Моторолы» RAZR, который еще даже не появился на прилавках. Мне дали какой-то прототип, чтобы я носила его с собой. Классный, сверхтонкий и блестящий. Вместо того чтобы носить в руках непонятно что, я превратилась в Джеймса Бонда, который ходит с новейшим образчиком электронного гаджета. Помню, как раз в это время обедала в одном из суши-ресторанов в Нью-Йорке. У меня был телефон RAZR, и один из бизнесменов смотрел на меня и на телефон как коршун.

– Простите, – сказал он, подойдя наконец ко мне, – откуда у вас этот телефон?

Я сказала ему, что у меня знакомые в «Мотороле». А очень хотелось сказать: «Я выиграла Уимблдон, вот откуда».

Они сделали меня лицом «Моторолы», что само по себе достойно отдельного рассказа – я ведь еще была почти ребенком, а уже представляла крупнейшую корпорацию, разместившую мою рекламу где только возможно. Люди полагали, что я делаю миллионы, но сделка не была такой уж большой. По идее Макса мы решили работать только с известными и качественными брендами – от других конкурирующих телефонных компаний предложения были заманчивее – и не обращать внимание на остальные.

– Мы не хотим пачкать твое имя, понижая планку, – говорил Макс.

И он оказался прав. После «Моторолы» от предложений не было отбоя. Вскоре я уже работала с полудюжиной известных производителей: TAG Heuer. Land Rover. У меня был спонсорский контракт с «Найк» еще с того момента, когда мне было одиннадцать – такое случается со многими юными теннисистами, – но только теперь я стала сниматься в рекламных роликах компании. *Bleacher Report*[65] собрал вместе все мои лучшие ролики. Найк, Кэннон, Хэд Рокетс и смешной ролик, который я сделала для ESPN[66]. Я никогда не планировала становится крупным продвигателем товаров или лицом рекламных компаний – это произошло само собой. Это было, скорее, одним из побочных эффектов того, что я делала на турнирах, но благодаря этому я стала знаменита. Совершенно неожиданно журналистов стала интересовать моя жизнь вне корта, а не только на корте. Я шла на пляж, и кто-то делал мое фото в бикини – на следующий день оно разлетелось по всему Интернету. Ну не сумасшествие ли? А еще слухи. Глупые слухи. Каждый день меня связывали с новым мужчиной. В этом было что-то извращенное. Раздражающее. Все думают, что хотят быть знаменитыми, но, позвольте мне сказать, что все хорошо в меру, особенно для семнадцатилетней девочки.

Твоя жизнь меняется. И дело не в деньгах или славе, а в том, как деньги и слава отдаляют тебя от других игроков. Они смотрят на это как на игру в одни ворота. Мы ведь все соревнуемся за одни и те же деньги, так что их логика состоит в следующем: если деньги получает Мария, то нам они уже не достанутся. И определеннные люди начинали меня за это ненавидеть, хотя не решались признаться в этом мне в лицо. Я узнала, что такое ревность. И если игроки обижались на меня, то не из-за того, что я обыгрывала их на корте или играла лучше них, а из-за того, что мне доставалась вся эта чертова реклама. Некоторые девочки сходили от этого с ума. Елена Дементьева, русская, которую всегда сопровождала мать, начала косо поглядывать на меня. А потом, в один прекрасный день, ее мать пожаловалась моему массажисту, который работал со многими игроками из России.

– Елена не может получить ни одного контракта в Японии – все они достались Марии, – сказала она.

* * *

Как меняется мир после того, как ты выигрываешь Уимблдон?

Конечно, самые очевидные изменения происходят в области денег. В какой-то момент – правда, это, наверное, было несколько позже – я

услышала, как репортеры называли меня самой высокооплачиваемой спортсменкой в мире. Не знаю, так ли это было или есть сейчас. Мне это никогда не было интересно. Но после того, как я обыграла Серену Уильямс, мир вокруг меня стал меняться и очень быстро. Впервые я почувствовала это через несколько недель после возвращения из Англии. Я была во Флориде и отправилась за покупками в T. J. Maxx в Брейдентоне. И вот стою я с тележкой в проходе, смотрю на все эти брюки и рубашки, купленные со скидкой, и неожиданно мне в голову приходит мысль: «Боже, да я же могу купить все, что захочу». Несколько лет назад, стоя в этом же магазине, я бы думала: «Здорово было бы что-нибудь здесь купить…» И вот теперь я могла это сделать. Наверное, я могла бы купить весь магазин!

А потом, через несколько недель, мы отправились в Лос-Анджелес, чтобы вернуться к тренировкам с Робертом Лансдорпом. Всегда есть над чем поработать, к чему готовиться, что улучшить. Даже самая большая победа приносит тебе лишь мгновение торжества, после чего ты опять возвращаешься к работе. Колесо не прекращает вращаться. Останься в стороне слишком долго, и ты уже не догонишь его. В Лос-Анджелесе я обычно останавливалась в занюханном отеле в Торрансе, в месте, которое больше было похоже на руины придорожного мотеля. Макс даже не сказал мне, что он поменял гостиницу – просто дал мне ее название и адрес. Это оказался Beach House в Хермоса-Бич, который сам по себе является раем – бесконечные дощатые тротуары и магазины, которые тянутся вдоль Тихого океана. Сама комната была значительно меньше, без кухни, но вид! Океан простирался до самого горизонта, а потом начинало садиться солнце, всходить луна и высыпать звезды. Я могла часами стоять на балконе номера ни о чем не думая. А ванная комната! Вы не представляете, но рядом с самой ванной стоял желтый резиновый утенок! Я позвонила Максу как только распаковалась. Смех душил меня.

– Макс – выигрыш Уимблдона – это лучшая вещь на свете! – сказала я.

Вскоре после этого мы купили наш первый дом. Мы с родителями выбрали дом в Лонгбоут-Ки, во Флориде, потому что Юрию все это нравится – морской берег и залив, в котором по ночам плавают акулы.

Год спустя мы купили дом в Лос-Анджелесе, чтобы было где останавливаться во время поездок к Роберту. Дни вонючих гостиниц, мотелей и общежитий, дни, которые приходилось проводить в комнатах с дополнительной кроватью, закончились. И это было несомненное улучшение не только в номере или классе гостиницы, но и в жизни вообще.

И в то же самое время, если взглянуть на все под другим углом, в моей

жизни мало что изменилось. Все тот же теннис, теннис, теннис. Все те же тренировки, тренировки, тренировки. Беги, бей, играй, разминайся, беги, бей, спи. Или жизнь в поездках – эта бесконечная карусель аэропортов и гостиниц, баров в фойе, тех же самых турниров, тех же самых девушек, у которых теперь была дополнительная мотивация победить, когда они играли со мной. В случае выигрыша для них это была не просто победа над девушкой из России, а победа над чемпионкой Уимблдона.

Мы ведем достаточно странную жизнь в этих поездках. Живем как бы в герметичном пузыре, отрезанные от нормальной жизни и происходящих в ней событий. Прежде всего – ты посещаешь эти разные города, иногда самые красивые места на Земле, но, если только ты время от времени не вырываешься из этого пузыря, ты ничего в них не видишь. Ты как бы в городе и в то же время не в городе. Ты живешь в мире тенниса, где перед тобой мелькают все те же лица, где ты ощущаешь всю ту же энергетику, вне зависимости от точки на карте. Кроме того, во время тура практически не остается времени на личную жизнь. Ты находишься под микроскопом – за тобой постоянно следят другие игроки, тренеры и репортеры. Так что о светской жизни и бойфрендах можно забыть. Я хочу сказать, что тебя практически не бывает дома, поэтому единственные отношения, которые ты можешь завести, это отношения с другим игроком в теннис, который находится в этом же туре, или с человеком, который согласится путешествовать с тобой, бросив все и превратившись в часть твоего антуража. А кто на это пойдет? Наверное, тот, у кого собственная жизнь не удалась? А с таким и знакомиться-то не имеет смысла. Такие личности существуют. Ты иногда видишь их в помещениях для игроков или подносящими сумки в гостиницах. Ни тренер, ни родитель, но бойфренд. И по определению приходится заводить отношения на расстоянии, ограничиваясь телефонными разговорами или письмами. А это не сильно захватывает.

Хотя, конечно, после победы твоя жизнь в поездках меняется. Если ты победитель, то и отношение к тебе лучше. Тебе положены всякие дополнительные штучки вроде водителей на все время соревнований и лучших тренировочных кортов. Да и атмосфера на соревнованиях и в пресс-центрах тоже меняется. Она становится прохладной и напряженной. Неожиданно мир, тот единственный мир, который ты знаешь, наполняется ненавидящими тебя девушками. Они ревнуют тебя к твоим деньгам и славе. Они хотят иметь то же самое, а единственный способ получить это – это победить тебя. И каждая игра становится решающей – если не для тебя, то для них. Теперь уже не удается подобраться к ним исподтишка и

сыграть на неожиданности. Все уже давно изучили тебя, нащупали твои слабости и придумали свой план. Все ждут.

И это первое испытание в долгой карьере спортсменки – ты смогла выиграть, но сможешь ли ты повторить успех? Ведь это бывает гораздо сложнее. Летописи соревнований полны имен спортсменов, которые выиграли только один раз и никогда больше не становились победителями турниров Большого шлема. Кумиры на час. И не потому, что они были плохими игроками или победили по чистой случайности. Но потому что они так и не смогли измениться после того, как изменились все окружающие. Они так и не поняли, как надо играть, когда ты фаворит – а это совершенно отдельная история. Время проходит, давление усиливается – тебе необходимо выиграть еще один турнир Большого шлема. И только когда это удастся, ты докажешь, что ты нечто большее, чем вспыхнувшая на мгновение звездочка. Что же стоит на кону? Не просто второй турнир Большого шлема, но, как это не парадоксально, первый тоже. Потому что, только выиграв во второй раз, ты можешь доказать, что первая победа не была случайностью. Это ощущение было для меня новым. И оно никуда не уходило. Это называется стрессом. После того, как я выиграла Уимблдон, на карту было поставлено слишком многое. Но я с удовольствием приняла этот вызов. Я хотела вновь, вновь и вновь доказывать всему миру. Я хотела одолеть их всех. Мне было восемнадцать лет, я была действующей чемпионкой Уимблдона и передо мной простиралась вечность.

Глава тринадцатая

2005 год я начала с выставочного турнира в Гонконге, который был подготовкой к первому турниру Большого шлема в году – к Открытому чемпионату Австралии в Мельбурне. Практически по всему миру стояла зима, даже в Калифорнии. В Западном Голливуде и Манхэттен-Бич магазины были заполнены рождественскими елками и омелами. В витринах магазинов игрушек безостановочно двигались игрушечные поезда. Окна домов, расположенных над морем, сверкали на закате – на заполненных гуляющими семьями деревянных тротуарах раздавались голоса, но слов разобрать было невозможно из-за постоянного шума. Дети, у которых были школьные каникулы, наслаждались детством, которого у тебя никогда не было. В такой момент кажется, что весь мир утопает в счастье, и тебе хочется просто сидеть дома в теплой пижаме и смотреть кино, но раздается звонок от тренера, который напоминает тебе о том, что пора паковать вещи и отправляться в путь, возвращаться к турне и играм, которые всегда ждут тебя. Всегда тяжело начинать путь заново.

С того самого момента, как я приземлилась в Австралии, меня стала преследовать жара. Я плохо привыкаю к погодным условиям, а там только что установилась солнечная погода, которая давила на меня. Первый круг я выиграла в двух сетах, но потом мне стало труднее. У Линдсей Ли-Уотерс я выиграла в трех сетах, а потом победила китаянку Ли На[67] в двух подряд. В четвертьфинале я встретилась со своей вечной соперницей Светланой Кузнецовой, которую, наконец, победила 4–6, 6–2, 6–2. Это была победа, но победа изматывающая. Что важно, потому что к моменту, когда я вышла в полуфинал, а пройти так далеко было нелегко, я уже успела вдоволь наиграться в теннис. Я чувствовала себя пресыщенной и усталой, а такой выходить на игру с Сереной Уильямс не рекомендуется.

В полуфинале я начала довольно прытко. Казалось у Серены не идет игра. Может быть, она слишком нервничала. Может быть, была слишком напряжена. Ее форхенд несколько раз подводил ее в ответственные моменты. Первый сет я выиграла 6–2. Я продолжила давить. И счет второго сета быстро стал 5–4 в мою пользу, и я готовилась подавать на матч. А потом что-то произошло. Можно все свалить на жару – игра со Светланой Кузнецовой меня здорово измотала, – но Серена ведь тоже играла под тем же самым солнцем. Можно говорить о плохих розыгрышах

подачи или о неоднозначной игре, но, в конце концов, все встало на свои места. Все дело было в Серене. Она переломила ход поединка и выполнила свою клятву – она поклялась, что никогда больше мне не проиграет – и таким образом ответила мне. Я проиграла три верных очка и на третий сет вышла подавленной. Но самое худшее – это то, что у меня были шансы. Какие? Целых три матч-пойнта! Если у тебя появляется шанс, его надо использовать. По-другому нельзя. Бей, когда есть шанс ударить. Потому что сколько раз в твоей карьере у тебя появится шанс выиграть турнир Большого шлема? Ты или бьешь, или не бьешь. Это твоя карьера. Серена выиграла единственный матч-пойнт, который у нее был, а я проиграла все три. Хотя я боролась до самого конца. Именно так я смягчила горе поражения, именно поэтому мне удалось уйти с корта расстроенной, но не неудовлетворенной. В третьем сете я проиграла 8–6. Игра длилась почти три часа. Это был невероятно изматывающий теннис – нас только двое на корте, мы постоянно на ногах, а мяч не прекращает летать с одной половины на другую. У сетки мы пожали друг другу руки, но ничего не сказали. В финале Серена Уильямс победила Линдсей Дэвенпорт. Счету матча 6–2, 3–6 говорит о многом. У обеих был шанс победить, пока не наступил третий сет, который Серена выиграла 6–0.

После матча я сказала журналистам, что не слишком расстроена, но это было не совсем правдой. После такого матча подобное просто невозможно. Первую половину следующего дня я провела в гостиничном номере с задернутыми шторами, лежа на кровати и наблюдая фильмы по телевизору. В какой-то момент я поняла, что должна выйти. Помню, как вошла в магазин Bulgary, стала рассматривать витрины и наткнулась на это милое колечко. Мне пришлось позвонить маме и спросить у нее разрешения на покупку, потому что оно было не из дешевых. А еще эта сумочка от Chloe с цепочкой вместо ручки, которая есть у меня до сих пор, но которую я, наверное, никогда не буду носить. А потом я вкусно поела, сидя в одиночестве на солнце. И пока я там сидела, я стала забывать об этих трех профуканных матч-пойнтах. Потому что, что еще мне оставалось делать?

Именно так начался один из моих самых лучших периодов в карьере. Те два года – 2005—2006-й в которые, по-моему, я играла в свой лучший теннис. Именно в этот период я стала первым номером мирового рейтинга.

Почему я стала так хорошо играть?

Хотела бы сказать потому, что научилась чему-то новому, улучшила свою подачу, стала сильнее и быстрее, но, мне кажется, все это не важно. Более того, я думаю, что это улучшение связано в основном с моим растущим пониманием и принятием своей собственной игры. Впервые в

возрасте восемнадцати лет я стала, наконец, понимать, как я играю, что я могу и, не менее важно, чего я не могу.

Что же я могла? Каковы были мои сильные стороны?

Я могла сильно бить по мячу. Удар у меня получался низкий и глубокий. Я заставляла своих противниц бегать по корту, потому что рано выходила на мяч. Я обожала отбивать подачу противника, особенно вторую. Ничто в мире не может сравниться с этими несколькими шагами, которые ты делаешь от линии, чтобы принять эту вторую подачу. Даже еще будучи восемнадцатилетней, я уже имела сильную подачу. Иногда она немного плясала, но благодаря тренерам и соперницам улучшалась с каждым годом. Но моим золотым ударом был и остается мой удар слева по линии. Это мой самый любимый. Может быть, потому что по природе я (не исключаю) левша, я могу бить этот удар весь день. И моя подача – в то время это был очень важный элемент моей игры – мое критическое оружие. Я могла посылать мяч при подаче именно в то место, в которое хотела. Потом подача изменилась, но об этом позже. А еще мои внутренние резервы и концентрация. По всем этим параметрам у меня было преимущество. Ну а самой сильной моей стороной является, скорее всего, моя воля. Я ни за что не сдамся.

Теперь чего я не могла? В чем были мои слабости?

Скорость. У менч ее не было. Я человек небыстрый и не умею быстро бегать. У меня медленный первый шаг к отскакивающему мячу, а когда я двигаюсь из стороны в сторону, то могу быть довольно неуклюжей. Я никогда хорошо не выходила к сетке. Как будто что-то удерживает меня от этого. Но даже когда выхожу, то это все равно – один шаг вперед, два шага назад.

Так вот, понимание и принятие этих слабостей оказалось важнейшим этапом моего развития. Это означало, что я могу менять игру в пользу моих сильных сторон и избегать своих недостатков. После стольких лет коучинг и стратегия стали совершенно необходимыми. С хорошим планом на игру я могла диктовать с позиции силы. И именно в сезон 2004 года все это стало складываться у меня в голове в единое целое. Не уверена, что понимаю, почему это случилось именно тогда – может быть, просто мой мозг устроен именно так. Все не понимаешь, и не понимаешь, и не понимаешь, а в один прекрасный день раз, и поняла. И вот тогда я стала выигрывать игру за игрой. Именно в тот год – и это доставляет мне особенное удовольствие – я выиграла и у Серены, и у Винус Уильямс.

Против Серены я играла в финале заключительного турнира WTA в Стейплс Центре в Лос-Анжелесе. Это был конец регулярного тура. Мы

играли на грунтовом корте голубого цвета. Я начала расслабляться. Может быть, именно поэтому я так хорошо сыграла. Это была одна из лучших игр в моей жизни. Я проиграла первый сет, но выиграла весь матч. Немногие помнят эту игру – на восточном побережье ее показывали глубокой ночью, – но я ее никогда не забуду. Что у тебя остается после того, как ты прекращаешь играть? Призы, деньги? Это должны быть воспоминания о тех нескольких идеальных играх, о тех днях, когда у тебя получалось абсолютно все, когда каждая подача попадала точно в цель, а каждый отбитый мяч негромко гудел. Даже сейчас я вспоминаю именно эти моменты, когда вечером закрываю глаза и жду, когда придет сон. Эта встряска всего тела, которую ощущаешь, когда твой удар достигает цели, эта счастливая усталость от бесконечных обменов ударами, эти последние несколько ударов и самый победный из них, это то, как ты возвращаешься в раздевалку, зная, что все твои физические и духовные силы были потрачены на корте и твоя голова абсолютно пуста, а твое тело истощено и удовлетворено.

Помню, как я уходила с корта после последней игры сезона. Моя подруга Софи с улыбкой ожидала меня.

– Ты хоть понимаешь, что ты совершила в этом году? – спросила она меня. – Ты выиграла Уимблдон и итоговый турнир WTA.

Летом 2005 года, незадолго до начала Открытого чемпионата США, я узнала, что сбылась мечта моего отца. Когда были опубликованы новые рейтинги, я оказалась номером 1 в мировой классификации. Я знала, что подхожу к этому месту все ближе, что у меня есть шанс, но, тем не менее, в это трудно поверить, пока не проснешься однажды утром в понедельник и не откроешь новый рейтинг на страничке регулярного тура. Весь сезон, пока ты путешествуешь по турнирам, ты набираешь очки. Определенное количество, когда выходишь в одну шестнадцатую турнира, определенное количество за выход в одну восьмую, в одну четвертую и так далее. Эти очки во время основных турниров складываются. И если ты выходишь, например, в четвертьфинал или полуфинал турнира Большого шлема, то таких очков становится много. А если ты выигрываешь турнир Большого шлема, то это все равно, что три вишни, выстроившиеся в ряд на экране игрового автомата, после чего начинают сыпаться деньги.

Новый рейтинг публикуется каждую неделю. Он связан и с твоими достижениями, и с тем, в каком количестве турниров ты выступала, и с тем, насколько хорошо выступали твои соперницы. То есть я никогда этого точно не знала. Система очень сложная. Для того, чтобы в ней разобраться, вам понадобится кто-нибудь с докторским дипломом Массачусетского

технологического института. До этого у меня был четвертый рейтинг, и, честное слово, разница между номером 4 и номером 1 ненамного больше, чем между полетом в Японию для участия в каком-то заштатном турнире и недельным отдыхом для того, чтобы расслабить плечо. С самого начала своей карьеры я составляла расписания турниров, которые, по моему мнению, должны были подвести меня к турнирам Большого шлема на пике формы. И я никогда не думала о добавлении в это расписание турниров, которые помогут мне набрать очки в квалификации. Так продолжается и по сей день – я зациклена на турнирах Большого шлема, а не на турнирах, приносящих очки в рейтинге.

Все эти годы я мечтала о первом месте рейтинга и работала для того, чтобы его достичь, и вот теперь – свершилось. Только подумать о всех тех великих игроках, которые были № 1 до меня. Билли Джин Кинг. Мартина Навратилова. Штеффи Граф. Теперь я тоже стала членом элитного клуба и этого у меня уже не отнимешь.

Но подобные ощущения надолго не задерживаются. Их хватает на то, чтобы позавтракать, взглянуть на телефон и отправиться на корты. Впереди всегда новый турнир, новый победитель и новый рейтинг. Всегда есть другая девушка, даже целая толпа других игроков, которые борются за то, чтобы занять твое место.

Но в то время, когда я была счастлива, хотя я не уверена, что это было действительно *счастье*, мой отец был просто в экстазе. Первый номер? Да ведь именно об этом он мечтал, именно ради этого работал с того самого первого дня в Сочи, когда Юдкин, этот сумасшедший царь грунтовых кортов, сказал ему, что я могу быть среди лучших игроков мира.

– Но на что ты готов ради этого? – спросил Юдкин у отца. – Ведь это значит, что тебе придется отказаться от всего и полностью изменить жизнь.

Больше всего меня волновало то, что я никак не могла достичь главного – выиграть второй турнир Большого шлема. Он постоянно ускользал от меня, и я постепенно сходила с ума, полагая, что все вокруг думают: ну конечно, один раз она выиграла, но это была неожиданность, везение или счастливый случай. Сможет ли она победить еще раз? Вот в чем вопрос! В начале сезона 2006 года это была практически единственная мысль, которая мучила меня постоянно. Первый номер в классификации – этого недостаточно, мне надо доказать, что я заслужила этот номер. Мне надо выиграть второй турнир Большого шлема.

* * *

Прибыв в Мельбурн на Открытый чемпионат Австралии-2006, я всем

своим видом доказывала, что готова к игре. Я хотела начать немедленно. Я хотела заткнуть рты скептикам и сомневающимся, хотела положить конец слухам. Я легко пролетела через первые круги, выиграв у всех своих соперниц – Сандры Клозель[68], Эшли Харклроуд, Елены Костанич-Тошич[69], Даниэлы Хантуховой – в двух сетах подряд. В четвертьфинале я встретилась с русской спортсменкой Надей Петровой[70], с которой мне всегда трудно играть, и победила ее. Я походила на спринтера, который несется по беговой дорожке. Ничто не могло меня удержать, пока я не врезалась в стену – что случается со всеми, даже со спринтерами. В моем случае это оказалась невысокая, жесткая, безжалостная, похожая на комара бельгийка Жюстин Энен.

Мой стиль игры не очень подходит для соперничества с Энен. Она вытаскивает наружу мои слабости лучше, чем любой другой игрок. Она заставляет тебя двигаться, двигаться и еще раз двигаться. Не важно как или куда ты бьешь, она предугадывает траекторию и отбивает удар, именно поэтому я сравниваю ее с летающим и жалящим насекомым. Ты шлепаешь по щеке и думаешь, что избавилась от него, а потом понимаешь, что оно пролетело у тебя сквозь пальцы и в тебя летит еще один мяч. Я всегда придерживаюсь простой философии: *Для того, чтобы быть лучшим игроком в мире, совсем не обязательно быть лучшим игроком в мире. Достаточно быть просто чуть лучше твоего соперника в день игры с ним.* Философия Энен, по-видимому, еще проще: *если я нанесу по мячу на один удар больше, чем она, то я выиграю.* Это может превратить любую игру в долгий и изматывающий матч. А этот ее бэкхенд одной рукой в разрез! Даже когда я у нее выигрывала, смотрелась я не лучшим образом и здорово выматывалась. До того, как она перестала играть в 2011-м.

Всего Энен была номером один в мировой классификации долгие 117 недель и выиграла семь турниров Большого шлема. Это делает ее одним из лидеров мирового тенниса.

Я верила, что смогу победить, но знала, что это будет непросто. Перед каждым матчем против нее я заранее знала, что она будет готова играть на протяжении трех часов, а мне после этого придется отмокать в ванне со льдом. А в тот день она терпела, терпела и терпела. Удар за ударом я подавала, как мне казалось, абсолютно не берущиеся мячи, а она каким-то образом умудрялась их отбивать. По моим ощущениям, это был один из самых чистых матчей, который я сыграла в своей жизни – я практически не делала ошибок. Но с точки зрения физической нагрузки он оказался одним из самых тяжелых. Играть с Энен – это просто кошмар. Она маленькая,

жесткая, никогда не уступает и не сдается. Когда она играет, она похожа на робота – на лице вообще отсутствует какое-либо выражение. А этот ее конский хвостик! Он подпрыгивает вперед-назад как метроном. Если не остеречься, то он может загипнотизировать. С ней так трудно было покончить – это зверски выводило меня из себя. Первый сет я выиграла с трудом 6–4, но ее маленькие ноги двигались беспрерывно, в комбинации с отсутствующим лицом и дьявольской решимостью.

Второй сет я проиграла 6–1, а за ним последовало поражение в третьем 6–4. Но, возможно, я достала ее больше, чем это было видно на первый взгляд. Ей пришлось сняться с финала с жалобой на боль в желудке после единственного выигранного гейма.

Проигрыш наносит тебе травму. Проигрывать вообще больно. Но в нем есть и кое-что положительное. Он готовит тебя к победе. В тот раз я научилась, как надо играть против Жюстин Энен, что оказалось крайне важным всего через несколько месяцев.

* * *

Открытый чемпионат США – это последний турнир Большого шлема в сезоне, и он несет какое-то облегчение, как прохладный вечер после жаркого дня. У меня с ним обычно связаны пугающие бессонные ночи, рекламные щиты и транспортные потоки, стадион Артура Эша в свете прожекторов, рев толпы, шоссе, ведущее к Национальному теннисному центру Билли Джин Кинг, люди, энергетика и возбужденная атмосфера большого города. Я уже говорила, что Уимблдон – это ни с чем не сравнимый турнир, но, кажется, нечто подобное можно сказать и об Открытом чемпионате США. Ничто не сравнится с выигрышем в Нью-Йорке.

На турнир 2006 года я приехала в ранге третьей ракетки мира. Жюсти Энен была вторым номером. Амели Моресмо, выдающаяся французская теннисистка, была № 1. За несколько недель до этого я снялась в рекламном ролике «Найка». Он вышел в конце августа, незадолго до начала турнира. Он был сделан под документальный фильм, в котором съемочная группа сопровождала меня в течение всего соревновательного дня: я просыпалась, собиралась, уезжала из гостиницы «Уолдоф-Астории» в центре Манхэттена – и направлялась на стадион Артура Эша. По дороге я сталкивалась с различными людьми, каждый из которых пел строчку из песни «Я чувствую себя прекрасной» из мюзикла «Вестсайдская история»: *Я чувствую себя прекрасной, и остроумной, и яркой…*

Ролик заканчивался моим появлением на корте и победным бэкхендом

в финале. Была ли опасность сглазить? Дело в том, что все мы хотели превратить ролик в реальность. Его показывали во время каждого перерыва на протяжении всего турнира.

Мой первый серьезный матч на турнире в тот год состоялся в полуфинале с Амели Моресмо, посеянной под первым номером. У нее непростой бэкхенд, и она хороша в игре у сетки, что никогда не было моим коньком. Игра в ее исполнении выглядела гладкой и упругой. Я никогда не выигрывала у нее в турнирах. В тот год она уже выиграла два турнира Большого шлема в Австралии, когда ей присудили победу, потому что снялась Жюстин Энен, и в Уимблдоне, где она победила меня в полуфинале, а Энен в финале. Наш матч проходил в вечерние часы на центральном корте. Так как солнце в это время садится, тебе приходится скользить среди теней и взглядом орла отслеживать мяч, который постоянно то появляется, то исчезает на свету. А еще ветер. Было довольно ветрено.

В тот вечер на мне было лиловое платье и серебряные туфли для тенниса. Мне было всего девятнадцать, и я была на пути к пику своей карьеры.

Первый сет я выиграла, не проиграв ни одного гейма, 6–0. Во втором победила она 6–4. Были ли у меня в тот момент какие-то сомнения? Возможно. Те условия, в которых мы играли, лишают игрока его обычного самообладания. Во время смены сторон я сначала посмотрела на счет на электронном табло, а потом на свою ложу. Там сидел мой тренер Майкл Джойс. Там сидел мой отец. Он поднял сначала банан, а потом бутылку с водой. Во время смены я на мгновение представила себе, как она будет выглядеть – моя победа. Я была надежной и стойкой. Играла в правильную игру и делала на корте правильные вещи. Не проиграла ни одного гейма. И вот наконец! Я опять была в финале турнира Большого шлема, впервые после Уимблдона.

После матча на корте у меня взяли интервью. Они хотели знать, что я думаю о Жюстин Энен. В субботу нам предстояло встретиться с ней в финале. За последние пару лет я встречалась с ней четыре раза и все четыре проиграла. Но это меня не сильно беспокоило.

– Я еще не закончила, – сказала я толпе журналистов. – В прошлом мне тоже не удавалось победить Амели в соревнованиях, но я победила ее сегодня. С Жюстин счет тоже не в мою пользу, но я хочу сказать, что это не имеет значения. Новая игра – новые возможности.

Оглядываясь назад и записывая эти свои слова, я не могу поверить, насколько я была уверена в себе.

В финале я надела черное платье в стиле Одри Хэпберн и была твердо настроена воплотить рекламный ролик в жизнь. Казалось, что в тот вечер публика сидела слишком близко к корту. Атмосфера на стадионе была наэлектризована. Вспышки камер и кинозвезды. Время от времени создавалось впечатление, что ты смотришь на свою жизнь со стороны, а не проживаешь ее сама. Как будто ты кто-то другая, находящаяся Бог знает где. От этого ощущения необходимо избавляться еще до начала первого гейма. Для того, чтобы выиграть, надо находиться здесь и сейчас. Другими словами, я подошла к игре слегка отстраненная, а это означает, что я нервничала. Энен с самого начала практически раздавила меня – выиграла первые два гейма, прежде чем я успела очнуться. Толпа недовольно заворчала. Я чувствовала, что зрители на моей стороне – они хотели меня приободрить.

Ключом к победе стала моя подача. Тот год был одним из лучших, если говорить о моей подаче. Я стала попадать снова и снова. Она выходила очень точной и постоянно попадала именно туда, куда я хотела. По углам, по линиям и с впечатляющей силой. Когда вы так подаете, то контролируете очко, даже если это не эйс. Зная свои слабости, я смогла перевести игру в плоскость моих сильных сторон. Я стала навязывать свою волю. При розыгрыше некоторых очков я возила Энен по корту, как будто она была марионеткой на веревочках. Я заставляла ее двигаться так же, как она заставляла меня в наших четырех предыдущих встречах. И это проникло в ее сознание, так что даже когда она вставала на линию подачи, она знала, что ей предстоит долгий обмен ударами. После плохого начала я дважды выиграла на ее подаче в первом сете. 6–4 в мою пользу. Второй сет во многом был похож на первый. Моя подача обеспечила мне отскок под левую руку, и мой бэкхенд решил исход вечера. Я выиграла на ее подаче всего один раз в восьмом гейме второго сета, но иногда и одного раза бывает достаточно.

С приближение конца матча я чувствовала, как обстановка накаляется. Толпа, ее выкрики, звуки Нью-Йорка… Теперь все зависело от моей концентрации. В этом матче она была такой, какой не была еще никогда. Результат турнира теперь зависел от моей подачи. Энен отбила мяч мне под левую руку. Это было ее большой ошибкой. Я отбила мяч с силой и в хорошем темпе – она не смогла его взять. Мяч врезался в сетку. И этого оказалось достаточно. В тот же момент я опустилась на колени, закрыв лицо руками, а потом подбежала к трибунам, чтобы обнять папу. А потом вернулась на корт, чтобы получить свой приз – серебряный кубок, который я подняла так резко, что у него отвалилась крышка. В этом вся я. Я

смеялась не переставая.

Я выиграла, но все еще не могла в это поверить. Этот невероятный турнир Большого шлема, выигранный здесь, в Нью-Йорке, на глазах у всех, кто болел за меня и кто болел против. Жизнь может быть прекрасна. И в тот момент мне казалось, что она будет такой вечно. Но когда вы так думаете, когда вы начинаете в это верить, вы скорее всего ошибаетесь.

Глава четырнадцатая

Известный певец как-то спел, что жизнь похожа на зебру.

2008 год не был моей белой полосой. За плохими новостями следовали худшие. Одна чертовщина накладывалась на другую. А началось все с Роберта Лансдорпа, который успел стать такой важной частью моей жизни и моей команды. Он был ненормальным, он был задницей, с ним было сложно, и он был со странностями – но я его любила. По-видимому мой отец не разделял моих чувств. По-видимому он не мог больше работать с ним, или все было наоборот.

Что же произошло?

Все зависит от того, кого и когда вы спросите. Отец скажет вам, что время проходит, многие вещи меняются и люди расстаются. Мы взяли от Лансдорпа все, что нам было нужно, скажет он вам, а Лансдорп получил от нас все, что хотел. Так что никто ни в чем не виноват. Все кончилось. И наступило время двигаться дальше. Отец верит в то, что тренеров и жизненный порядок надо менять каждые несколько лет – это позволяет тебе учиться новому и делает жизнь интереснее.

А Лансдорп отметает все эти разговоры о естественном конце и о том, что люди расходятся, как полную хрень. Вместо этого он называет точный инцидент в конкретный день.

Я играла с Надей Петровой, русской девушкой, о которой я была невысокого мнения. Хотя что-то в ней было. Может быть, соперничество становится острее, когда играешь с соотечественницей? Выглядит так, как будто вы играете за любовь одного и того же партнера. И такие отношения могут выглядеть как ненависть. Надеюсь, что когда я закончу играть, то все мои соперницы смогут меня простить, а я прощу их всех, но пока я в игре, мне необходима эта напряженность в отношениях. В этом нет ничего личного. И не имеет никакого отношения к девушке на корте. Это источник моей энергии. Он необходим мне, чтобы побеждать. Матч шел через пень колоду, и все зрители смотрели на моего отца, который сидел с Лансдорпом в моей ложе. К тому времени Юрий уже стал знаменитым теннисным родителем. Он не давал интервью, ничего не комментировал в прессе, не старался пускать пыль в глаза и от этого казался таинственным и интересным. Прежде чем он сообразил, что происходит, он стал карикатурой в мире тенниса – сумасшедший русский папаша,

прогуливающийся в капюшоне, ни с кем не общающийся и бормочущий себе что-то под нос. Толпа зрителей вспомнила об этом, и обстановка на матче с Петровой напоминала штормовую. И наконец, посередине матча, кто-то бросил на корт теннисный мяч. У меня в руках уже был один – я как раз готовилась подавать, как вдруг, как гром среди ясного неба, на корт спланировал еще один мяч. Публика зашипела. А потом я услышала голос отца, перекрывающий все остальные звуки:

– Заканчивай розыгрыш!

Пресса за это уцепилась. Еще одна выходка ненормального русского. Журналист позвонил Лансдорпу и спросил его мнение по поводу этого эпизода. Роберт не стал много говорить, но то, что он сказал и что напечатала потом газета привели моего отца в ярость. По сути, Лансдорп сказал, что, по его мнению, Юрий не должен был кричать с трибуны. На следующей игре, если верить версии Лансдорпа, отец был вне себя. Они в ледяной тишине сидели друг рядом с другом. Напряжение росло и росло. Я на корте стала проигрывать, и чем хуже игра складывалась для меня, тем хуже становилось их настроение. Наконец, после того, как я проиграла очко, отец повернулся к Лансдорпу и произнес:

– Вот видишь? Вот что получается, когда не кричишь с трибун.

Как ответил ему Лансдорп?

Что ж, если вы хоть раз видели Роберта, то вы, наверное, уже догадались.

– Отвали, Юрий. И кончай скармливать мне эту хрень, – ответил он.

И это был конец – конец моей работе с Робертом Лансдорпом. Он больше никогда не тренировал меня. Потеря была гораздо больше, чем вы можете себе представить. Ведь от Лансдорпа я научилась не только плоскому удару и не только поняла необходимость бесчисленных повторений. Помимо этого, он дарил мне свою дружбу и давал мне уверенность в себе. В наших отношениях была стабильность и сбалансированность, которые редко встречаются в жизни. И неудивительно, что столько великих игроков подчеркивают ту роль, которую Лансдорп сыграл в их успехе. И при этом они говорят не о технической стороне вопроса. Технике тебя может научить каждый. Они говорят о чем-то неуловимом, о тех отношениях и ощущениях, которым он тебя учит и благодаря которым ты выживешь, в какую бы черную яму ты не провалился, потому что ты чемпион. Доказательства? А был бы он рядом с тобой, если бы ты им не был? И именно этого мне потом не хватало многие годы, но особенно месяцы сразу же после расставания. Другими словами, Роберт Лансдорп исчез в самый неподходящий момент –

именно тогда, когда начинался самый тяжелый период в моей карьере.

* * *

Хотя сам по себе год не был таким уж плохим. Я выиграла свой третий турнир Большого шлема. Открытый чемпионат Австралии. Во время этого турнира я играла, наверное, в самый чистый теннис в своей карьере. Помню, все обсуждали, как далеко дойдет Линдсей Дэвенпорт, которая из-за травмы не была посеяна. Оказалось, что я должна была играть с ней во втором круге. Мне это не понравилось. Не важно, каковы твои успехи и как легко тебе все дается на корте – если у великого игрока выдастся удачный день, то шансы на то, что для тебя он будет не таким уж удачным, достаточно большие. А Линдсей Дэвенпорт была великим игроком. Поэтому я готовилась к этому матчу, позабыв обо всем, несмотря на то, что перед ним мне еще предстояла игра в первом круге. Сетка была одной из самых сложных, которые мне доводилось видеть на турнирах Большого шлема. После Дэвенпорт мне пришлось выигрывать у Елены Дементьевой, Жюстин Энен и Елены Янкович – у теннисисток мирового уровня.

В финале я встретилась с Аной Иванович. Это была не лучшая моя игра в турнире. Лучшие я сыграла против Дэвенпорт и Энен. Первый сет висел на волоске. У Иванович было несколько шансов повести в счете. Но во время одного из розыгрышей все изменилось. Во время этого розыгрыша она захотела нанести укороченный удар, который был никому не нужен, и мяч опустился перед сеткой.

И вот тогда я увидела это в ее глазах. Был ли это страх? Нервы? Нет, это была просто случайная подсказка. Она сказала мне о том, что соперница не готова. С этого момента я стала психологически сильнее ее. И разгромила со счетом 7–5, 6–3. Было здорово выиграть мой третий турнир Большого шлема. Теперь мне оставался только Открытый чемпионат Франции.

Один из первых звонков, которые я сделала после победы? Вы удивитесь, но это был звонок Джимми Коннорсу.

Нас познакомил Майкл Джойс. Это случилось в 2007 году во время подготовки к новому сезону. Джойс предложил съездить к Коннорсу в Санта-Барбару. Потренироваться вместе с ним, пообедать и попытаться использовать его опыт. Я мгновенно согласилась. Как действующий спортсмен, я всегда чувствую себя застенчиво в присутствии чемпионов, но это вдохновляет. Ты впитываешь каждое их слово, изучаешь каждое движение. Майкл и я отправились в Санта-Барбару, где жил Джимми, в начале декабря и всю дорогу нас сопровождала песня «Там, где у улиц нет

названий» группы U2. Это была любимая песня Майкла, и скоро я тоже полюбила ее. Мы провели четыре дня, тренируясь рядом с Джимми. Я сильно нервничала. Пропустить мяч, сказать глупость, не ответить на его вопрос… У него была спокойная и немного загадочная манера поведения. Во время перерывов он говорил только о влиянии матери на его игру, о ее помощи и ее реалистичном подходе ко всему происходящему.

В начале и конце тренировки он заставлял меня прыгать через скакалку до тех пор, пока руки у меня не начинали отваливаться. Джимми объяснял это тем, что в былые времена они не занимались всякой ерундой в спортзале, как это происходит сейчас – их занятия были попроще и попрактичнее. То есть прыгание через скакалку. Мне понравился его практичный подход к делу, а еще больше то чувство, с которым я уехала из Санта-Барбары. Я не запомнила, под какую песню U2 мы возвращались домой, потому что проспала в пассажирском сиденье большую часть пути, полностью опустошенная морально и физически этими тренировками. Потом мне пришло в голову что, хотя Майкл и продолжал заставлять меня делать упражнения, похожие на те, которые я делала во время своих тренировок вот уже много лет, образ Джимми Коннорса, молча наблюдающего за мной с боковой линии глазами, похожими на глаза ястреба, добавил мне концентрации и желания тренироваться. В присутствии Джимми Коннорса я не хотела пропустить ни одного мяча. Не хотела никому проигрывать. Я заставляла себя трудится с удвоенным вниманием.

Прошло около месяца и во время праздничного обеда по поводу моей победы в Австралии я позвонила Джимми. Поблагодарила его за то время, что мы провели вместе на корте, и сказала, что эти дни меня здорово вдохновили. Он сказал, что рад за меня. А еще сказал, чтобы я звонила ему не только после побед, но и после поражений. Тогда я это запомнила. И теперь это остается очень важной чертой характера людей, с которыми я встречаюсь. Захотят ли они говорить со мной, когда я проиграю? Когда я потеряю почву под ногами?

Дни после того, как я выиграла Открытый чемпионат Австралии, были странными. Со мной происходили серьезные вещи и не всегда они играли положительную роль.

Первая серьезная вещь – я рассталась со своим отцом, я рассталась с Юрием. Конечно, не как с отцом – они с мамой всегда будут самыми близкими мне людьми на свете, – но как с тренером. Мой отец всегда говорил, что время от времени все надо менять, знакомиться с новыми людьми, потому что они привносят в твою жизнь новую энергию,

оживляют рутину и преодолевают скуку. Скука и рутина – наверное, это самые сильные твои враги в жизни. В результате – и в этом вся ирония произошедшего – советы Юрия привели к тому, что я решила расстаться с самим Юрием. Впервые впереди забрезжил конец моей профессиональной карьеры. Те игроки, играя против которых я сделала себе имя, стали постепенно уходить. Меня уже подпирали новые, все более молодые соперницы. Так что надо было решать: если я хочу доказать, что на что-то способна, что могу быть самостоятельным игроком, самостоятельно выигрывающим турниры, что я, наконец, стала взрослой, то сейчас самое время. И уволив отца – хотя это слишком жесткий термин, – я возьму свою собственную жизнь под свой контроль.

Я послала ему электронное письмо – мне показалось, что так я смогу лучше изложить свои мысли. Мой отец не сильно расстроился. Он не кричал, не бросался вазами, не переворачивал стол. Более того, он это понял и смирился с этим.

– Да, Мария, – сказал он, – теперь тебе пора начинать жить своей собственной жизнью.

Может быть, он уже сам был готов сойти с дистанции, положить конец этой бесконечной череде гостиниц, аэропортов, стадионов. С тех пор мой отец занимается активным отдыхом в горах и на побережье, катается на лыжах и занимается спортом, читает и думает о своем обожаемом Толстом. А тренируется он так, как будто готовится к Олимпийским играм среди спортсменов старших возрастов. То изящество, с которым он покинул свой пост, было его последним великим поступком на посту моего наставника. Майкл Джойс продолжал оставаться моим тренером. Все шло по-старому, и в то же время все полностью поменялось. И наверное, это была бы моя самая большая проблема в том году, если бы не еще одна серьезная вещь, которая случилась со мной после Открытого чемпионата Австралии.

Сначала я не обратила на нее никакого внимания – при подаче мое плечо стало побаливать. Но боль становилась все сильнее и сильнее. Она стала настолько сильной, что у меня пропало желание играть – так болело плечо при подаче. После некоторых игр я даже плакала, потому что боль становилась слишком сильной. Я пыталась играть через не могу, пыталась менять движения, чтобы утихомирить боль, но это только вносило дисбаланс в другие части моего тела. Я теряла ритм, тонкость ощущений и уверенность в победе.

Тренер пытался лечить меня ибупрофеном, специальными упражнениями, массажами, но ничего из этого не помогало. Боль никуда не уходила и особенно чувствовалась при подачах и ударах с полулета слева.

Если мне удавалось выиграть очко без боли, я бывала счастлива. А потом боль возвращалась, и когда это происходило, я впадала в мрачную панику. У меня испортилось настроение.

– Послушайте, – сказал, наконец, мой отец, – у Марии всегда был очень высокий болевой порог. И если все выглядит так плохо, то это что-то большее, чем просто усталость.

Мы пошли к врачу, и он сказал, что это тендинит. Правой ротационной манжеты. Сухожилие напоминает широкую резиновую ленту, состоящую из множества небольших прядей. Они могут воспаляться и даже изнашиваться – это и есть тендинит. В моем случае, сказал врач, это скорее всего связано с постоянно повторяющимися движениями, которые я делаю при подаче. Он велел мне снизить нагрузки, но не прекращать играть – если сухожилие не разрабатывать, оно может потерять эластичность и даже полностью прекратить растягиваться. А еще он посоветовал прикладывать к плечу лед и принимать противовоспалительные препараты. Понадобится несколько недель, но потом боль утихнет.

«Боль утихнет».

Вы знаете, сколько раз я слышала эту фразу? До неприличия много. Я играла, прикладывала лед, принимала противовоспалительные таблетки, но боль не утихала. Более того, она становилась все сильнее. Я поехала к еще одному врачу. Сделав аналогичные снимки и взяв те же самые анализы, он предложил другой диагноз. Может быть, это и был тендинит, но теперь он перешел в бурсит, сказал этот врач. Чтобы не утомлять вас деталями, достаточно будет сказать, что бурсит – это воспаление ткани под связкой. Мне было велено на несколько недель прекратить играть, прикладывать к плечу лед и принимать противовоспалительное от боли. И через какое-то время, сказали в больнице, мое плечо заживет. В худшем случае придется делать уколы кортизона.

И вот в один прекрасный день, после того, как я выполнила все рекомендации – не играла в течение двух недель, принимала противовоспалительные таблетки, прикладывала лед и даже делала уколы кортизона – я зашнуровала свои теннисные туфли и вышла на корт. Ударила несколько раз с задней линии. Вроде бы ничего. Но как только я подняла руку для подачи и коснулась рукой спины, боль вновь появилась, и сильнее, чем прежде. Я не чувствовала ее, когда била справа. Я спокойно могла отбивать высокие мячи. И я не чувствовала ее каждый раз, когда подавала – это-то меня и сбивало с толку, но в остальное время боль присутствовала. Она таилась в самой верхней точке плеча – резкий приступ постепенно переходил в тупую боль, которая продолжалась, может быть,

секунд десять. Когда приступ начинался, я не могла думать ни о чем другом, что делало невозможным выигрыш очков. Я чувствовала себя опустошенной. Тело для профессионального спортсмена – это его инструмент. И когда он его подводит, это всегда очень больно. Такое впечатление, что тебе пришел конец.

Кто-то посоветовал нам врача в Верхнем Ист-Сайде Нью-Йорка. Доктора Дэвида Алтчека, который видел все, что только может случиться с плечом. Нам сказали, что лучше него нет. Ему понадобилось всего пять минут, чтобы понять, что у меня серьезная проблема. Он сделал множество тестов – рентген и МРТ – а потом усадил меня в комнате ожидания. Новости были не слишком обнадеживающими. Дело было не в бурсите. И сухожилие в моем плече не было воспалено – оно было порвано. Много недель я играла с порванным сухожилием – отсюда и вся эта боль. Скорее всего разрыв был следствием моей подачи, постоянного повторения одного и того же мощного движения. Мое плечо вращалось до тех пор, пока рука не касалась середины спины, а потом происходило взрывное движение, чтобы ракетка могла встретиться с мячом в воздухе. Однажды, несколько лет назад, тренер по бейсболу, который увидел мою подачу, отвел отца в сторону и сказал, что такое движение он видел только у нескольких питчеров. Он им восхищался и сказал, что при этом генерируется невероятная сила, но предупредил отца, что позже это может стать причиной очень серьезной травмы. Отец тогда забыл об этом разговоре, но вспомнил о нем сейчас. «Я всегда знал, что ей надо сделать рабочей рукой левую», – подумал он.

Доктор сказал, что мне необходима операция. Концы сухожилия необходимо соединить и сшить. И чем скорее, тем лучше. Для теннисиста это очень серьезная операция. Несколько игроков в прошлом перенесли ее, но ни один из них не смог вернуться на самый верх.

– Вы сможете восстановиться, – сказал врач, – но вы уже никогда не будете прежней.

Я сидела, уставившись на свои ноги, и пыталась осознать эти слова. Мне был двадцать один год. Сначала я не смогла воспринять их. Я не поверила врачу. А потом, уже вечером, до меня, наконец, дошло, и я как будто провалилась в черную дыру. Я только-только достигла того, чего хотела, вывела свою игру и жизнь на тот уровень, к которому стремилась, и теперь я все потеряю из-за какого-то крохотного сухожилия? А что, если моей карьере придет конец? Как меня будут помнить? Как однодневку или еще одну грустную историю, еще одно предупреждение? Нет. Я отказывалась поверить в такой конец.

* * *

Через несколько дней я оказалась в больнице в стираной-перестираной больничной рубашке, в которой меня готовили к операции. В Нью-Йорк я прилетела с мамой, Максом и Майклом Джойсом, который вот уже несколько лет был моим тренером. Я никогда не забуду лицо Макса. Он говорил всякие банальности вроде того, что все обойдется, что каждый игрок… и так далее и тому подобное, пытаясь успокоить меня. Но у него были красные глаза, и мне показалось, что он плакал. Он так трясся, что я тоже начала трястись, хотя и была очень тронута его отношением. Мы с Максом так долго были рядом друг с другом, прошли через такое количество испытаний вместе. Сами того не подозревая, мы превратились в настоящую семью.

Мне объяснили подробности операции. Я все поняла на уровне сознания, но сама мысль о том, что кто-то разрежет мое плечо и станет копаться в моих нервных окончаниях и связках, ужасала меня. Важным моментом для каждого спортсмена является возможность держать все под контролем. *Моя* подача, *моя* игра, *мой* план. И вот теперь, когда начиналась моя самая важная игра в жизни, я теряла этот контроль. Полная потеря всякой независимости. Когда будет идти эта игра, игра, которая повлияет на мое тело, я не смогу быть даже зрителем. Я буду без сознания.

Больше всего меня волновал тот факт, что в палату заходило множество людей и задавало мне один и тот же вопрос. *Какое плечо?* Это или то? А вы уверены, что это не левое плечо?

– Послушайте, – хотелось мне спросить, – вы хоть раз видели теннисный матч? Вы видели хоть одну мою подачу? Я подаю правой рукой и правым плечом. Именно поэтому оно повредилось, и я оказалась здесь! Наконец пришел кто-то, кто нарисовал на моем правом плече чем-то острым большой знак X. Этот знак X был окружен множеством вспомогательных стрелок. Оперировать здесь!

В какой-то момент, после того, как меня укололи и ввезли в операционную, мне сделали внутривенное вливание… И я отключилась. А когда открыла глаза – мне показалось, что прошла всего секунда, – мои рука и плечо были спелёнаты как новорожденный младенец, а мысли были густыми, как сироп. Меня везли на каталке по холлу, покрытому линолеумом. Лампы дневного света. Шуршание колес, покрытых резиной. И вот я оказалась в палате, окруженная знакомыми лицами. Через тридцать минут я посмотрела на Макса и сказала:

– Мне здесь не нравится. Увези меня отсюда.

Я попыталась сесть, и меня вырвало на пол. Это отходила анестезия. Я поняла, что еще не готова покинуть больницу, но именно в тот момент началась мое долгое возвращение.

Вскоре после этого начался мой реабилитационный курс в Аризоне. В основном я работала с Тоддом Элленбекером, специалистом по реабилитации спортсменов, перенесших травму плеча, который располагался в пригороде Феникса.

Каждый понедельник я вместе с Майклом Джойсом вылетала в Аризону и каждую пятницу возвращалась в Лос-Анджелес. Каждую неделю, по понедельникам и пятницам, все с тем же пакетиком арахиса на одном и том же рейсе Southwest Airlines. Я могла бы оставаться в Аризоне, но работа была тяжелой и изматывающей, а я не люблю жить в гостиницах. Именно поэтому я каждый уик-энд возвращалась в Лос-Анджелес.

Начали мы с упражнений на растяжение и на восстановление силы. У меня было такое ощущение, что у меня появилось совершенно новое плечо, все еще онемевшее от пузырчатой упаковки и клейкой ленты. Мне надо было восстановить силу и подвижность. Естественно, что я обо всем этом неоднократно слышала и была готова. А вот к чему я не была готова, что оказалось для меня полным сюрпризом, так это к боли. Нестерпимой боли. Я испытывала ее каждый раз, когда поднимала полуфунтовые гантели и делала простые упражнения. Но у меня не было права на отдых или на нытье. Продолжалось все это много-много дней. И каждый последующий день походил на предыдущий. Серые облака, плохое настроение и дожди, которые время от времени шли по вечерам. А где-то был мир, который продолжал вращаться без меня, в котором выигрывались турниры и на центральных кортах которого поднимались кубки. И все это происходило так, как будто мое отсутствие никого не интересовало, как будто меня вообще никогда не было. Мне казалось, что меня вычеркнули из моей собственной жизни или не пускают в собственный дом.

Для работы со мной привозили множество тренеров и специалистов по физиотерапии, но плечо болело непереносимо, и восстановление продвигалось очень медленно. Операцию мне сделали в октябре 2008 года. К Рождеству я уже была на корте и пыталась ударить по мячу (получалось это очень плохо). Все было каким-то чужим, а под «чужим» я подразумеваю «неправильным». Мне было больно и мерзко. Сила моя куда-то исчезла. Вместе с гибкостью. Вместе с амплитудой движений. Когда я пыталась подать, то не могла завести руку за плечо достаточно далеко, чтобы сгенерировать необходимую силу. Но постепенно я вновь научилась бить по мячу и вынырнула из этой боли и депрессии, правда,

совершенно другим игроком. Моя подача больше никогда не была похожа на ту, которая была у меня в возрасте семнадцати лет. Она была не такой стабильной, не такой свободной, не такой расслабленной.

Мне надо было укорачивать движения. Я знала об этом, но ничего не могла с этим поделать. Я не чувствовала себя в своей тарелке ни на корте, ни в собственном теле. Так что же я делала зимой 2008 года во время этих жалких утренних тренировок? Я училась заново играть в теннис. Теперь мне приходилось больше рассчитывать на хитрость и стратегию. И собственная подача для меня теперь была менее важна, чем прием подачи противника. В результате в некоторых аспектах я должна была стать лучше, а в некоторых – хуже. Но в любом случае мне надо было учиться побеждать поновому.

Отец организовал несколько тренировочных матчей. Ничего хорошего из этого не получилось. Я впала в какое-то паническое настроение. Ничто не радовало меня. Единственное, о чем я могла думать, так это о своем плече, о своем будущем, о своей игре. О плече я, кажется, уже сказала? Из-за него я не могла наслаждаться другими аспектами своей жизни – своими друзьями, семьей, едой, походами по магазинам, солнечными днями…

Мои родители сильно волновались за меня. Так же, как и Макс. И не по поводу моей игры – они все в один голос утверждают, что всегда были уверены, что я смогу вернуться, – а по поводу моего душевного состояния, моего умонастроения. Но, несмотря на всю любовь и поддержку, которую я получала от них, я казалась себе такой маленькой и одинокой. И все, что они ни говорили, не облегчало моего состояния. Поэтому я решила вернуться к своей детской привычке вести дневник, на страницы которого я могла излить свою печаль. И с течением времени он стал моим лучшим другом, единственным другом, которому я могла доверять, другом, с которым я могла делиться самым сокровенным.

Это стало поворотным моментом в моем выздоровлении. Я стала верить в то, что сам механический процесс письма может переучить твой мозг. Когда ты пишешь, то открываешь в себе некоторые мысли и чувства, которые иначе могли бы остаться спрятанными. Ты извлекаешь их на поверхность, где их легче понять и где с ними легче разобраться. Это все равно, что включить свет в темной комнате. То, что в темноте ты принимал за монстров, оказывается всего лишь безобидными тенями. Щелчок, и ты вновь возвращаешься к себе прежней, не такой возбужденной. А еще я стала верить, что таким же образом можно внедрять в свое сознание положительные мысли. Напиши их на бумаге, и все в порядке. И именно поэтому, если вы прочтете все эти дневники, которые я сохранила и

которые помогали мне в написании этой книги, вы найдете в них множество фраз, которые на разные лады повторяют: «Ты можешь, Ты можешь, Ты можешь…» Больше всего в те моменты я думала о своей травме, разочаровании и боли.

Вот типичная запись из дневника:

Я совершенно расстроена! Видите, я даже не могу писать. Бог знает сколько времени прошло с начала реабилитации (по-моему, восемь недель), а я все еще на самом дне канавы в самом центре Америки. И мне совсем не кажется, что моему плечу становится лучше. Это непрерывная борьба. Я делаю все, что в моих силах. И тем ни менее я постоянно ощущаю пустоту внутри. Я знаю, что все поменяется к лучшему, что я смогу начать играть и буду вновь подавать без всякой боли, но в то же время мне кажется, что я пытаюсь обмануть себя, без всяких на то причин. Я каждый день вхожу в клинику и что же происходит? Я становлюсь сильнее? Это уменьшает боль? Сколько это еще будет продолжаться? На эти постоянные вопросы у меня нет ответов.

Пока я восстанавливала плечо, я пропустила слишком много турниров. В рейтинге я опустилась со своей достаточно высокой строчки на позицию во втором десятке. Мне пришлось пропустить Открытый чемпионат Австралии, а это значит, что я не смогла защитить свой титул чемпионки, и это было отвратительно. Это значило, что я в этом году я не пройду этим коридором и не увижу свою фотографию с кубком рядом с фотографиями других теннисисток, выигрывавших трофей до меня.

Играть я начала не раньше марта 2009 года. И начала в совершенно разобранном состоянии. Плечо болело, тело мне не повиновалось, подача пропала, я быстро уставала, но у меня был настрой вернуться в игру во что бы то ни стало. Сильнее всего ты начинаешь желать то, что у тебя когда-то было, а потом исчезло. Так что, пока я не стала игроком из первой десятки, я никогда не знала, как мне этого хотелось. И теперь больше всего на свете я хотела вернуть все назад.

На Открытом чемпионате Франции состоялось мое возвращение на сцену. Я специально к этому готовилась, но чувствовала себя ужасно. Дно показалось в мае, на каком-то подготовительном турнире в Варшаве, который проходил на худших грунтовых кортах, которые мне доводилось видеть в жизни. Я не хотела выступать на нем, но мне нужна была игровая практика. Я не могла заявляться на Открытый чемпионат Франции после столь долгого перерыва. Кажется, я выиграла пару игр и проиграла в четвертьфинале в матче, который я могла выиграть за явным преимуществом в любой другой момент моей карьеры. Меня победила

Алена Бондаренко[71], теннисистка из Украины. Я смотрела ее послематчевую пресс-конференцию.

Помню каждое ее слово, как будто это было вчера. *Мария потеряла скорость подачи; Мария потеряла силу; Мария потеряла свою игру; Мария ужу не та, что раньше; бла-бла-бла…* Помню, как эти слова бежали внизу экрана на канале CNN. Это было именно то, что мне было нужно. Такие вещи резко повышают твою мотивацию. Конечно, я мечтала выиграть Уимблдон и Открытый чемпионат Франции, но теперь все перешло в другую плоскость. Я не только хотела выиграть, я хотела, чтобы Алена Бондаренко поперхнулась своими словами.

Ролан-Гаррос оказался сущим кошмаром. По крайней мере я так его помню. Но когда я смотрю на статистику, все перестает быть только черно-белым. Правда заключается в том, что в своем первом турнире Большого шлема после операции я дошла до четвертьфинала, сыграв несколько хороших игр и победив нескольких приличных игроков. Но я помню только чем все это закончилось. Играла ли ты в последний день, или ты была уже в другом городе, когда весь теннисный мир наблюдал за кем-то еще? Я проиграла кошмарный матч в двух сетах подряд. Мне удалось выиграть только два гейма. Я бы должна была удовлетвориться результатом, ведь это был мой второй турнир после возвращения, но мне не понравился сам турнир, и я была очень недовольна своим последним матчем. После такой игры впору вернуться в раздевалку и завыть во весь голос.

Мой дневник:

Начиная с Открытого чемпионата Франции, меня не покидают большие сомнения. Когда я появилась на пресс-конференции, первый вопрос, который мне задали, был:

– Ходят слухи, что вы не прогрессируете. Почему? Вы не думаете, что вам нужен новый тренер?

Если серьезно, то какое твое собачье дело? Кому вообще есть до этого дело? Такое впечатление, что эти люди – ученые, которые знают все и вся. Займитесь лучше делом!

В конце концов я попала на Уимблдон. В город я приехала, полная надежд, потому что он всегда был для меня волшебным местом. И каждый раз, когда я испытывала трудности, этот город, и травяные корты, и сам турнир возвращали меня к жизни. Как будто на меня просыпали волшебную пыль. Но только не в этот раз. Мир перевернулся с ног на голову. Все, что раньше было хорошо, оказалось плохо. Ниже падать, уже было некуда. Может быть, я слишком хотела победить. Может быть я

слишком добивалась этой победы. Я прошла первый круг, в котором победила спортсменку, прошедшую через отборочный турнир, но далось мне это нелегко. А во втором туре я проиграла аргентинке по имени Гизела Дулко, которая еще даже не имела номера в женской мировой квалификации. Это был мой самый быстрый вылет из турнира Большого шлема за всю карьеру. Не успев еще как следует распаковаться, я уже оказалась на самолете, направляющемся домой. Спортивные журналисты были заняты тем, что писали некрологи по поводу окончания моей спортивной карьеры. Мне было двадцать два года. Я прожила хорошую жизнь, но сейчас она закончилась.

Как только я добралась до дома, я достала дневник и стала писать:

Вот я уже и дома, в четверг на первой неделе Уимблдона. И это действительно вызывает у меня сильное отвращение. Честно говоря, я испытываю целый комплекс разных мыслей и ощущений. С одной стороны, приятно сознавать, что моя рука так здорово себя вела.

Я действительно не верила, что готова играть в таком тяжелом ритме – четыре турнира подряд. И все-таки я почему-то была собой очень недовольна. Конечно, это Уимблдон, а я не люблю проигрывать. А еще сегодня утром в аэропорту, когда я покупала один из этих бульварных журналов, с первых страниц практически всех изданий на меня смотрело мое собственное лицо, под которым были крупные заголовки: «С Шараповой покончено!» Ублюдки. Я села на самолет, и каждые две минуты меня спрашивали, не хочу ли я газету. А дама передо мной как раз читала спортивный раздел. И опять этот заголовок: «С Шараповой покончено!» С какого это перепуга женщина решила почитать спортивный раздел в газете именно в этот день?

Глава пятнадцатая

И кому поплакаться в жилетку в такое непростое время?

Большинству людей в таком случае обратиться к друзьям по работе, к тем людям, с которыми они вместе работают в офисе. Но у меня друзей в «офисе» нет. И не потому что я не люблю своих коллег, а потому что очень трудно быть друзьями с другими игроками. Ведь они твои соперники на корте, а если ты станешь дружить с ними, то потеряешь серьезное преимущество. Если ты мне нравишься, то мне будет сложнее отодвинуть тебя в сторону. Я не верю, что я единственный игрок, кто так чувствует, но я одна из немногих, кто в этом признается. Когда я вижу двух игроков, которые сильно сближаются во время профессионального тура, я знаю, что у такой дружбы всегда будут свои ограничения. Мне легче быть честной и говорить правду, чем устраивать шоу перед прессой. В тяжелые времена я обращаюсь к своей семье и к нескольким подлинным друзьям, которые появились у меня за эти годы, а не к соперникам. Конечно, не стоит забывать о возможной поддержке возлюбленного. Когда я смотрю на свой дневник, то вижу, что помимо мрачных размышлений и упражнений по позитивному мышлению он заполнен постоянными раздумьями о влюбленностях и о будущих возлюбленных, а также моими общими взглядами на романтические отношения. В свои ранние годы в профессиональном теннисе я удивлялась, насколько я привлекаю внимание взрослых мужчин. Мне это было смешно, потому что я все еще ощущала себя ребенком.

Меня всегда интересовало, какого типа мужчина подойдет мне лучше всего.

Кого я выберу в *единственные*? – задавала я вопрос в дневнике, еще будучи тинейджером:

Прежде всего он должен понимать и уважать то, чем я занимаюсь. И у него должна быть своя цель в жизни. А еще он должен быть человеком практичным и скромным, и если у него будут миллионы долларов, то по нему об этом нельзя будет догадаться. У него должно быть чувство юмора, потому что я люблю смеяться.

Он должен быть нежным, заботливым и милым. Быть открытым и не бояться говорить правду, потому что я ненавижу людей, у которых есть секреты. А самое главное, он должен любить меня такой, какая я

есть, скорее за мой внутренний мир, а не внешний облик. И все-таки мне больше всего нравятся «плохие мальчики», хоть я и понимаю, что с ними одни проблемы. Я хочу их перевоспитать и ввести в дом. Люблю сложные задачи.

Серьезных отношений у меня не было до двадцати двух лет. На дворе стоял конец 2009 года. Моя подруга в субботу устраивала барбекю для своих у себя дома. Она позвонила за несколько часов до этого и спросила меня, может ли она пригласить кого-нибудь «перспективного», потому что мне надо развеяться.

– Естественно, – сказала я, не очень поняв, что она имеет в виду.

Он появился в середине вечера, с волосами, еще мокрыми после душа, в спортивном костюме и со льдом на обоих коленках. И мгновенно мне понравился. Субботний вечер, а он только что закончил тренировку? Мой человек.

Его звали Саша Вуячич. Он был словенским баскетболистом, вот уже пятый сезон играющим за «Лос-Анджелес Лейкерс». В ту ночь мы ели рыбное филе, приготовленное на гриле, и обменялись телефонными номерами.

На следующее утро я летела на самолете в Напа-Вэлли с мамой и несколькими близкими друзьями. Это были мои каникулы после прошедшего сезона. По дороге я рассказала маме о Саше.

– Он высокий и европеец, – сказала я.

– Нет, Маша, – ответила мама. – У баскетболистов редко бывает хорошее образование.

У меня его тоже нет. Кроме того, он родился в Европе и успел посмотреть мир. Наверняка чему-то он успел научиться за это время.

Мама покачала головой. Она больше не хотела слышать о нем.

Мне это показалось несправедливым. Я никогда не признаю непригодным человека только из-за того, что его спортивная биография не позволила ему закончить школу. Я решила дать Саше шанс.

У нас возникла связь – близость и взаимопонимание, которые, как мне тогда казалось, могут связывать только спортсменов. Мы подходили друг другу. У него был дом в Лос-Анджелесе, и он был профессиональным спортсменом; он был высок, у него был восточно-европейский склад ума, и он был близок со своей семьей. На бумаге все выглядело прекрасно.

Но даже в те ранние дни были заметны некоторые признаки будущих проблем. Например, он настаивал, чтобы, будучи в Лос-Анджелесе, мы жили только в его доме, хотя мой был больше, лучше и находился всего в двух шагах от его. Это был чисто мужской подход или, может быть, это

был подход мужчины, родившегося в Восточной Европе. Он всегда подчеркивал свое центральное положение в наших отношениях, что это его дом и его мир, который он полностью контролирует. Он не любил, когда ему напоминали, что у меня своя собственная карьера, что мой дом лучше, а доход выше. Меня это мало волновало, а вот для него это было важно. И мы никогда не могли обсуждать тот факт, что в своем мире я, может быть, более успешна, чем он в своем. Поэтому мы жили у него дома и не говорили о подобных вещах. Мы просто продолжали наши отношения.

Где-то через год после их начала мы объявили о помолвке. Но это не был традиционный шаг перед женитьбой – я была к ней совершенно не готова, – скорее это была декларация о намерениях. Мы как бы заявляли о серьезности наших отношений. Мне кажется, что это тоже идет от Восточной Европы или от Словении. Вроде как символ любви. Вроде как мы заявили всему миру, что у меня есть только он, а у него есть только я. Он подарил мне кольцо с громадным бриллиантом, которое я снимала только во время игры. Иногда я с сомнением смотрела на него и думала: неужели я действительно помолвлена?

Мир тенниса мал и полон сплетен, так что эти новости быстро стали достоянием общественности. Некоторые девочки поздравляли меня или спрашивали о планах на свадьбу и медовый месяц. Где-то в это время Серена Уильямс отвела меня в сторонку в раздевалке Уимблдонского турнира. Я готовилась к первой игре турнира и пыталась психологически настроиться на нее – обычно в таких случаях, за час до начала игры, игроков оставляют в покое. Серене все было до лампочки. Она была слишком взволнована и хотела обсудить со мной мою помолвку. Она только что восстановилась после травмы. Я практически никогда с ней не разговаривала, но она подошла ко мне как старая подружка.

– Привет, Серена, – сказала я. – Рада твоему возвращению.

– Я слышала, ты помолвлена, – чувствовалось, что она возбуждена. – Жаль, что так получилось. ХА! ХА! ХА!

И она стояла передо мной, смеясь своей шутке.

Я тоже стояла. То есть, а что я могла на это сказать? Я засмеялась вместе с ней. Как я уже сказала, до моей игры оставался час. Я уже была в форме и собиралась начинать разминку. Она это видела. Но сама она уже закончила свой матч, поэтому ей-то какое до этого было дело? Она увидела меня в раздевалке «только для членов», села рядом со мной, оглянулась вокруг, как будто проверяла, нет ли рядом шпионов и соглядатаев, и зашептала театральным шепотом. Так шепчут тогда, когда хотят, чтобы все вокруг узнали о теме разговора.

– Ты знаешь, я тоже помолвлена! И никому об этом не говорила, кроме тебя.

Вы только задумайтесь над этим. Это был человек, с которым я в жизни толком не разговаривала. Мы только обменивались любезностями над сеткой после окончания игры. И вот она произносит все тем же шепотом:

– Ты не поверишь, Мария, но я встречаюсь с парнем. И встречаюсь очень давно. И он попросил меня выйти за него замуж. А я не знаю, что мне делать. Я хочу замуж, но, мне кажется, сейчас неподходящее время.

Я взглянула на часы. До игры оставалось сорок пять минут. До первого круга Уимблдонского турнира.

– Все это очень интересно, но… – попыталась сказать я.

Она немедленно перебила меня.

– Я должна тебе кое-что показать, – сказала она, выуживая из своей сумки небольшой мешочек с замочком. – У меня здесь кольцо. – Она уронила этот большой бриллиант мне в руку.

– Так ты действительно помолвлена? – спросила я, не зная, что еще сказать или сделать.

– И да, и нет, – ответила Серена, забирая у меня кольцо. – Или, наверное, да. Но никто об этом не знает. Мой отец ничего не знает. Моя мать ничего не знает. Знаешь только ты и никто больше.

Я просто сидела, уставившись на нее. Не знала, что сказать. Зачем она мне все это рассказывает? А потом я ушла и выиграла свою игру.

Когда после этого мой тренер и моя команда бросились ко мне с поздравлениями, я сказала:

– Вы не поверите, что произошло со мной еще до того, как я вышла на корт.

А потом, в один прекрасный день, Саша перешел в «Нью-Джерси Нетс». То ли он заранее спланировал это, то ли для него это был просто шанс получить больше игрового времени… Его новый дом теперь располагался в Хобокене, штат Нью-Джерси. Где это, черт побери? Он сказал, что оттуда можно на пароме добраться до одного из моих самых любимых городов. Я засомневалась. Стала выяснять адреса местных кафе, в которых я могла бы ждать, пока он на тренировке. «Карло’з Бейк Шоп» – это все, что мне удалось найти. Кажется, это кафе стало известным после реалити-шоу *Король кондитеров*. Если люди начинают выстраиваться в очередь, чтобы купить канноли в Хабокене, то ты поневоле задаешься вопросом – что это за дыра? Дыра жуткая. Особенно в феврале, когда река покрывается льдом, паром прекращает работать, а транспортный поток настолько перегружен, что любимый город, в котором ты хотела бы

оказаться, становится практически недоступным.

Много месяцев спустя, когда НБА была накануне локаута, Саша рассматривал несколько интересных с финансовой точки зрения предложений, которые он получил из-за границы. Я никогда не думала, что он может их принять, пока в один прекрасный день он не сообщил мне об этом. Он подписал контракт с турецким клубом. Так что прощай Хабокен, здравствуй Ешилькёй! Еще один город, о котором я ничего не знала. Сначала я боролась с самой мыслью об этом, а потом мне пришлось столкнуться с реальностью.

Теперь мы месяцами находились вдали друг от друга, и у меня появилось время обдумать то, как развиваются наши отношения. Ему так важно было чувствовать себя в них мужчиной, а с моей карьерой это было трудно. Он никак не мог признать тот факт, что в своем мире я была более успешна, чем он в своем. Мой успех, моя слава, мои деньги превращались, по-видимому, в непреодолимое препятствие для него. Может быть так было всегда, и жизнь на расстоянии просто открыла мне глаза? А может быть, я просто отказывалась признать это? И это стало реально беспокоить меня. Я чувствовала себя запертой в крохотном помещении, в ловушке. И в период подготовки к Открытому чемпионату Франции я стала постепенно отдаляться от Саши эмоционально.

Когда я вошла в раздевалку с призом в руках, после победы в финале Ролан-Гаррос, я набрала его телефонный номер. Он ответил, но на заднем фоне я слышала удары мячей – на баскетбольной площадке проходила тренировка. Его тренер сообщил Саше о моей победе. Саша меня поздравил. Я была так перевозбуждена, настолько захлебывалась в эмоциях, что стала его благодарить. За то, что был со мной в трудные моменты жизни. За то, что поддерживал меня в моих неудачах. За то, что толкал меня вперед, верил в меня. Казалось, что он был искренне тронут и радовался за меня. Я уже давно не чувствовала такого отношения к себе. А когда я позвонила ему вечером, его настроение резко изменилось. Его голос звучал агрессивно и почти зло. Я спросила, в чем дело? Он объяснил, что, вернувшись домой, он посмотрел церемонию награждения. Я сразу же поняла, в чем причина столь резкой перемены. Он бесился от того, что я не упомянула его в своей речи по поводу награждения. Ни о чем другом он не мог думать. Многие месяцы я ждала от него какого-то знака, какого-то намека. И вот я его получила – всего в одном предложении. Наши отношения закончились.

Я часто спрашиваю себя, чего я жду от романтических связей, или лучше, что мне кажется, я жду – кроме высоких отношений? Ну, наверное,

чтобы мой партнер был бы и моим другом. Ровней мне. Я хочу иметь дом и детей, хотя до этого еще так далеко, что трудно себе представить, потому что сейчас моя жизнь – это вечные переезды из города в город; потому что я иногда поднимаюсь на такие вершины, а иногда падаю в такие пропасти, что мало кто из мужчин согласится сопереживать тем чувств, которые испытывает или не испытывает игрок на корте. Как я уже говорила, мужик всегда хочет оставаться мужиком. А когда ты находишься в турне, то тебе приходится самой быть мужиком, несмотря на твой пол. И если вместе с тобой в туре путешествует твой бойфренд, то, скорее всего, он пожертвовал ради тебя своей карьерой, а кому это надо? Или – еще один вариант – он тоже профессиональный теннисист. С этим мне также пришлось столкнуться.

* * *

После каждой игры я получаю от своего агента Макса электронное послание: «Ты чемпион». И по количеству восклицательных знаков после текста я могу понять, насколько он в это верит. Это стало настолько обыденным, что у меня появилось подозрение, что он просто копирует этот текст. Он что, посылает его всем своим клиентам? Меня это совсем не интересует. В октябре 2012 года, уходя с корта после четвертьфинального матча на турнире в Пекине, я проверила телефон и увидела послание от Макса. «Спасибо», как всегда, ответила я.

Через десять минут я получила еще одно послание, которое меня удивило. Макс был в Майами, и там было 4 часа утра. Разве он не должен спать?

«Григор Димитров хочет твой номер».

Я посмотрела на телефон с удивлением и некоторым, как бы это сказать, волнением? Убрав телефон в карман, я десять минут провела на велотренажере, чтобы остыть, а потом пятнадцать минут растягивалась, пока мой тренер обсуждал со мной прошедшую игру. Правда, я плохо его слушала, и в этом не было ничего нового – потому что Томас Хогстедт – мой тогдашний тренер – после матча болтал гораздо больше, чем это необходимо. Потом я достала телефон и увидела еще одно послание от Макса. Оно не отличалось от первого: «Григор Димитров хочет твой номер».

Почему два послания подряд? Макс что, считает, что в Пекине плохая связь?

– Для чего? – ответила я ему.

– Для чего? Ты что, дура? – пришел ответ от Макса.

Я поискала в Гугле, чтобы узнать возраст Григора. Он вообще совершеннолетний?

Двадцать один год. Всего лишь.

– Дай ему адрес моей электронной почты.

Помню, как я обратила внимание на мальчика, идущего по аллее Уимблдона – он был высоким, худым, и на его лице была улыбка человека, который знает, насколько он хорош.

– Слава Богу, что он не из моего поколения, – сказала я тогда тренеру. – Иначе это было бы опасно. Опасно отвлекающе.

Мы обменялись несколькими электронными письмами, и Григор попросил у меня телефонный номер.

Я притворилась, что «не такая», и дала ему ПИН своего мессенджера BlackBerry. А уже потом номер своего мобильного. Письма сменились телефонными звонками, а телефонные звонки разговорами по Скайпу. Все было очень просто и искренне. Я вообще сильно не задумывалась об этом, пока, после очередного разговора он не перезвонил мне буквально через тридцать секунд.

– Прости, но я скучаю без твоего голоса, – сказал он. – Мы не могли бы поговорить еще немного?

В то время я даже не знала его номера в мировой классификации.

Наши разговоры по Скайпу продолжались. Мама стала называть их сеансами терапии, потому что после них я улыбалась.

Нечто в расписании турниров Григора поставило меня в тупик. Он приехал в Париж слишком рано, чтобы начинать подготовку к турниру в закрытых помещениях. Для меня это не имело смысла.

Где он собирается играть до того, как начнутся соревнования в основной сетке? Я быстренько открыла ненавидимое мной телефонное приложение, которое называется Live Scores и которое представляет собой итоговые таблицы всех теннисных турниров, включая данные о посеянных на них игроках. Те три года, что я была с Сашей, я проводила слишком много времени на NBA.com, выясняя время, проведенное на площадке, заработанные очки и проценты попадания. И я еще не была готова вновь вернуться к подобному после такого короткого перерыва. И тем не менее я это сделала.

Я проверила список посеянных игроков. Григора среди них не было. Я перешла к квалификационному турниру. И нашла его там. Шестидесятый номер в мировой табели о рангах. Не успела я сообразить, что происходит, как уже изучала результаты квалификационных матчей.

Прошло много времени, прежде чем он появился на пороге моего дома

с букетом красных роз и гигантским плюшевым медведем.

После этого мы стали проводить много времени вместе.

Через несколько дней он спросил, согласна ли я стать его девушкой? Этого я не ожидала. И не была готова к подобным отношениям. Он сказал, что подождет.

– Что это за человек? – спрашивала я саму себя.

Я с удивлением осмотрела его – почему этот симпатичный парень, который мог бы наслаждаться жизнью, ждет женщину, которая еще не готова к романтическим отношениям с ним?

– ОК, – ответила я. – Только я еще не знаю, когда буду готова. Это может занять месяцы.

– ОК, – согласился Григор. – Я подожду. Я знаю, чего я хочу – а хочу я тебя.

Недели превратились в месяцы, и не было ничего, что могло бы остановить наши отношения. Я наблюдала, как он рос, побеждал, страдал от проигрышей, восстанавливался. Вверх – вниз. Мне так нравилось наблюдать за тем, как он играет. И вот в один из рождественских дней я оказалась на пластмассовом стуле возле корта, наблюдая за его тренировкой. Только я, моя лучшая подруга Эстель, Григор, его партнер по тренировке и солнечный калифорнийский день, ничем не похожий на рождественский.

Я следила за тем, как он поднимается в квалификации. Видела, как он менял грязный отель возле шоссе в Мадриде – такой, в котором даже крысы не живут – на люкс в парижских Four Seasons или в Carlyle в Нью-Йорке. Я видела, как он превращался из мальчика, который боится потратить деньги на лучшее место в самолете до Австралии, в мужчину, который садится на частный самолет, предоставленный новым другом-миллиардером. После одного из матчей в Брисбейне он подарил всем членам моей команды белоснежные крахмальные сорочки с запиской, что в один прекрасный день он тоже хотел бы иметь такую команду. И она у него появилась еще до того, как мы разошлись. Я наблюдала за тем, как он превращался в самостоятельного человека, способного принимать самостоятельные решения; я смотрела, как он становится мужчиной.

Григора называли будущим Роджером Федерером, сравнивали его то с тем, то с другим. Он дошел до восьмого номера в мировой классификации, и у него был громадный потенциал. Изумительные по красоте удары. То, как он бьет по мячу, а потом скользит даже на кортах с твердым покрытием, вызывает восторг. Он может делать со своим телом невероятные вещи. Это дар, но в то же время это и проклятие. Желание не

просто выиграть, а выиграть красиво всегда мешало ему. Победа должна быть или идеальной, или она вообще не нужна. Она должна быть невероятной, в противном случае о ней можно забыть. Именно поэтому ему еще только предстоит использовать весь свой потенциал. Что отличает игрока великого от просто хорошего? Хорошие игроки побеждают тогда, когда все складывается в их пользу. Великие выигрывают даже тогда, когда все летит в тартарары, когда сама игра ужасна – то есть тогда, когда их величие исчезает. Потому что невозможно быть великим постоянно. А вот можешь ли ты добиться успеха в неудачный день, когда ощущаешь себя совершенно разбитым и начисто лишенным сил? Вот в чем вопрос. У меня было несколько дней в карьере, когда я была практически безукоризненна – я могу пересчитать их по пальцам одной руки – но главный для меня вопрос – это как научиться выигрывать с тем, что у тебя есть в данный конкретный момент. Я выиграла множество матчей просто благодаря тому, что смогла найти лазейку. Григору еще только предстоит научиться этому. А пока – если это тяжело и далеко от идеала, то его это не интересует.

Недавно Григор сказал мне – мы говорили с ним по телефону после того, как он вышел в полуфинал Открытого чемпионата Австралии – что хуже всего, это когда ты получаешь нужную вещь в неподходящее время. Это напомнило мне о вечере перед Уимблдонским турниром 2015 года. В 2014 году Григор вышел в полуфинал, победив Энди Маррея, а в полуфинале проиграл в четырех сетах Новаку Джоковичу. Григор достал буклет, посвященный прежним победителям Уимблдона, который готовится перед каждым турниром. Аккуратно перелистывая страницы, он дошел до моей фотографии, на которой я в его ложе наблюдала за его игрой.

Он печально посмотрел на меня – мне даже показалось, что я заметила слезы у него в глазах.

– Ты видела это фото? Для меня это все в жизни. Ты в моей ложе, рядом с моей мамой.

И именно в тот момент у меня прошла та эмоциональная тяга, с которой я боролась все это время. Я так же, как и он, знала, что это не мое место. Мне надо было быть сконцентрированной, готовиться к собственным играм, к триумфам и поражениям на самой большой сцене в своей карьере. И его матч я тогда наблюдала только потому, что рано вылетела из соревнований. Поэтому его приятные воспоминания были моим кошмаром. Что означало, что все это произошло только из-за моего проигрыша. Как он и говорил – нужная вещь в неподходящее время.

Глава шестнадцатая

А пока я продолжала играть в теннис. И играла очень много.

Я не занималась ничем, кроме тенниса. Я была уже не молодой, но еще и не старой. Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь лет. Я была в самой середине своего профессионального пути – возбуждение первых дней уже прошло, а впереди меня еще ждало много дней и лет.

Иногда я думаю, правда ли, что эти годы самые сложные? Ты уже рассталась с тем юношеским рвением, которое привело тебя к первым триумфам. Уже достигла многого. Узнала вкус побед и поражений. Поднимала кубок на Центральном корте и сталкивалась с тем, что происходит после этого – с необходимостью возвращаться к тренировкам. Ты уже не новичок для аналитиков и журналистов. Тебя уже всю осмотрели и обсудили до такой степени, что с тебя стерлась вся позолота. В любом другом мире ты бы все еще находилась в самом начале своего пути, все еще была бы зеленым новичком, но в мире тенниса ты уже выше всего этого. Ты уже получила травму и тебя починили, а потом ты травмировалась опять и опять. Твое тело уже изношено и разрушено. Было время, еще совсем недавно, когда ты отмечала великих игроков, известных звезд тенниса, которых тебе придется победить на своем пути к славе. А теперь для новой поросли игроков – а их поток никогда не иссякает, их штампуют Рики Маччи и Ники Боллетьери наших дней – ты сама уже звезда, монумент, известный игрок, которого необходимо победить. И каждый игрок выходит на игру с тобой с максимальной энергией и сильнейшей мотивацией. Победа над тобой – значит не просто победу над тобой – это может оказаться тем светлым пятном, которое украсит серенький во всех отношениях сезон. А что будет мотивировать тебя? Ради чего играешь *ты сама*? Ты уже была первым номером в классификации, выигрывала турниры Большого шлема – Уимблдон, Открытый чемпионат США и Открытый чемпионат Австралии. Ради того, чтобы выиграть их еще один раз? Пройти по тому же кругу почета… Неужели этого действительно достаточно для того, чтобы заставить тебя тренироваться на корте день за днем?

Надежда на память и величие – и этого достаточно? Неужели этого хватит? Скорее всего нет. Это все абстрактная хрень, годная для журналистов и болельщиков. Для меня лучшей мотивацией всегда были

вещи маленькие, а не огромные, личные, не глобальные. Войти в книгу рекордов? Остаться в памяти потомков? К черту эту ерунду. Вы слышали, что эта девочка сказала обо мне на пресс-конференции? Вот это заставляет меня идти вперед. Пусть все они подавятся своими словами. Не важно, сколько уже прошло лет и турниров – я все еще хочу выигрывать.

С Майклом Джойсом мы работали с 2005 года. Он был отличным тренером и прекрасным другом. Мы прошли с ним через все – хорошее и плохое, – но, в конце концов, уперлись в стену. Думаю, что из-за того, что мы стали слишком близки. Со временем он стал для меня не столько тренером, сколько братом. А вы сами знаете, как это бывает – в какой-то момент вы просто перестаете слушаться своего брата. В наших тренировках пропала искра. Они превратились в рутину. И тогда мы решили нанять второго тренера. Мы не будем увольнять Майкла Джойса, а просто дадим ему дополнительного помощника. И мы наняли Томаса Хогстедта, бывшего шведского игрока, который добавил энергии моим тренировкам, разработав такие упражнения и разминки, которые заставили мою игру вновь заиграть всеми цветами радуги. Это стало очевидным уже на первых соревнованиях, когда Хогстедт и Джойс отработали весь турнир плечом к плечу, а не только присутствовали на тренировках. Хогстедт быстро занял лидирующую позицию, давая указания и всячески доминируя над беднягой Майклом Джойсом. Сразу же после окончания турнира мы уже знали, что надо сделать. С грустью в душе мы расстались с Майклом. Это было одно из самых тяжелых решений в моей жизни. Мне не хочется употреблять слово «уволили», потому что, как я уже сказала, он в тот момент был скорее не тренером, а родственником. Просто мы не могли больше помогать друг другу так, как это было необходимо. Правда, в результате с Хогстедтом тоже ничего не получилось, но это уже другая история.

Мое плечо было уже не таким, как в возрасте семнадцати лет, но лучше оно уже стать не могло. Я выработала новый стиль игры. Она стала зависеть не столько от подачи, сколько от приема мяча. Речь шла все о тех же силовых плоских ударах с отскока, но теперь к этому добавлялось некое подобие закрутки мяча. С возрастом игра должна эволюционировать. Это случилось бы и в том случае, если бы с моим плечом все было в порядке. Надо учиться сознательно делать то, что раньше ты делала инстинктивно. Надо искать небольшие преимущества и едва заметные возможности, чтобы совершить рывок. Прочитай подачу, рано выйди на мяч, приспособь свою игру к своим физическим возможностям, которые постоянно изменяются. Если этого не делать, то карьера закончится довольно быстро.

А если это получится, то с возрастом твоя игра станет только лучше. Именно поэтому карьеры великих спортсменов, и не только игроков в теннис, могут быть разбиты на несколько периодов: есть ранний Пикассо и есть поздний Пикассо, есть ранний Агасси, и есть поздний Агасси. Молодой спортсмен знает, как выплескивать энергию, знает, как нужно играть – старый знает, как ее беречь и как выигрывать.

Я играла как профессионал уже десять лет. И играла неплохо. Выигрывала множество турниров и держалась в первой пятерке рейтинга. Но с того момента, как я выиграла самый крупный турнир, прошло уже много времени. Много времени прошло с того момента, как я выигрывала турнир Большого шлема, а после операции этого не произошло ни разу. А мне это было необходимо. Еще один титул победительницы турнира Большого шлема. Это было нужно для моего благосостояния, для моего чувства самоудовлетворения, а еще и для самой профессиональной карьеры. Это был единственный способ, которым я могла доказать, что я действительно вернулась. Без этой победы моя история всегда будет делиться на два периода: до операции и после операции; после операции она все еще была отличным игроком, но не настолько отличным, чтобы выиграть турнир Большого шлема.

В 2012 году на Открытом чемпионате Австралии я почти добилась этого. Меня посеяли под четвертым номером. В ритме вальса я выиграла первые туры, проиграв на пути к четвертьфиналу всего четыре гейма. В четвертом круге я проиграла первый сет Сабине Лисицки[72], но потом собралась и победила со счетом 6–2, 6–3. Первый действительно сложный матч случился уже ближе к концу соревнований, когда я в полуфинале играла с Петрой Квитовой[73]. Чешская теннисистка, на несколько лет младше меня, она всегда была для меня сложной соперницей. Левша, которая наносит сильные, доминирующие удары с отскока и заставляет тебя бегать по всему корту. Подачу ее тоже нелегко прочитать. Я хочу сказать, что в то время она была одной из лучших теннисисток в мире. За год до этого я проиграла ей в финале Уимблдона, так что мотивации у меня хватало. В тот год я впервые после 2004 года добралась до финала, а Квитова спутала мне все карты. В Австралии она была посеяна под вторым номером и представляла собой реальную проблему.

Она была в фиолетовом, я играла в белом платье и с флуоресцирующим зеленым козырьком. Весь день у меня были проблемы с подачей. *Мое плечо. Моя координация*. В том матче я совершила десять двойных ошибок, и половина из них пришлась на первый сет. И тем не менее у меня еще

оставались силы, чтобы быть изворотливой, блефовать и продолжать сопротивление. Теперь главным была сила воли. Кто сможет навязать свою игру, а кто согласится с тем, чтобы ей ее навязали? Первый сет я выиграла 6–2. Квитова взяла второй – 3–6. В лучших розыгрышах мне удавалось ловить скоростные мячи соперницы и использовать эту ее скорость против нее самой. Игра продолжалась, и стало понятно ее содержание. Я начала лучше понимать ее намерения, угадывать направление ее подач. Уже много лет я не чувствовала себя так здорово. Я играла в свою старую игру. Выиграв подачу Квитковой, я выиграла весь матч.

Финал был провальным – в том, что касалось лично меня. Я проиграла белорусской теннисистке Виктории Азаренко – проиграла быстро и сильно разочаровалась. Проигрыш был просто кошмарным. Все было закончено чуть больше чем за час. Я выиграла первый гейм, а потом посыпалась. Мне ничего не удавалось в тот вечер. В первом сете я выиграла всего три гейма, и ни одного больше до самого конца матча. Это был один из самых неожиданных финалов за всю историю Открытого чемпионата Австралии. Именно поэтому спортсмены должны иметь короткую память, если они, конечно, хотят выжить. Помнить – важно, но еще важнее уметь быстро забывать. Когда проигрываешь равный матч, то узнаешь что-то новое о своих возможностях и запоминаешь то, что узнал. Но когда ты проигрываешь так, как я проиграла тот финал, то лучше всего забыть об этом как можно скорее.

На Открытый чемпионат Франции в 2012 году я прибыла как фаворит. У меня действительно было ощущение, что все должно случиться, что наступило именно то время. Финал Открытого чемпионата Австралии? Мне казалось, что на нем я просто избавилась от того, от чего должна была избавиться. Я приехала в Париж здоровой и в хорошей форме. Мне сообщили, что в случае победы я, скорее всего, вновь стану первым номером в мировой классификации. Была еще одна интересная деталь – Ролан-Гаррос был единственным турниром Большого шлема, который я никогда не выигрывала. Победа в нем будет просто бомбой! Собрать их все четыре – к этому действительно стоит стремиться, это очень редкая и серьезная веха. Называется это «карьерный Большой шлем». В этом случае ты становишься частью истории. Этого добились только девять женщин. Три американки, которые доминировали на кортах в 50-е годы: Морин Конноли Бринкер, Дорис Харт и Ширли Фрай Эрвин; Маргарет Корт, которая выигрывала свои титулы в 60-е; а кроме них Билли Джин Кинг, Крис Эверт, Мартина Навратилова, Штеффи Граф и Серена Уильямс. Иначе говоря, к турниру я подошла именно в том психологическом

состоянии, которое было необходимо.

В прошлом у меня бывали проблемы на грунте. Это покрытие требует мобильности и терпения, а ни то, ни другое никогда не были моими сильными сторонами. Однажды после матча на грунте, который действительно дался мне с трудом, я сказала репортеру, что чувствую себя на грунте, как корова на льду. Но я много работала. И тот сезон на грунтовых кортах, который предшествовал турниру во Франции был для меня одним из лучших. Перед Ролан-Гаррос я выиграла двенадцать игр на грунтовом покрытии, победив на турнирах в Штутгарте и в Риме. Я даже постаралась выучить французский язык. Может быть, он и не мог помочь мне победить, но несколько французских слов, произнесенных с подиума, на котором ты стоишь с трофеем в руках, никому не помешают. После моей операции на плече прошло почти четыре года. Мне понадобилось участие в одиннадцати турнирах Большого шлема, чтобы в прошлом году, наконец, дойти до финала в Уимблдоне. И я все еще ждала большую победу.

В том году, в первых трех кругах Ролан-Гаррос я проиграла всего пять геймов. Но четвертый круг оказался тяжелее. Я выиграла первый сет, а Клара Коукалова[74], чешская теннисистка, взяла второй на тай-брейке. Но третий сет я выиграла 6–2. Возможно, по счету об этом будет трудно судить, но моим самым трудным матчем на турнире была полуфинальная игра с Петрой Квитовой. В предыдущих турнирох Большого шлема, играя против меня, она показывала свой лучший теннис. А еще погода. Это был один из тех дней поздней весной, когда хочется бродить по парижским бульварам в шляпе с большими мягкими полями, по дороге зайти выпить кофе и съесть круассан, а на красном покрытии корта царил сущий ад. Из-за бушующего на нем ветра. Он мог остановить даже лучший удар и изменить его начальную траекторию. Этот ветер открывал дорогу абсолютному хаосу. Так что для меня тот матч был в какой-то степени финальным. Я знала, что если смогу выиграть его, то смогу выиграть и все остальные. И я выиграла его в двух сетах подряд 6–3, 6–3. Какой же бонус я получила за эту победу? Возвращение на первую строчку мирового рейтинга.

В финале я играла с Сарой Эррани[75]. Если ты играешь с Сарой Эррани в финале турнира Большого шлема, то ты можешь решить, что тебе повезло (особенно когда видишь, как она уничтожает шоколадный батончик «Марс» за час до матча). Но так думать опасно. Любой знает, как спортсмен может сыграть, будучи аутсайдером. Эррани – итальянка где-то

моего возраста. Она как раз добивалась первых успехов в своей карьере и была хорошо известна своей хитростью. Но что я могу вам сказать? Это был мой день. Я играла в черном платье «Найк» и черном козырьке. Каждый мой удар попадал точно в то место, в которое я целилась, я находила любую цель, которую намечала. Время от времени такое случается. Погода хмурилась, небо было затянуто темными облаками, но мне было все равно. Мне просто надо было играть. Играть просто, но в то же время умно́. Казалось, что первый сет закончился, даже не успев начаться. 6–3. В середине второго меня уже было не остановить. И потом я вдруг оказалась совсем одна, с волосами, развевающимися на ветру, собираясь подать победную подачу. Эррани взяла ее, и мы начали розыгрыш в погоне за последним очком. Мяч летал туда – сюда, туда – сюда. Наконец мне удалось направить мяч туда, куда я и хотела, в самый угол корта, прямо по линии. Она достала его, но сил хватило только на слабый высокий удар. Я все ждала и ждала, когда же мяч отскочит от покрытия. Долгое время казалось, что он завис в воздухе. Стадион замер – на нем стояла тишина. Такая тишина, которую может устроить только толпа. А потом я перехватила ракетку и ударила по мячу двуручным бэкхендом, от которого ракетка взлетела выше моего плеча, в сторону неба. Эррани бежала и бежала, но не смогла перекинуть мяч через сетку. Толпа взорвалась приветственными криками. Я опустилась на колени и закрыла лицо руками. А потом стала искать взглядом отца. Все искала, и все безрезультатно. Это был первый случай, когда его не оказалось на трибунах в момент моей победы на турнире Большого шлема. Я почувствовала себя не в своей тарелке, как будто потеряла что-то важное. Хотя в этом было и что-то приятное для меня. Потом я подошла к сетке и пожала руку Эррани. И улыбнулась. А потом запрыгала. И стала выписывать круги в самом центре корта с поднятыми руками. Я поняла, что значит этот турнир для меня сразу же после победы.

Это был идеальный пик моей карьеры. В самом начале все, что происходило со мной, происходило слишком быстро. Я выиграла Уимблдон в семнадцать лет. И превратилась в звезду. Спонсоры выстраивались в очередь. Я становилась участницей рекламных кампаний и предметом жгучей зависти. Открытый чемпионат США я выиграла вечером, играя в черном платье. А потом, в один прекрасный момент, когда казалось, что со мной не может случиться ничего плохого, это плохое случилось – порвалась связка в моем плече и спорт, который я любила, стал синонимом боли и поражения. Иногда мне казалось, что я забыла как играть в теннис, что я никогда не смогу вернуть то, что раньше получалось

само собой. Я чувствовала себя потерянной. Не понимала, что происходит. А потом постепенно и очень медленно, работая так, как я никогда не работала до этого, я стала выходить из темноты. И научилась играть в старую игру по-новому. Я поняла, что выигрывать можно разными способами. И вот теперь, через восемь лет после победы на первом турнире Большого шлема в Уимблдоне, я, наконец, вернулась. Я оказалась на том же месте, в том же мире, но я уже не была тем же игроком и тем же человеком. Я теперь видела все новыми глазами и действительно впервые стала восхищаться тем, что видела. Это дало возможность людям по-другому понять мою историю. Победа ребенка в большой игре вызывает восторг. Это новая жизнь, это новое будущее. Но насколько приятнее, когда игрок, который был на самом верху и все потерял, каким-то волшебным образом возвращает себе все потерянное.

Глава семнадцатая

Летом 2012 года я играла на Олимпийских играх в Лондоне.

Люди часто спрашивают меня: вы русская или американка? Я могу быть американкой и говорить на английском как американка, и понимать все шутки и намеки, связанные с местной спецификой, потому что я действительно выросла во Флориде, и меня воспитывали не только родители и тренеры, но кино и телевидение, и целеустремленные игроки контрудара и нехорошие драчуны из «Парня-каратиста», и, конечно, всеохватывающая мудрость Майка и Кэрол из «Семейки Брэди». Мне ближе юмор Сайнфельда, чем Гоголя, а Достоевскому я предпочту телесериал «Полный дом». Но я никогда не прекращала и не прекращу чувствовать себя русской. Когда я проигрываю на брейк-пойнте третий сет – я русская. Более того, это чувство глубоко укоренилось в моей душе, оно является результатом наследственности и всей истории моей семьи. Я ощущаю его каждый раз, когда возвращаюсь в город Гомель в Беларуси, чтобы встретиться со своими бабушкой и дедушкой, когда я еду в Сочи, чтобы встретиться со своими друзьями или когда я в Москве играю на турнире. Это связано с языком и звуком улиц, но не только с голосами, произносящими отдельные слова, а и с манерами, менталитетом, поведением окружающих. Бывает трудно объяснить, что для тебя дом, особенно когда ведешь такую сумасшедшую жизнь, связанную с постоянными переездами, какую веду я, но когда ты в нем оказываешься, то сразу понимаешь это. Это то место, в котором ты чувствуешь себя наиболее надежно, в котором тебе ничего не надо объяснять, где тебя все понимают. Где ты чувствуешь себя своим. Я русская. И я всегда это знала, каждое мгновение каждого дня соей жизни. Поэтому это предложение, или требование, или как там еще это назвать, значило для меня так много.

Это было простое текстовое сообщение – его не привез прекрасный герольд на красивой лошади с золотым свитком – лишь несколько слов, которые неожиданно появились на экране моего телефона. Их прислал кто-то из Федерации тенниса России. Сначала упоминались приближающиеся летние Олимпийские игры в Лондоне, а потом спрашивалось, не соглашусь ли я нести знамя своей страны на церемонии открытия Олимпиады во главе российских спортсменов, выходящих на арену, на виду у всего мира, представляя, таким образом, свою страну.

Сначала я подумала, что это шутка. Я вообще все, особенно то, что исходит из Федерации тенниса России, сначала принимаю за шутку. Этого не может быть! Это просто невозможно! Кто-то наверняка пытается меня разыграть. Я показала письмо маме. Она внимательно прочитала его, а потом прочитала еще раз, прищурив глаза.

– Знаешь, Маша, мне кажется, что это серьезно, – сказала она, возвращая мне телефон.

Как только она это произнесла, я почувствовала, что мне стало холодно. По телу побежали мурашки.

Это превратилось в одно из важнейших событий моей карьеры. Я была первой женщиной, которой Россия доверила подобную честь, так что в этом было и некое противоречие. Когда я была на примерке формы – пиджак бордового цвета и расклешенные брюки – я не переставала улыбаться. Вы можете сами посмотреть запись этой церемонии. Я шла перед четырьмя русскими мужчинами, которые были одеты в синие пиджаки и соломенные шляпы. А за ними шла остальная команда – в бордовых пиджаках, – члены которой улыбались и махали зрителям. У меня тоже была соломенная шляпа, и улыбка не сходила с моего лица. Когда мы шли, я могла думать только об одном – о том, как маленькой девочкой я наблюдала за церемонией открытия олимпийских игр. На мне тогда был белый берет, и я кругами ходила вокруг своей кровати, как будто была одной из спортсменок, которых показывали по телевизору. А теперь я действительно была здесь.

Олимпийский турнир по теннису проходил на кортах Уимблдона – а вы знаете, как я люблю это место. Я пробилась в финал, который игрался на Центральном корте в очень ветреный день. В финале меня разгромила – я выиграла всего один гейм! – Серена Уильямс. Конечно, я хотела бы выступить лучше. Ради себя и ради своей Родины. Но эта история скорее не об Америке и России, а обо мне и Серене Уильямс. Что происходит? Спортсменка может выиграть у Серены, а я могу выиграть у этой спортсменки, но не могу выиграть у самой Серены. Мой счет в матчах с Сереной? Лучше не вспоминать. Я выиграла у нее только два раза, и оба раза еще до того, как перенесла операцию на плече. Конечно, многое в этом несправедливом счете объясняется ее совершенством как игрока. Ее манера игры – подача и мощь, ее способность двигать противника по корту – хорошо приспособлена для игры против меня. Ее сильные стороны – это как кусочки головоломки, которые идеально встают между моими слабостями. И не надо забывать о моей подаче – потеряв свою первую подачу, я лишилась мощного оружия. Может быть, это усилило ее

преимущество. И тем не менее это не объясняет всего. Должно быть еще что-то, просто не может не быть. Мне кажется, что когда Серена играет против меня, у нее появляется дополнительная мотивация. Она хочет победить любого противника, но меня больше всех. Почему? Потому что я выиграла у нее Уимблдон, будучи ребенком. Потому что я забрала у нее нечто, назовите это расцветом молодости, что уже никогда не вернешь. Потому что я умудрилась войти в раздевалку в самый неподходящий момент, услышала ее рыдания и увидела ее в самый тяжелый момент ее жизни. И я не думаю, что она когда-нибудь простит мне это.

После игры я стояла на пьедестале, глядя прямо перед собой, а Серена купалась в золоте. За мгновение до этого мне вручили серебряную медаль. Серебро – это прекрасно, но это не золото. Мне не давала покоя единственная мысль: я достану ее на Олимпийских играх в Рио. Ну и конечно, этого не произошло.

Вот последняя часть моей истории.

Глава восемнадцатая

На протяжении своей карьеры я работала с несколькими тренерами. Период моей работы с Томасом Хогстедтом подходил к концу летом 2013 года. Уимблдонский турнир того года был последним, на котором мы должны были появиться вместе. Томас присоединился ко мне в тот момент, когда он был больше всего нужен. Он вернул мне мотивацию после операции на плече. И внес так много энергии в мои тренировки, что я стала мечтать о них, а не трепетать от ужаса перед постоянными повторами и одними и теми же упражнениями, которым, казалось, не будет ни конца, ни края. Но каким он был за пределами корта? Одним из наиболее сложных людей, с которыми мне приходилось встречаться. Сначала я не зацикливалась на этом, потому что то, что он привносил на корт, во много раз превосходило все остальное. А одним из моих сильных качеств является способность отделять мелочи от действительно важных вещей. Но наступило время, когда от этого уже нельзя было отмахнуться. Мне надо было прекращать работу с ним. И прекращать резко. Я считала это решение правильным, пока не поняла, что останусь совсем без тренера, а никаких имен кандидатов мне в голову не приходило.

Макс прислал мне список возможных претендентов. Я с гримасой читала эти фамилии, пока в самом конце списка не увидела имя Джимми Коннорса. Мне это понравилось. Неужели существует такая возможность? Макс позвонил его менеджеру. Джимми высказал свою заинтересованность, но его интерес сопровождался очень серьезным ценником. Я никогда не видела таких цифр и таких бонусов в тренерских контрактах. До меня с ним работал Энди Роддик. Неужели он платил ему такие деньги? Этого я никогда не узнала. Но выбора у меня не было, так что через несколько дней у меня появилось ощущение, что Джимми получил доступ к моему банковскому счету с возможностью снимать нелимитированные суммы. Каждый день он приезжал в Лос-Анджелес из Санта-Барбары. Я предложила ему номер в гостинице, чтобы он не мотался туда-сюда, но он сказал, что любит слушать радио в машине. Наверное, это была хорошая станция, потому что он тратил на свои поездки больше пяти часов в день.

Я надеялась, что повторится 2007 год, но произошло прямо противоположное. И вся разница была в том, что теперь тренировки

проводил не Майкл Джойс. Этим занимался Джимми. В них не было ни структуры, ни какого-либо плана, а упражнения для них выбирались на ходу. Я часами била по мячу, стоя в центре корта. Без всякой системы. Он велел мне следить за тем, чтобы мимо меня не пролетел ни один мяч, не важно летел он в площадку или в аут. А еще он делал упражнение, во время которого вставал у края сетки с корзиной мячей и заставлял меня практически приносить ему поноску. Он набрасывал мяч в сторону задней линии высоко и небрежно, а я должна была добежать до него, поймать его руками и принести его в корзину. И так до бесконечности. Пока я не могла больше бегать.

Я думала, что, может быть, это только начало, что, наверное, он разбирается в моей игре и пытается лучше понять меня. Но недели проходили за неделями, а ничего не менялось. Больше всего мне нравились перерывы, во время которых Джимми говорил о своей карьере, о своем опыте, о том, какой была его мама, о своих умонастроениях. Но все это не имело никакого отношения к моей игре. И в этом заключалась проблема. Это был один из немногих периодов в моей карьере, когда я ехала на тренировку, заранее чувствуя себя несчастной. Я очень хорошо это помню: около девяти часов утра я подъезжаю к кортам, а внутренний голос подсказывает мне, что ничего не сработает. Я позвонила Максу. Смогла сдержать слезы и разрыдалась только после того, как положила трубку. Рассказала ему, что у нас ничего не получается. Макс предложил подождать еще немного – может быть, тогда все встанет на свои места. Может быть, я пойму систему Джимми и привыкну к его манере общения… Я знала, что Макс ошибается. Но я также знала, что других вариантов у меня в тот момент не было, так что мне необходимо было смириться.

Мы уже объявили о нашем сотрудничестве, и наш первый совместный турнир должен был пройти в Цинциннати. Я встретила Джимми в аэропорту – он появился у стойки регистрации, одетый в старые выцветшие джинсы и кремовую вязаную безрукавку. С собой у него был большой чемодан. Вскользь Джимми заметил, что предпочитает наблюдать за играми, одетым в классические рубашки, с воротниками, концы которых застегиваются на пуговки, и пиджак. Он сказал, что остальные тренеры, одетые в спортивные костюмы и бейсболки, напоминают ему клоунов. Я к такой форме одежды не привыкла, но если ему так хотелось выглядеть на трибунах, то это его дело.

Выходя на нашу первую совместную тренировку перед началом турнира, я чувствовала себя очень неловко. Все следили за каждым нашим

движением. В конце тренировки фанаты стали выкрикивать наши имена. Джимми махал им рукой и раздавал автографы. Казалось, что мы участвуем в цирковом представлении, тогда как мне хотелось сделать свою работу на корте, сфотографироваться с болельщиками, раздать несколько автографов и тихо исчезнуть через заднюю дверь. Но с Джимми этого было недостаточно.

Конечно, он заслужил такое признание больше чем кто-либо другой из находившихся на кортах в тот момент, но легче мне от этого не становилось. И я не могла понять, почему?

В первом круге я играла против Слоан Стивенс[76]. Джимми сидел в моей ложе, одетый в отглаженную рубашку. Я проиграла в трех сетах. Но меня не волновали ни результат, ни то, как я играла, ни сама игра. Все, о чем я могла думать, так это о том, что у нашего союза нет будущего. Как мне удастся выйти из него, не задев его чувств? Как я сообщу миру, что увольняю Джимми Коннорса после первого же матча?

Путь от корта до раздевалки был болезненным, разговор с Джимми был еще хуже. Он сказал, что я хорошо играла.

– Не вешай нос. Впереди у нас долгая дорога, нас ждет Открытый чемпионат США.

Я молчала и просто кивала, слушая его послематчевый разбор. Первые слова я произнесла через полчаса, когда мы проехали через ресторан «Венди’з». Когда все валится из рук нет ничего лучше, чем острый сендвич с цыпленком. Милкшейк. Картошка фри. Я заказала все подряд. И съела в машине еще до того, как мы выехали на дорожку, ведущую к дому, который мы арендовали. В ту ночь мы сидели за столом до четырех часов утра – я, Григор, мой партнер по тренировкам Дитер, мой тренер по фитнесу Ютака и врач-физиотерапевт, который в то время работал со мной, Хуан. Мы сидели в каком-то доме, в самом центре дыры под названием Мейсон, Огайо, и размышляли над одним-единственным вопросом: как сказать Коннорсу?

Все дело в том, что не существует правильного или милого способа сообщить о том, что ваши отношения закончились. Так что я так и не знаю, как он к этому отнесся. Может быть, он был в ярости, но мы были недостаточно близки, чтобы я попыталась это выяснить. Я только знала, что приняла верное решение.

Получилось так, что матч против Стивенс оказался моим последним матчем в том сезоне. Плечо опять стало беспокоить меня – боль ощущалась постоянно. Эти несколько месяцев вынужденных каникул позволили мне успокоиться и заняться поисками надежного тренера. Мне также не нужно

было общаться с журналистами и отвечать на их вопросы по поводу Коннорса. Так что нет худа без добра.

Тренера я начала искать в 2013 году. Ты проводишь собеседование с тренером, но и тренер тоже оценивает тебя. Вы должны быть единомышленниками, стремиться к одной и той же цели, иметь один план и одну задачу. В конце концов, остался всего один кандидат – Свен Грёневельд, голландец, который после завершения своей карьеры тренировал несколько очень хороших игроков, включая Монику Селеш и Мэри Пирс. Впервые я встретилась со Свеном в лобби отеля в Нью-Йорке во время Открытого чемпионата США. Из-за плеча мне пришлось с него сняться. Он пришел минут на десять раньше, что не делает мне чести – сама я вплыла в лобби, держа в руках рожок ванильного мороженого, посыпанного карамельной крошкой, который я купила на тележке за углом. Уверена, что он думал, что я выброшу остатки мороженого, когда мы начали говорить о возможности сотрудничества, но ничто не может заставить меня отказаться от ванильного мороженого с карамельной крошкой. Я продолжала есть его, нечленораздельно задавая вопросы и произнося ответы. В тот момент он отвечал за программу усовершенствования игроков в профессиональном туре. Хорошая работа, хорошая жизнь и неплохие деньги, но он скучал по соревновательной стороне тенниса. И хотел вернуться в самую гущу. Я должна была быть уверена, что он мне поможет, привнесет в мои тренировки что-то новое, а ему, прежде чем решиться связать свою карьеру с моей, надо было знать, что у меня правильная мотивация, что я готова идти на все ради победы, что огонь все еще горит у меня в душе. Позже он сказал, что его беспокоило то, что я могла уже подумывать об уходе, о прощальном поклоне. А он не хотел отказываться от своей жизни ради того только, чтобы стать частью чужого прощального тура.

Когда я обсуждала со Свеном эту книгу, я спросила его, что конкретно заставило его принять мое предложение.

– Знаешь, Мария, – ответил он, рассмеявшись, – у меня действительно были сомнения. Я сказал самому себе: вот теннисистка, которой уже почти тридцать, а для многих женщин карьера в этом виде спорта заканчивается, когда им еще нет и тридцати. А эта женщина уже всего добилась. Четыре победы на турнирах Большого шлема, первый номер в международной классификации… Так ради чего она этим занимается? И я задал тебе именно этот вопрос, а сам боялся, что ты заговоришь о желании оставить после себя память или выиграть еще один турнир Большого шлема, потому что именно это слышишь от большинства игроков. Но ты ответила по-

другому? Помнишь? Я спросил: ради чего вы сейчас играете? А ты ответила: ради того, чтобы одолеть их всех. И вот тогда я сказал самому себе: я в деле!

Со Свеном я работала больше, чем когда-либо в жизни. Так и должно быть, когда постепенно стареешь. Приходится прикладывать вдвое больше сил, чтобы выглядеть хотя бы вполовину так же естественно, как и раньше. Надо удваивать усилия, чтобы получить тот же результат. Другими словами, тренировки – это все. Плохо потренировалась – плохо сыграла. Если пропускаешь один день тренировок, то, скорее всего, покинешь следующий турнир на день раньше. Другими словами – за все приходится платить. Если ты тратишь один день на себя любимую, то теряешь один день на корте.

Мы со Свеном мгновенно сошлись друг с другом. Он стал для меня больше, чем тренер. Он мой поверенный, советчик, друг. Как можно отличить настоящего друга от фальшивого? Друзья – это те, кто остается с тобой и в горе, и в радости. Остальные исчезают при первых признаках шторма, ну да и Бог с ними. Свен был рядом все время. Наше партнерство достигло своего пика весной 2014 года, во время Открытого чемпионата Франции. Грунт, который создавал мне много проблем в прошлом, неожиданно стал удобным покрытием для моей игры, для той, которую я постепенно освоила за годы, прошедшие после операции на плече. Теперь игра строилась вокруг моего приема подачи противника, вокруг плоских ударов с отскока, которыми я могла выиграть очко практически из любой точки на корте. Мне даже стало нравиться играть на Ролан-Гаррос, на Центральном корте с красным покрытием, в окружении разноцветных вымпелов, развивающихся высоко над стадионом, в присутствии разбирающихся в игре болельщиков и, конечно, в самом Париже, который всегда терпеливо ждет, чтобы заключить победителя в свои объятия. Меня посеяли под седьмым номером, Серену Уильямс, которая выиграла турнир в предыдущем году, – под первым. Но Серена была повержена во втором круге – колоссальное разочарование. Она проиграла в двух сетах подряд испанке Гарбинье Мугуруса[77] (которая выиграет у Серены и в финале Ролан-Гаррос в 2016 году, когда меня не будет на кортах). Я легко вышла в четвертьфинал, где встретилась – с кем бы вы думали? Правильно, с Гарбинье Мугуруса. Она выиграла первый сет, но не была так настроена на игру, как в матче с Сереной. Я победила 1–6, 7–5, 6–1.

После этого стало только тяжелее. Мне пришлось пройти через три очень непростых сета с Эжени Бушар в полуфинале. А потом в финале меня ждала Симона Халеп. Матч с ней показался мне бесконечным – он

продолжался более трех часов. Казалось, что мы обмениваемся ударами всю нашу сознательную жизнь. В какие-то моменты мне казалось, что я играю в свой лучший теннис. В другие – что у меня все валится из рук. У меня вдруг надолго пропала подача. Двенадцать двойных ошибок! С какой бы силой я ни посылала мяч, Халеп находила возможность отбить его. Один за другим мячи возвращались ко мне. Мы поочередно выходили вперед – туда-сюда, туда-сюда. А какая стояла жара! Это был один из тех матчей, в котором все решает воля спортсмена. Кто больше хочет победить? Кто отказывается сдаваться? Вопрос был не в том, кто из нас лучше, а в том, кто сумеет выстоять, кто сможет подняться на один раз больше, чем упадет.

Другими словами, я просто отказалась сдаваться. И вдруг неожиданно поняла, что сейчас подаю на матч и турнир после невероятно долгого дня. Халеп отбила мою подачу, и я нанесла сильный, плоский удар, такой, какому меня учил Роберт Лансдорп в совсем другой жизни. Удар пришелся в левый задний угол корта. Она с трудом смогла дотянуться до мяча, и в результате он взмыл свечой, а я все наблюдала, как он летит в вышине. И вот, наконец, он опустился на красный грунт в паре футов от боковой линии. Я упала на колени и закрыла лицо руками. Если это моя последняя победа на турнирах Большого шлема, то она просто великолепна! Что лучше нее могло завершить путь, начатый первой победой на Уимблдоне? Я была слишком молода в Уимблдоне, совсем девчонка, зеленый новичок, чтобы по-настоящему понять значение победы – все происходило так просто, и претендентки падали так же естественно, как капли дождя на жестяную крышу. А в 2014 году на Ролан-Гаррос я уже была зрелым игроком и победы доставались мне нелегко. Мне приходилось биться за них. Мне с таким трудом удалось победить Симону Халеп, противницу, которая, как и я, отказывалась сдаться. Если бы все повернулось по-другому, победительницей вполне могла оказаться она. И тогда бы Халеп держала трофей на Центральном корте, но в тот день это была я.

Глава девятнадцатая

В каком состоянии я была зимой 2015 года? Не в физическом смысле, а в моральном? Наверное, размышляла о прожитом. Начала эту книгу. Представляла себе, как уйду из спорта – наверное, подсознательно я планировала свой уход. Думала о жизни после тенниса. Я собиралась отыграть зиму и осень, появиться на летних Олимпийских играх в Рио, а потом начать мой последний сезон в статусе профессионала. Пройдусь ещё раз по всему кругу, а книга появится на полках магазинов перед началом Открытого чемпионата США. Такова была изначальная идея. Я расскажу свою историю, сделаю свой последний поклон и распрощаюсь со всеми. Помню, как мы с Максом сидели в гостиничном номере и обсуждали мой тридцатый день рождения. Я еще сказала, что хочу отметить его как нормальный человек, а не вспомнить о нем в какой-то раздевалке где-нибудь в Штутгарте. Мы обсудили будущую вечеринку и еще множество других вещей. Короче говоря, я была полна планов. Но вы ведь знаете эту пословицу: «Человек предполагает, а Бог располагает».

2016 год начался для меня, как и всегда, в Мельбурне на Открытом чемпионате Австралии. Я прошла первые круги, чтобы вновь встретиться со своей судьбой – Серена Уильямс победила меня в финале 6–4, 6–1. Это выглядело как достойное начало моего двенадцатого профессионального сезона. Но, как это иногда случается в ночных кошмарах, то, что я посчитала началом сезона, стало началом моего конца.

Через несколько недель после турнира в Австралии, когда я тренировалась и восстанавливала свою левую кисть в Лос-Анджелесе, готовясь к серии турниров на жестком покрытии, я получила смешного вида электронное письмо. Оно было из ITF, Международной федерации тенниса, органа, который управляет нашим видом спорта. Обычно те письма, которые я получаю из ITF, это массовая рассылка с какими-то приложениями, то есть корреспонденция, которая вряд ли может насторожить. Это же письмо было другим. Оно было адресовано лично мне. Я открыла его, начала читать, и мое сердце провалилось в пятки. В письме говорилось, что образец мочи, которую я сдала в Мельбурне, был проверен, и была получена положительная реакция. Другими словами – а мне пришлось прочитать это письмо множество раз, чтобы убедиться, что это не галлюцинации, – я не прошла тест на допинг. Как? Откуда? Я всегда

с большой осторожностью отношусь к тем препаратам, которыми лечу свое тело, и делаю это в соответствии с существующими правилами. Я стала искать название препарата. Что, черт возьми, это может быть? Я не принимала ничего нового, ничего, что не было бы абсолютно законным и прописанным доктором. И вот я нашла его в самом конце письма. Мельдоний. ОК, скорее всего, произошла ошибка, сказала я себе, успокаиваясь. Кто вообще слышал о таком? Скопировав название в Гугл, я нажала на кнопку поиска, для того чтобы убедиться окончательно.

А потом я все поняла. Я знала мельдоний под торговым названием «Милдронат». Это простая добавка. Я принимала его уже десять лет, так же, как и миллионы жителей Восточной Европы. В России он продается вообще без рецепта. Он стоит на аптечных полках в открытом доступе. И там его принимают точно так же, как детский аспирин в Америке – чтобы улучшить состояние коронарной системы. Он используется людьми с любыми видами сердечно-сосудистых заболеваний. Он настолько распространен, что ты не думаешь о нем как о фармацевтическом препарате, не говоря уже о препарате-стимуляторе. Мне впервые порекомендовали его, когда мне было восемнадцать лет, я не вылезала из простуд и у мена обнаружились нарушения на кардиограмме. Кардиолог посоветовал мне принимать Милдронат в качестве превентивной меры во время тяжелых тренировок и матчей вместе с витаминами и минералами. Я о нем ничего не знала, но моя бабушка тоже принимала его из-за проблем с сердцем.

В течение последних семи лет я получала от лаборатории, аккредитованной при ВАДА, подтверждение, что все препараты, которые я принимаю, включая Милдронат, не входят в список запрещенных. Более того, мне кажется, что моя система проверки новых добавок гораздо лучше, чем система, которой пользуются другие спортсмены. Я всегда была осторожна – очень осторожна, – но в какой-то момент расслабилась, привыкнув к мысли, что добавки, которые я принимаю, вечно будут в списках разрешенных.

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство, которое отвечает за политику в области допинга, которой потом следует ITF – обратила внимание на мельдоний не потому, что это стимулятор, а потому что его принимали слишком много спортсменов из Восточной Европы и России. Логика агентства была следующая – если сотни атлетов принимают препарат, то, наверное, они считают, что он дает им преимущество.

Сначала ВАДА поместила мельдоний в список наблюдаемых препаратов, а с января 2016 года запретила его. Как нам об этом сообщили?

Мельдоний был включен в список запрещенных препаратов, который ITF рассылает всем игрокам. Этот список можно посмотреть, перейдя по нескольким ссылкам, указанным в электронном письме. Я никогда не пользовалась этими ссылками и не просила членов своей команды заниматься этим. В этом была моя ошибка. Я проявила легкомыслие. Но и ITF не обратила внимание сотен игроков на тот факт, что она неожиданно запретила использование препарата, который абсолютно легально принимали миллионы людей. И в этом уже была ошибка федерации.

И вот проблема, которую можно было легко решить, превратилась в серьезный кризис. Я чувствовала себя обманутой и загнанной в ловушку таким бездарным предупреждением ITF. Все это выглядело как какое-то недопонимание. Поэтому я решила для себя, что мне надо все объяснить и все будет в порядке. То есть когда запретили мельдоний? Четыре недели назад? Значит, в худшем случае я ненамеренно нарушала запрет менее двадцати восьми дней, так же, как это делали сотни других спортсменов. И это произошло после двенадцати лет в профессиональном спорте. Разобраться с этим будет совсем не трудно. Но скоро я поняла, что пытаюсь пробить головой кирпичную стену. Прежде всего, мне надо будет появиться на слушаниях, назначенных ITF. Если там мне не удастся доказать свою правоту, то меня могут отстранить на срок до четырех лет. Четыре года! Это будет конец карьере, конец всему. Все, ради чего я трудилась и пыталась построить, будет разрушено мановением руки. И за что? За непредумышленную ошибку.

Новость еще не появилась в газетах, и я не знала, когда или где она появится. И это меня пугало. Внешне я вела себя мужественно, в надежде на то, что все это скоро разрешится, но каждая клеточка внутри меня рыдала. А потом я задумалась. И стала размышлять: зачем ждать появления этих новостей? Почему не выйти и не объяснить всему миру, что в действительности произошло? Если я буду говорить правду, со мной ничего не случится. Если я буду говорить правду, то все поймут меня, и этот кошмар закончится.

Меньше чем через неделю после получения электронного письма я собрала пресс-конференцию. Я сама написала свое заявление и подготовилась. Об этом не знал никто, кроме родителей, Свена и Макса. У меня не так много людей, с которыми я могу говорить. А не сказала я никому потому, что не хотела, чтобы произошла утечка. Я хотела обо всем рассказать сама и так, как посчитаю нужным. Это единственное, что я еще могла контролировать. Я чувствовала облегчение, что наконец-то смогу сказать членам своей команды, моим друзьям и людям, которые со мной

работали, что же происходит. Помимо всего прочего, неделя прошла практически в полной изоляции. Кому еще я могла рассказать об этом до того, как скажу всем? Моему другу, который к тому же мой парикмахер. Я вызвала его за несколько часов до того, как должна была появиться перед камерами, и попросила захватить инструменты. Объяснила ему, что происходит.

– То есть ты хочешь сказать, что все это время мы могли, глотать нормальные колеса, а ты выбрала эту фигню? Деточка, в следующий раз, перед тем как идти в аптеку, спроси у меня совета.

Я рассмеялась впервые за несколько дней. Я не могу отличить марихуану от кокаина. Или что-то другое от чего-то другого. Именно это добавляло горькую иронию во все, что происходило. Тебя всегда ловят за то, что ты не делаешь, за то, кем не являешься. Мой тест оказался положительным, потому что я принимала препараты и сдавала пробы не задумываясь. Я принимала этот препарат многие годы, они многие годы брали у меня пробы и у меня не возникало никаких проблем, потому что препарат был абсолютно легален. Так почему же я вдруг должна была поменять рутину. Это похоже на то, как если бы разрешенную скорость изменили с 55 на 35 миль в час, но никому об этом не сообщили. Для тех, кто и так нарушал скорость, это бы не создало никаких проблем – у них и так есть радары или что там еще, чтобы обмануть копов. А мы бы продолжали ехать со скоростью 55 миль в час, будучи уверенными, что мы действуем по правилам, а потом бы нас за это прибирали к ногтю.

На пресс-конференцию собралось, наверное, человек пятьдесят репортеров и телевизионщиков. Комната была полна незнакомых лиц и съемочных групп. Все полагали, что я собираюсь сообщить о своем уходе из спорта. Я стояла перед ними в черной юбке и жакете от Рика Оуэнса. Мне казалось, что я одета, как на похороны. Я записала кое-какие мысли на бумаге. И попыталась все честно объяснить, используя самые простые слова, которые только пришли мне в голову:

Я хочу, чтобы вы знали, что несколько дней назад я получила письмо из ITF, в котором говорится, что я не прошла тест на допинг на Открытом чемпионате Австралии.

Я не прошла этот тест и принимаю на себя всю ответственность за это. В течение последних десяти лет я принимала препарат, Милдронат, который посоветовал мне наш семейный доктор. А несколько дней назад, после получения письма, я узнала, что у него есть еще одно название – мельдоний, – о котором мне ничего не было известно.

Очень важно подчеркнуть, что в течение десяти лет этот препарат

не входил в список запрещенных ВАДА медикаментов. Но первого января правила изменились и мельдоний перешел в разряд запрещенных веществ, о чем я ничего не знала. Этот препарат врач выписал мне из-за нескольких проблем со здоровьем, которые были у меня в 2006 году. Я часто болела. Практически каждые два месяца у меня был грипп. На ЭКГ появились изменения, а в крови намеки на диабет, и это при том, что у нас в семье имеется история заболеваний диабетом. Я посчитала для себя очень важным выйти к вам и рассказать обо всем, потому что на протяжении всей моей карьеры я честно и открыто говорила о многих вещах, и я с профессиональной ответственностью отношусь к своей ежедневной деятельности. И вот я сделала колоссальную ошибку. Я подвела своих болельщиков. Я подвела спорт – ту игру, в которую я играю с четырех лет и которую так глубоко люблю. Я знаю, что меня ждут последствия, а мне не хотелось бы вот так заканчивать свою карьеру, поэтому я искренне надеюсь, что мне позволят и дальше играть в эту игру. Многие из вас собрались здесь в ожидании того, что я сообщу о дате своего ухода из профессионального тенниса. Но если я когда-нибудь решу сообщить вам об этом, то это случится не в гостинице в центре Лос-Анджелеса с таким ужасным ковром на полу.

Выходя из комнаты, я почувствовала колоссальное напряжение. Мне нечего было скрывать раньше, и мне нечего было скрывать теперь. Я хотела, чтобы мои друзья, болельщики и даже враги точно знали, что произошло, потому что это была неумышленная ошибка и я верила, что они увидят и поймут это.

Я ошиблась. Во многом. То есть я хочу сказать, что, конечно, некоторые люди встали на мою защиту, или, по крайней мере, сказали: давайте не будем торопить события. Давайте подождем и посмотрим. А вот газеты реально набросились на меня, называли меня обманщицей и лгуньей и сравнивали с известными спортсменами-мошенниками. После двух циклов новостных передач все, чего я когда-либо достигла, было опозорено. Мое собственное я, все, во что я верила и за что боролась, было как будто нарочно уничтожено. Какое значение имеет оправдание в конце, если в процессе дознания вас практически уничтожили? Наверное, именно это имеют в виду люди, когда говорят, что сам суд – это уже и есть наказание. Хуже всего то, что это фальшивое обвинение заставило меня усомниться в окружающем меня мире и в людях, находящихся рядом. До этого момента меня не очень интересовало, что обо мне говорят. Мне это было до лампочки. Я буду делать свое дело, буду много работать и играть в свою игру, рассуждала я, а все остальное приложится. Собака лает –

караван идет. Но пожар, который разгорелся после пресс-конференции, заставил меня усомниться в этом. Как будто у меня в голове поселился червяк, чтобы вечно трахать мой мозг. Такого я еще никогда не испытывала. Неожиданно я стала замечать, что на кого бы я не смотрела, первое, о чем я думаю: «А они знают? Они верят в это? Они считают меня мошенницей? Думают ли они, что я лгунья?» Впервые в жизни меня стало волновать, что люди думают обо мне.

Настоящий удар последовал через несколько часов после пресс-конференции. Я сидела в кухне в Манхэттен-Бич и разговаривала с мамой, которая готовила обед. Зазвонил телефон. Это был Макс. Говорил он замогильным голосом. Только что он общался с «Найк». Не углубляясь в детали, он сказал только:

– Беседа вышла не очень хорошей, Мария (каждый раз, когда Макс называет меня по имени, это значит, что что-то произошло).

Через два часа после этого «Найк» выпустил сообщение, которое оказалось очень жестоким. В нем говорилось обо мне, о доверии, о ролевых моделях и о том, что они очень разочарованы. А еще о том, что они временно отстраняют меня от сотрудничества, чего я сначала не совсем поняла. Они были моими спонсорами, значит, они или рвут со мной, или нет. В моем контракте не было такого понятия, как временное отстранение. Это что, была попытка неких не чистых на руку бизнесменов и некоторых так называемых друзей откреститься от меня, чтобы прикрыть свою задницу и выйти чистыми из воды? Только оказавшись по горло в яме с дерьмом, ты начинаешь понимать, кто твои настоящие друзья, а кто просто знакомые. Хотят бежать, пусть бегут, говорила я себе. Люби тех, кто остаётся. В этом заключался положительный момент всего этого кошмара.

Может быть, я должна была предупредить спонсоров о предстоящей пресс-конференции, но я была слишком зациклена на том, чтобы не допустить утечки и рассказать обо всем самой. Думаю, что больнее всего мне было от того, что я была с «Найк» с того момента, как мне исполнилось одиннадцать. Они знали меня лучше, чем любой другой спонсор в моей жизни. Они знали меня как маленькую девочку, как спортсменку, как дочь и тем не менее были так холодны в своем заявлении. Через несколько дней Марк Паркер связался с Максом, который перезвонил мне и сообщил, что «Найк» хотел бы встретиться. Я ответила, что рана еще слишком свежа и что я перезвоню им, когда у меня появятся силы. Я сидела на кухне и ела плов, который мама приготовила для меня (когда она не знает, что ей делать, она всегда готовит плов). Я была в

полном дерьме, и мне казалось, что я упала даже ниже плинтуса, и что для того, чтобы коснуться дна мне придется еще и вытянуться во весь рост. Замок на песке. Карточный домик. Именно об этом я думала, когда мой телефон завибрировал. Это оказался текст от моего старого друга и тренера Майкла Джойса. Я открыла его, ожидая увидеть заявление о дружбе и солидарности, но мгновенно поняла, что текст предназначен не для меня. Это была та самая ошибка, после которой начинаешь думать, что Фрейд не такой уж сумасшедший. Всего одна строчка: *Ты можешь себе представить, что «Найк» так поступил и с ней?* Но она здорово задела за живое. Ведь это была не просто информация о том, что «Найк» приостановил контракт и со мной. Эта строчка неожиданно много сказала мне о том, что и каким тоном люди говорят обо мне за моей спиной – холодно, без всякой привязанности и теплоты, даже с каким-то удовольствием. Вилка выпала у меня из рук. Мама подняла голову. Я хотела сказать ей, что он написал, но меня душили рыдания. Это был тот самый момент, плохой момент, момент, когда я действительно испугалась того, как вдруг перевернулся этот мир. Истерично рыдая, я бросилась наверх, в свою комнату. Там я сидела на полу, держась за кровать – мне показалось, что прошло много часов, – и рыдая. Я позвонила Максу.

– Шшш, шшш, шшш, – сказал он. – Успокойся Мария, успокойся. Все хорошо. Нет, нет, нет. «Найк» тебя не бросил».

Остаток ночи мама провела, держа меня за руку. Целых две недели после этого она не оставляла меня спать в одиночестве.

На следующее утро наступил переломный момент. Ты или спрячешься в раковину и накроешься одеялом с головой, или выберешься из постели и продолжишь жить. На 8.30 у меня была назначена тренировка в фитнес-центре недалеко от дома. Там я должна была встретиться со Свеном. Я позвонила ему в 7.30 утра.

– Забудь об этом, – сказала я. – Я не могу. Я не приеду.

Мои веки стали свинцовыми. Тело казалось тяжелее, чем когда-либо, хотя я теряла вес. Но что-то внутри меня сказало мне, что я должна идти. Я должна вылезти из постели, одеться и ехать, заставить себя сделать это, иначе я больше никогда не выберусь из кровати. Решающий момент. Или лежи или, черт тебя побери, вставай. Через десять минут я послала Свену записку: «Встречаемся в 8.20».

Я что-то надела на себя и заставила себя пройти к машине. Перед домом вертелись двое папарацци. Эти проклятые «Приусы», как же я ненавижу эти машины! Они следовали за мной, пока я спускалась по холму в направлении стоянки. В центре все рассматривали меня, или мне это

просто показалось? В этом все дело. В какой-то момент ты начинаешь терять рассудок. Твой собственный мозг изменяет тебе и начинает тебя мучать. Я просто залезла на велосипед в темной комнате, опустила голову и стала давить на педали. Левая. Правая. Левая. Правая. Я была в дерьме. В полном дерьме. Всю тренировку я проплакала, но выполнила все, что должна была выполнить. Именно тогда я поняла, что все это будет ужасно и нечестно, но что я с этим справлюсь. Где-то в глубине души я чувствовала, что выживу.

Мы сразу же стали готовиться к слушаниям. Я приводила в порядок свои бумаги и записи и одновременно изучала мельдоний. Я хотела знать о нем все. Между тем меня временно отстранили от соревнований. Я начала пропускать турниры: Индиана-Уэллс, Майами. Будущее казалось покрытым мраком неизвестности. В тот момент все выглядело так, что я никогда не смогу вернуться, но я продолжала тренироваться. И не только для своего физического состояния, но и для психического здоровья тоже.

Однажды я заметила, что тренировка дается мне с большим трудом.

– Мария, когда ты будешь на слушаниях, – сказал Свен, усаживая меня рядом, – я хочу, чтобы ты была в наилучшей форме среди всех, находящихся в комнате.

– Ну, это будет не так уж сложно. – Я искоса посмотрела на него.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – продолжил он. – Я хочу, чтобы и физически, и психологически ты была такой сильной, что они не смогли бы нанести тебе вред.

В те недели я тренировалась больше, чем когда-либо. В тот июнь я вполне бы могла выступить на Открытом чемпионате Франции. Я была в прекрасной форме. Тренировалась я на грунтовом корте за чьим-то домом в Пало-Верде. Обычно я тренируюсь на отдаленном корте в теннисном клубе. Он максимально закрыт от всех, но все-таки хорошо виден всем, кто проходит мимо него. А мне нужна была уединенность. Правда, от своих собственных тревожных мыслей бежать было некуда. Я боялась смотреть на экран телефона и в то же время не могла оторвать от него глаз. Он напоминал мне кольцо, которое уничтожает Голлума во «Властелине Колец». Он был моей «прелестью». Казалось, он вибрировал каждый раз, когда я на него смотрела, и сам прыгал мне в руку, как только я о нем задумывалась. Кто знал, какие еще ужасные новости ждут меня? Я боялась, когда на экране появлялось имя Макса – сердце уходило в пятки – ну, «что еще случилось?». И в то же время мне нужно было с ним говорить. Каждую минуту. Его звонки приводили меня в волнение, которое только его звонки могли успокоить. В конце концов я уже даже не знала, чего

боюсь. Знала только, что мне страшно. Все время.

Первые слушания состоялись в офисном здании в Лондоне в июне 2016 года. Помню, как я в тот день проснулась в гостинице «Роузвуд» возле Ковент-Гардена. Кровать была громадная и очень удобная, и на мгновение я почувствовала себя счастливой, потому что забыла, зачем я в этом городе, в этой гостинице и в этой кровати. Но потом вспомнила. При входе у меня спросили мое имя и поинтересовались, прибыли ли члены моей семьи. Я рассмеялась. Члены моей семьи редко присутствовали на турнирах, в которых я играла. Так почему они должны прибыть на мой суд? Слушания проходили в помещении, которое чем-то походило на зал для заседаний совета директоров. С моей стороны присутствовали Макс и два моих адвоката. С их стороны это был глава антидопинговой комиссии ITF и их адвокаты. Свидетельские показания мы давали всем трем членам комиссии.

Весь процесс был организован таким образом, чтобы я потерпела неудачу. Все три члена комиссии были назначены ITF. Имя председателя комиссии даже стояло в списке адресатов того первого письма, после которого начался весь этот кошмар. Другими словами, мое дело, начатое ITF, рассматривалось той же ITF. Как такие слушания могут быть честными и непредвзятыми? Ответ очень прост – это невозможно. Именно поэтому мой адвокат посоветовал мне не ждать справедливого или даже сколько-нибудь порядочного завершения этого раунда слушаний. Нам надо проиграть здесь, с тем, чтобы мы могли обратиться в следующую комиссию, где и состоится справедливое рассмотрение вашего дела. Я была в шоке.

– Вы хотите сказать, что мне придется проходить через это дважды?

Даже мысль об этом была мне противна. Показания я давала несколько часов. А потом, когда я не давала показаний, я должна была сидеть в комнате и слушать, как противоположная сторона называет меня сидящей на допинге и мошенницей. Но одна вещь позволяла мне чувствовать себя уверенной. Я знала, что говорю правду. Я не пыталась утверждать, что с пробой произошла ошибка, или что я не принимала препарат, или что я принимала его только до момента запрета. Я призналась, что принимала его в январе 2016 года. Но это была простая ошибка. Разве это не очевидно? Я не знала, что препарат запрещен или что с ним какие-то проблемы. Он не стимулировал мою игру и не влиял на меня, как на спортсменку. Мне сказали, что я должна принимать его от сердца, и я принимала его именно от сердца. Что же касается нарушения запрета, то это просто глупый недосмотр. Но ITF заняла жесткую позицию, которую

они провозгласили агрессивным тоном. Что за нелепая и в то же время приводящая в бешенство ситуация? О чем мы вообще спорим? Я прокололась. Не проверила пересмотренный список запрещенных веществ. Но и они тоже прокололись. Они должны были более четко сообщать об изменениях в этом списке. Они должны были отметить изменения флажками, кричать о них на всех углах. Или хотя бы сделать несколько телефонных звонков агентам, чтобы те заранее предупредили игроков? Вместо этого федерация ждет, когда спортсмен сам прочешет весь этот длинный список и обнаружит изменения. Принимая во внимание то, что мельдоний был в списке наблюдаемых препаратов в течение всего 2015 года, они знали, что он присутствует в моем организме. Я сдаю кровь и мочу вот уже много лет. Почему же не предупредить меня о том, что происходит? Все это напоминало подставу и ловушку. Не проходило дня, чтобы я не размышляла о том, кто пытается добить меня.

Но несмотря на все это, с первых слушаний я вышла в радужном настроении. Мне казалось, что я хорошо объяснила свою позицию. Правда была настолько очевидна… Именно поэтому решение и официальное заявление, которые вышли несколько недель спустя, повергли меня в шок. Комиссия из трех человек соглашалась с тем, что у меня не было цели нарушить правила – все произошедшее действительно ошибка. Адвокаты признали, что с моей стороны не было попыток мошенничества. Я была счастлива, но что же дальше? Что было в официальном заявлении? Это был длинный список вранья и бесконечных попыток напасть на меня. Они убили меня, разорвали на кусочки. Заявление было настолько ангажированным, жестоким и недоброжелательным. Я была в ужасе, потрясена и охвачена отчаянием. Меня отстраняли на два года. Когда эти слова дошли до меня с Олимпа, я отправилась в Охай, штат Калифорния. Мы с командой арендовали там дом. Приятно было оказаться в красивом месте, когда произошло что-то неприятное. Но было очень больно. Два года? ОК, это не максимальный срок, не четыре года. Но смогу ли я вернуться после двухлетнего перерыва? Когда мне будет тридцать один год? Я чувствовала себя как девяностолетний старик, которого приговорили к десятилетнему сроку.

Мой адвокат позвонил мне, и объяснил следующее:

– Послушайте, решение этой комиссии не так важно – она предвзята и пристрастна. И все об этом знают. Именно поэтому столько их решений меняется после апелляции. Шесть последних были вообще полностью пересмотрены! Но таков процесс. Нам было необходимо это решение, чтобы обратиться в следующую инстанцию, в ту, которая действительно

что-то решает. Поэтому держитесь, тренируйтесь и не теряйте оптимизма. Обещаю вам – это еще не последнее слово.

И мы стали готовиться к следующим слушаниям, которые должны были состояться в CAS – Высшем спортивном арбитражном суде. Этот суд является международной квазиюридической организацией, основанной Олимпийским комитетом в 1983 году, и с тех пор его роль значительно выросла. Он стал судом последней инстанции для случаев вроде моего. И он действительно абсолютно нейтрален. Я надеялась, что суд вернет мне мое доброе имя, хотя колоссальный вред уже был нанесен. Множество моих спонсоров предпочли дистанцироваться от меня, а мой рейтинг в международной классификации падал с каждой прошедшей неделей. Я пропустила игры в Рио. А моя репутация? Вы только посмотрите, что с ней было сделано еще до того, как я стала защищаться! Само разбирательство превратилось в наказание. В мае, в Нью-Йорке, когда я вышла из отеля «Бовери» и садилась в машину, чтобы отправиться на первый в своей жизни бал Института костюма, какой-то сумасшедший стал на всю улицу кричать о стероидах. Еще через несколько недель, когда я разговаривала с ландшафтным дизайнером перед своим домом в Лос-Анджелесе, к нам подъехала машина, и мальчик – судя по голосу, ему было лет четырнадцать – закричал:

– Нет допингу! Пошла ты в ж… Мария!

Как, по-вашему, я себя чувствовала? Бедный дизайнер! Он был очень мил и казался настолько искренне расстроенным произошедшим, что мне захотелось успокоить его и сказать, что все будет хорошо.

Добро пожаловать в мою жизнь. В этот ночной кошмар.

И все это время я продолжала тренировки. Во время одной из них я здорово расстроилась.

– Для чего мы все это делаем? – спросила я у Свена. – Зачем тренируемся?

Именно тогда я поняла, что мне нужно что-то еще, помимо тренировок. Ведь речь шла о моем рассудке. Меня всегда интересовал бизнес, так что я записалась на двухнедельные летние курсы в Гарвардской школе бизнеса. Меня окружали блестящие профессора и студенты, большинству из которых было наплевать на мои проблемы в теннисе. Среди них я чувствовала себя нормальным человеком. И полной дурой. Какое же это было облегчение! Хоть на какое-то время выбраться из-под этого пресса. Просто поднимать руку и задавать вопросы. Для меня это были своеобразные каникулы. Я очень много почерпнула из той программы и чувствовала себя удовлетворенной – время не было потрачено впустую. И

хотя я продолжала бороться со своим суровым испытанием, я в то же время росла и пыталась сделать себя лучше. Когда курсы закончились, я послала электронное письмо Адаму Сильверу, комиссару НБА. Я никогда с ним не встречалась, но всегда восхищалась его работой. В письме я рассказала, как уважаю саму ассоциацию, ее игроков и команды, и то, как она продвигается на рынке и преподносится публике. Он пригласил меня в Нью-Йорк, где организовал для меня что-то вроде стажировки. Три дня я тенью ходила за ним, смотрела, как Адам работает, и училась. Мы много разговаривали – он поделился со мной своими мыслями относительно моей ситуации. Его никто не просил и не заставлял, но он это сделал. Не могу передать, насколько все это меня успокаивало. Не сама стажировка, а сам факт ее существования. Я ведь думала, что весь мир ополчился против меня, что я стала парией, изгоем. Вспоминая о прошлом, я вспоминаю о том ощущении легкости, которое я испытала после того, как Адам Сильвер пригласил меня к себе и таким образом сказал всему миру, что работать с Марией Шараповой – это не зазорно. Все, что мне было надо в то время – это небольшие дозы счастья, которые аккумулировались и помогали мне пройти через все испытания. Я становлюсь гораздо лучше – и как спортсменка и как человек, когда испытываю вдохновение. А подобные встречи вдохновляли меня. Я лучше чувствовала себя, как будто росла и училась.

Высший спортивный арбитражный суд находится в Лозанне, но вторые слушания были организованы в одном из офисных комплексов Нью-Йорка. Мы еще раз выступили перед комиссией из трех членов. Только на этот раз не все они были выбраны ITF. Один из них действительно представлял федерацию, второй был выбран нами, а председатель был назначен самим арбитражным судом. Все проходило очень похоже на первый раз, только в помещение мы все вошли как на битву. Первыми выступали их адвокаты (как же я их ненавидела, с их костюмами и перекрученными галстуками). Потом наступила моя очередь. Я говорила около трех часов. Когда все закончилось, у меня были смешанные чувства. Мне казалось, что я достаточно ясно изложила факты и то, как я их понимаю, но точно так же я чувствовала себя и после первых слушаний. Поэтому я старалась не рассчитывать на слишком многое. Наоборот, мне хотелось ощутить себя в полном дерьме, чтобы попытаться спровоцировать обратную реакцию комиссии. Я иногда поступаю таким образом перед некоторыми играми. Следующие несколько недель я провела в тренировках, ни на мгновение не забывая о дате вынесения вердикта. 4 октября 2016 года. Я как хищник следила за этой датой.

Мои тренировки в то время отличались от тех, которыми я занималась в обычное время. Когда ты находишься в соревновательном процессе, то тренируешься как боксер, работая на определенную цель, на выход на пик формы, который должен состояться перед самым началом боя или турнира. Но я не участвовала в соревнованиях, а это значит, что у меня не было такой цели. Я не хотела выходить на пик формы. Мне хотелось просто поддерживать себя в определенном состоянии, из которого мне будет легко выйти, как только я узнаю, каким будет мое будущее. В некотором роде этот длинный вынужденный перерыв даже помог мне. Я ведь страдала от целого ряда мелких травм, повреждений и непрекращающихся болей. В первые месяцы того года я мучилась от боли в кисти, а теперь я смогла ее вылечить. Я играла в теннис практически каждый день с того самого момента, когда мне исполнилось четыре года. И практически не давала своему телу возможности восстановиться. И вот теперь, впервые за многие годы, я стала залечивать травмы. Это было смешно. Я была отстранена от соревнований, но в результате этого отстранения я чувствовала себя лучше готовой к соревнованиям, чем раньше.

Когда пришло электронное письмо с вердиктом, я находилась в своей спальне в Манхэттен-Бич. Было 9.21 утра по тихоокеанскому поясному времени. Я знала, что письмо должно вот-вот прийти, так что не спала всю предыдущую ночь. Или бегала в туалет, или вертелась на кровати, или таращилась в потолок, или умоляла время идти чуточку быстрее. Я не могла сразу же заставить себя прочесть письмо – слишком нервничала – но сопроводительная записка моего адвоката дала мне некий намек. В ней говорилось, что суд сократил срок отстранения с двух лет до пятнадцати месяцев, большая часть из которых уже прошла. Прочитав это, я закричала. Мой отец находился в Беларуси у своей матери, но моя мама была внизу.

– Я возвращаюсь! – закричала я ей. – Я буду опять играть в теннис. Я возвращаюсь!

Я позвонила бабушке. Потом отцу. Меня переполняли радость и облегчение. Решение было не идеальным – но такого и не бывает. Но с моих плеч свалился колоссальный груз.

Текст официального заявления был даже лучше, чем сам вердикт. Всего в нескольких параграфах они полностью восстановили мое имя. У меня было такое ощущение, как будто я могла снова дышать. Мой адвокат скопировал и послал мне основные моменты официального заявления в своем электронном письме:

Спортсменка обратилась к доктору Скальни не с целью получить стимулирующие препараты, а по чисто медицинским причинам.

Соответствующими организациями (ВАДА, ITF, WTA) не было предпринято никаких шагов с тем, чтобы проинформировать спортсменов об изменении статуса мельдония (вещества, входящего в состав Милдроната). В этой связи комиссия обращает внимание на то, что антидопинговые агентства обязаны предпринимать ответственные шаги для того, чтобы сообщать спортсменам о серьезных изменениях с списках запрещенных веществ, таких как добавление в них новых веществ с указанием их торговых наименований.

Комиссия считает своим долгом подчеркнуть, что на основании имеющейся у нее информации спортсменка не предпринимала никаких шагов для того чтобы скрыть сам факт приема ей Милдроната, и открыто говорила об этом многим из своего окружения. При этом она руководствовалась рекомендациями врача и принимала препарат, будучи уверенной, что он ей поможет и что его прием соответствует существующим правилам и ее обязательствам, как спортсменки, связанным с приемом допинга. Лекарство принималось ей в течение длительного периода ее карьеры, а соответствующее антидопинговое агентство не дало ей четкой информации об изменении статуса препарата.

Последнее. Комиссия хочет обратить внимание на то, что расследование закончено и наказание, которое в результате его последовало, не связано с попытками спортсменки ввести общественность в заблуждение. Оно касается только степени вины спортсменки в том, что она не смогла убедиться, что статус препарата, который она принимала в течение долгого времени и в соответствии с медицинскими предписаниями, остался соответствующим требованиям TADP и WADC. Перед комиссией не стояла задача изучить случай намеренного нарушения правил TADP и WADC: таким образом спортсменку ни в коем случае нельзя обвинять в том, что она принимала допинг умышленно.

Я вылетела в Нью-Йорк. Там я находилась в тот момент, когда вердикт стал известен широкой публике. До этого, в течение девяти месяцев, я не дала ни одного интервью. Никаких комментариев, вообще никаких появлений в средствах массовой информации. Та пресс-конференция была моим последним словом. Я хотела дождаться, когда все юридические аспекты будут завершены. Теперь это произошло. Я появилась в шоу *Today* и *Charlie Rose.* Я дала большое интервью «Нью-Йорк Таймс». Наверное, мне хотелось, чтобы ITF признала свою ошибку. Но она заняла круговую оборону и мямлила что-то нечленораздельное. Ну да Бог с ними. С опытом

я поняла, что идеальной справедливости не существует, по крайней мере, не в этом мире. Невозможно контролировать то, что о тебе говорят или думают. Так же, как невозможно строить планы на будущее, заранее предполагая, что что-то пойдет не так. Надо просто работать изо всех сил, выполнять то, что положено, и говорить правду. В конце концов главное – это твои усилия. Все остальное находится вне твоего контроля.

У происшедшего есть одна положительная сторона – за все это время на меня вышло столько болельщиков, столько молодых девочек, которых вдохновили мой пример и моя жизнь. Никогда раньше я не задумывалась, как влияю на окружающих меня людей, как то, что я делаю, прокладывает дорогу новым поколениям, так же как предыдущие поколения проложили дорогу мне. Теперь я это понимаю, и меня это вдохновляет. Это делает меня счастливой, это вызывает во мне трепет и желание вернуться и продолжить играть в свою любимую игру. Вообще, все это очень интересно: до этих событий я думала о том, что мне пора заканчивать. О том, как это произойдет. О том, как будет выглядеть мой прощальный поклон. Но сейчас я об этом больше не думаю. Сейчас я думаю только о том, чтобы продолжать играть. Столько, сколько смогу. Изо всех сил. Пока не уберут сетку на корте. Пока не сожгут мои ракетки. Пока они не попытаются удержать меня. И я хотела бы посмотреть, как у них это получится.

Благодарности

Маме. В этой книге не хватит страниц, чтобы описать, насколько ты особенная. На мой шестнадцатый день рождения ты купила мне браслет из жемчуга. В моей жизни ты сама и все, что ты делаешь, и есть этот драгоценный жемчуг. Элегантный и крепкий. Твоя любовь к литературе вдохновила меня на написание этой книги, хотя мне слишком далеко до легендарных авторов, которыми ты восхищаешься. Знаю, что ты с сомнением восприняла это мое намерение, но надеюсь, что в один прекрасный день ты ее прочитаешь.

Папе. Ты проложил для меня ту дорогу, по которой я продолжаю идти и сейчас. Ты никогда не говорил мне, что я должна стать чемпионкой. Но ты и никогда не говорил мне, что я не могу ей стать. Ты просто делал все, чтобы я ею стала. Ты не только довел меня до пункта моего назначения, но и не покидал меня во время всего путешествия. Твои истории восхитительны, хотя рассказывать тебе надо побыстрее. Ты все еще немного выводишь меня из себя, когда в сотый раз говоришь, чтобы я убирала телефон во время еды, но этого уже не изменишь. Я уже слишком взрослая, чтобы меняться. Обещаю тебе, что ты еще насмотришься на мои подачи и удары до того, как умрешь. Все еще впереди. Ты еще очень молод.

Ричу. Семь лет назад, прочитав одну из твоих ранних работ, я была уверена, что ты поможешь мне написать эту книгу. Я так благодарная тебе за твой застенчивый талант. И более чем благодарна за терпеливое отношение ко всем мужчинам в моей жизни. Спасибо, что живешь и дышишь в одно время со мной. Без тебя на этих страницах царил бы хаос.

Эстель. Я люблю тебя. Твое имя должно стоять сразу же за словами «лучший друг» в любом словаре. Я буду вечно писать тебе и ждать от тебя бесконечных поздравлений с Рождеством и днем рождения. И я знаю, что в ближайшем обозримом будущем они не станут короче.

Максу. Девятнадцать лет, и это только начало того, чего мы с тобой добьемся. Я знаю, что до того, как ты стал моим агентом, у тебя было больше волос на голове и меньше подбородков. Да и талия у тебя была более привлекательной. Но ведь все это могут компенсировать деньги, не так ли?

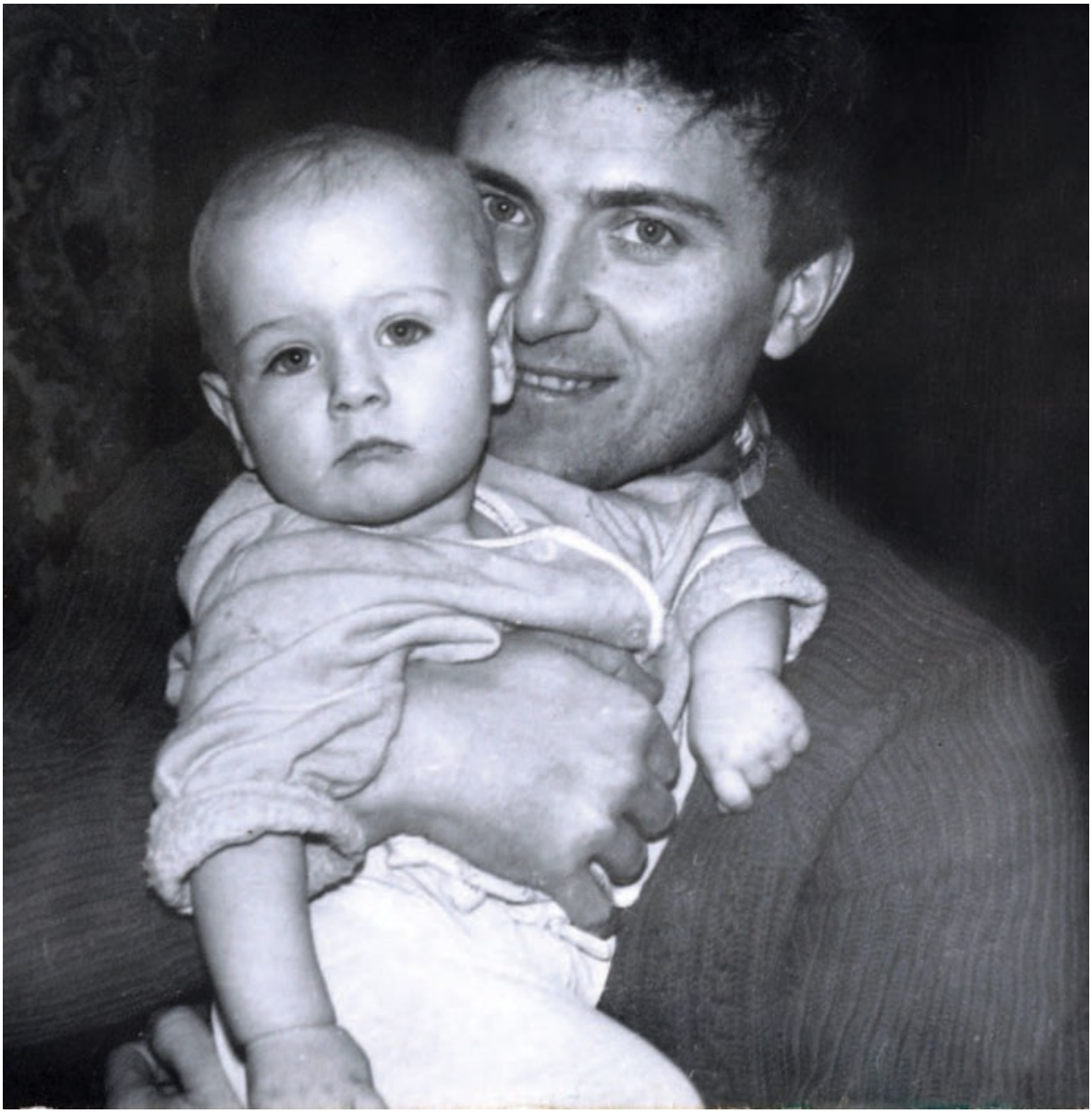
Дженнифер. Ты поверила в эту книгу до того, как в нее поверила я.

Твоя вера заразна – ты настоящий Босс с большой буквы. Хочу быть такой же, когда стану старше.

Саре. Страсть, с которой ты работала над этим проектом, незабываема. Ты поверила в историю моей жизни, прочитав всего первые несколько абзацев. Ни вопросов, ни требований. Ты просто освободила меня от всего, чтобы я могла написать эту книгу. Спасибо тебе!

Об авторе

Мария Шарапова родилась в Нягани, Россия. В возрасте шести лет переехала в США. Когда ей исполнилось семнадцать она выиграла у Серены Уильямс в финале Уимблдона. В восемнадцать лет она стала первым номером мирового рейтинга и становилась им еще несколько раз в течение своей карьеры. На сегодня она выиграла пять турниров Большого шлема. Живет в Манхэттен-Бич, Калифорния.



Искренняя улыбка моего отца и искреннее проявление синдрома стервозного лица, который развился у меня еще в раннем детстве.

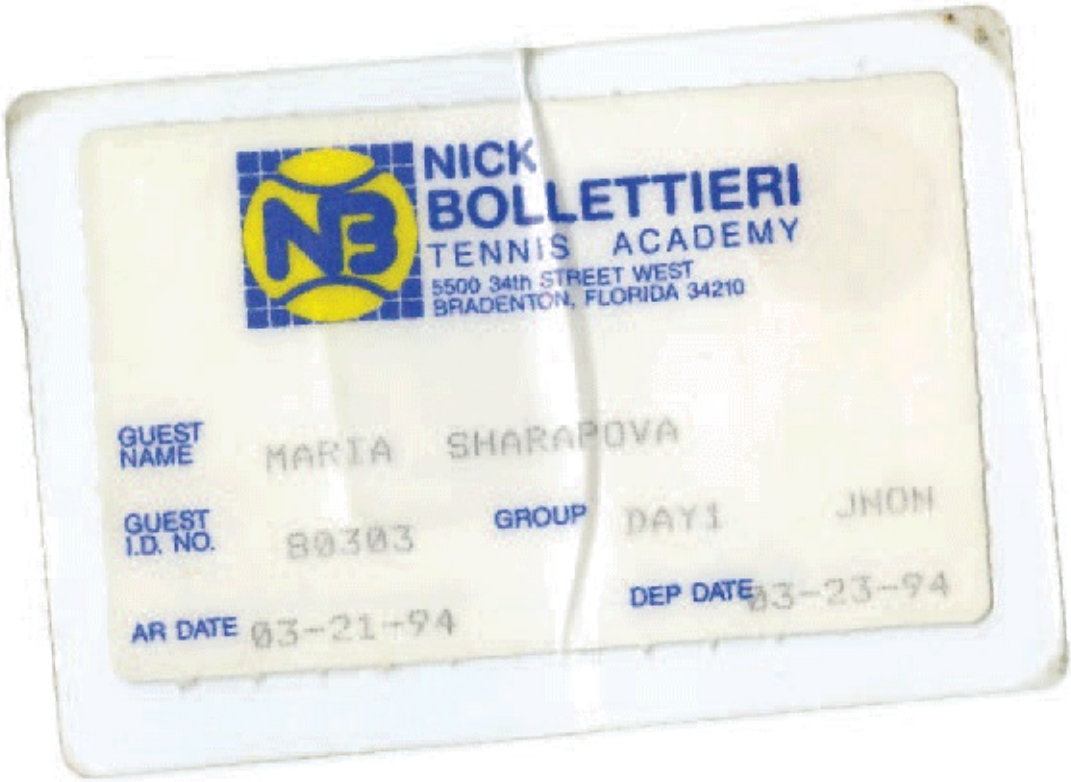
Здесь мне 5.

Тренируюсь в общественном парке в Сочи жарким летним днем. А куда подевались шорты?

Первые дни в Брейдентоне, Флорида. Уже на каком-то общественном корте за колледжем. Папа настоящий красавчик!

Май 1994 г. Впервые увидела белые пески пляжа Брейдентон-Бич. На мне купальник, который мама упаковала для меня еще в России.

Кто-то вручную пошил эту юбку для меня, и я должна была носить ее пять дней в неделю (пока она не порвалась). Папа не знал, как ее починить.



Мое первое удостоверение Академии тенниса Боллетьери. Своей подписи у меня еще не было, поэтому папа расписался за меня.

Это Геральд, мой тренер по боксу. Мне было 8, но он обращался со мной как со взрослой. Мы боксировали несколько раундов, а еще он кидал мне в живот пятикилограммовый медицинбол – чтобы укрепить мышцы корпуса.

С Робертом Лансдорпом.

Он улыбается, но, судя по всему, заставит меня бегать по корту, пока эта тележка не опустеет.

Первая встреча Марка Маккормака с моими родителями.

С Эстель на нашем любимом батуте. «Сообщницы» на всю жизнь!

Я не торопилась уходить с корта. Думаю, им это вроде как нравилось.
(Photograph by Alastair Grant, AFP Collection; courtesy of Getty Images)

Невероятно! Впервые стала чемпионкой турнира Большого Шлема в Уимблдоне. Мне 17.

(Photograph by Professional Sport, Popperfoto Collection; courtesy of Getty Images)

Прибыла на бал чемпионов Уимблдона. Без завивки, без макияжа. Я выгляжу такой смущенной (впрочем, так и есть).

(Photograph by Ferdaus Shamim, WireImage Collection; courtesy of Getty Images)

На следующее утро после победы в Уимблдонском турнире. С детьми людей, которые нас принимали, и копией трофея.

Первая победа над Жюстин Энен и мой единственный (пока) чемпионский титул на Открытом чемпионате США по теннису. В любимом платье от Nike – в стиле Одри Хэпберн.

(Photograph by Caryn Levy, Sports Illustrated Collection; courtesy of Getty Images)

Звоню папе, очнувшись от наркоза после операции на плече. Выгляжу несчастной, а чувствую себя еще хуже, потому что никаких гарантий на возвращение в спорт нет.

Несу флаг на Олимпийских играх в Лондоне, 2012 г. Я стала первой русской женщиной, которой доверили такую честь, и всегда буду благодарна за это.

(Photograph by Christopher Morris, CORBIS Sports Collection; courtesy of Getty Images)

Улыбаюсь, получив «серебро» в Лондоне, но в душе желание поехать в Рио за «золотом». Но этого не произошло.

(Photograph by Clive Brunskill, Getty Images Sport Classic Collection; courtesy of Getty Images)

Когда мы обсуждали с Григором, какую фотографию выбрать для этой книги, то было ясно, что остановимся на этой. Это самое первое совместное фото на нашем первом свидании.

Эта улыбка – причина моих каждодневных тренировок. Призы прекрасны и не часты, а улыбка вечна!

(Photograph by Matthew Stockman, Getty Images Sport Collection; courtesy of Getty Images)

Подпрыгнула от счастья, впервые выиграв Открытый чемпионат Франции по теннису.

(Фотография: Алексей Куденко / РИА Новости)

Примечания

1

Обезболивающий препарат на основе ибупрофена. – здесь и далее (если не указано особо) Прим. пер.

2

Показательная тренировка профессионального игрока с юными теннисистами или открытый урок. – Прим. пер.

3

Американский комедийный сериал, который транслировался на канале ABC с 1969 по 1974 год.

4

Для теннисистов-правшей: форхенд (англ. Forehand) – удар справа, бэкхенд (англ. backhand) – удар слева. Для теннисистов-левшей – наоборот. – Прим. ред.

5

Inn (англ.) – гостиница придорожного типа, трактир, постоялый двор. – Прим. ред.

6

Имеется в виду детский телевизионный сериал «Барни и его друзья». Барни – плюшевый тираннозавр, наделенный человеческими качествами.

7

Австралийский теннисист, победитель юношеского Уимблдона.

8

Сербская теннисистка, бывшая первая ракетка мира в одиночном разряде.

9

Румынский теннисист, серебряный призер Олимпиады-2016 в парном разряде.

10

В бейсболе игрок, который бросает мяч с питчерской горки к дому. Обычно подачи отбирают у питчера очень много сил и требуют сильного замаха.

11

Около 177,5 см.

12

Около 167,5 см.

13

188 см.

14

Профессиональная французская теннисистка русского происхождения. В 2004 году выиграла Открытый чемпионат Франции в миксте.

15

В гольфе – участок с самой короткой травой, непосредственно возле лунки.

16

Теннисистка, игравшая в турнирах Большого шлема в 1977–1987 гг.

17

International Management Group – крупнейшая в мире спорта маркетинговая организация.

18

В теннисе – игрок, обладающий сильным ударом.

19

Американский актер и певец. Наиболее известен по ролям в сериалах «Рыцарь дорог» и «Спасатели Малибу».

20

Фраза приписывается бизнесмену Берту Лансу, работавшему в администрации президента Дж. Картера.

21

Американская теннисистка, бывшая первая ракетка мира, дважды победительница Открытого чемпионата США в одиночном разряде.

22

Тип удара в теннисе, при котором мяч посылается по диагонали корта.

23

Американский теннисист и спортивный функционер. Победитель двух турниров Большого шлема в миксте.

24

Американский теннисист, четвертьфиналист одного турнира Большого шлема в одиночной разряде (Уимблдон-2000).

25

Американский теннисист, бывшая первая ракетка мира. Семикратный победитель турниров Большого шлема.

26

Американский теннисист, бывшая первая ракетка мира. Восьмикратный победитель турниров Большого шлема.

27

Австралийский теннисист, одиннадцатикратный победитель турниров Большого шлема.

28

Около 20 см.

29

Речь идет о так называемой «уайлд-кард», которая позволяет попасть в основную сетку турнира без предварительного отбора.

30

Корт с жестким покрытием.

31

Женская теннисная ассоциация.

32

Американская теннисистка. 302 место в мировой классификации.

33

Словацкая теннисистка, обладательница карьерного Большого шлема в миксте.

34

Американская теннисистка, восьмикратная финалистка турниров Большого шлема в одиночном разряде, двукратная олимпийская чемпионка.

35

Чешская теннисистка, победительница 21 одного турнира WTA.

36

Немецкий теннисист, двукратный победитель турниров Большого шлема в парном разряде.

37

Российская теннисистка, полуфиналистка двух турниров Большого шлема в миксте.

38

Американская теннисистка. Экс-третья ракетка мира в юниорском одиночном рейтинге.

39

Французская теннисистка, победительница двух турниров Большого шлема в парном разряде.

40

Австралийская теннисистка сербского происхождения. Экс-четвертая ракетка мира в одиночном разряде.

41

Венгерская теннисистка, победительница 6 турниров ITF.

42

Город в Калифорнии, пригород Лос-Анджелеса.

43

Испанская теннисистка, победительница 27 турниров ITF.

44

Американская теннисистка, победительница 32 турниров ITF.

45

Марка алкогольного напитка. Традиционный английский крюшон. Готовится из алкогольного напитка на основе джина.

46

Испанский теннисист, бывшая первая ракетка мира, победитель турнира Большого шлема. Спортивная кличка Москит.

47

Нидерландский теннисист, финалист Открытого чемпионата Франции, обладатель двух титулов ATP.

48

Австрийская теннисистка. Наивысший рейтинг в карьере – 105.

49

Итальянская теннисистка. Наивысший рейтинг в карьере – 46.

50

Российская теннисистка, четырехкратная победительница турниров Большого шлема.

51

Немецкая теннисистка. Наивысший рейтинг в карьере – 47.

52

Аргентинская теннисистка, восьмикратная победительница турниров Большого шлема в парном разряде.

53

Российская теннисистка, победительница Итогового чемпионата WTA в парном разряде.

54

Игра слов. Мальчик, вместо слова skimmy (обезжиренное), употребляет слово skinny (худой, тощий).

55

Украинская теннисистка, победительница трех турниров WTA в парном разряде.

56

Английская теннисистка лаосского происхождения. Победительница 28 турниров ITF.

57

На Уимблдонском турнире жребий определяется подброшенной монетой.

58

Американская теннисистка, участница рекордного 71 турнира Большого шлема. Рекорд побит Винус Уильямс на открытом чемпионате США.

59

Международная детская образовательная программа.

60

Основан американцем Джеймсом ван Алленом в 1954 году. Находится в Ньюпорте, США.

61

Японская теннисистка, бывшая первая ракетка мира в парном разряде. Победительница четырех турниров Большого шлема в парном разряде.

62

Знаменитая американская теннисистка, выступавшая в 60–80 г. Рекордсменка по количеству побед на Уимблдонских турнирах.

63

Уимблдонский турнир проводится на кортах Всеанглийского клуба лаун-тенниса и крокета.

64

Температура дана по Фаренгейту. Около 21 градуса по Цельсию.

65

Сайт, предоставляющий новостную информацию и мнение болельщиков о спортивных событиях.

66

Американский кабельный спортивный канал.

67

Китайская теннисистка, одна из наиболее успешных в истории национального тенниса, победительница двух турниров Большого шлема.

68

Немецкая теннисистка. Наивысший рейтинг в карьере – 87.

69

Хорватская теннисистка, победительница одного юниорского турнира Большого шлема.

70

Российская теннисистка, победительница двух итоговых турниров

WTA в парном разряде.

71

Украинская теннисистка, победительница одного турнира Большого шлема в парном разряде.

72

Немецкая теннисистка польского происхождения. Обладательница мирового рекорда в скорости подачи среди женщин.

73

Чешская теннисистка, победительница двух турниров Большого шлема и итогового турнира WTA.

74

Чешская теннисистка, обладательница Кубка Федерации в составе национальной сборной Чехии.

75

Итальянская теннисистка, обладательница «карьерного» Большого шлема в парном разряде.

76

Американская теннисистка, полуфиналистка одного турнира Большого шлема.

77

Испанская теннисистка, победительница двух турниров Большого шлема.